

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№2 ФЕВРАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2017

О жизни и творчестве художника Дмитрия Левицкого и промышленника-благотворителя Прокофия Демидова читайте на странице 66.

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Красный бант на голубой крови** 4

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **В. Катаев. Таивший в себе миры** 24

Итоги конкурса

Сергей Рыжков **У бабушки Катерины** 40

Чтобы помнили

Анатолий Пшеничный **Последняя песнь артиста**..... 45

Минувшее

Алла Зубкова **Его Высокопреосвященство** 48

Шедевры

Ирина Опимах **Портрет Демидова
кисти Левицкого**..... 66

Замечательные современники

Елена Воробьева **Данил Стеклов: «Хочется,
чтобы мир стал лучше
и чтобы люди стали добрее»**..... 76

Посмеемся вместе

Ольга Степнова **Портрет розовым карандашом** 84

Это интересно

Артем Омельченко **«Пустынница» в кругу людей**..... 90

Виктор Ом **Ремесло — золото!** 124

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Пина Бауш. Больше,
чем танец** 96

Литературные страницы МСПС

Иван Переверзин **Постижение любви** 105

Детектив

Ольга Гаврилина **Возвращение монашки** 134

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Тимофей Зоткин. Игрушка.
(Из фонда Музея народной графики
в Москве)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.01.2017

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« 9 марта 1953 года на Красной площади хоронили И.В. Сталина. И в этот день, можно сказать, завершилась одна эпоха и началась совсем другая, которая знаменовалась жестокой войной за власть... Главой государства стал первый заместитель Предсовмина Маленков. Народ воспринимал его как преемника Сталина, но с полным равнодушием: он был ему почти не известен. А теневым главой государства все еще оставался Берия... После того как в 1955 году Маленков подал заявление об отставке, а Берия был убит, на первый план вышел, постепенно избавившись от могущественных конкурентов, Н.С.Хрущев, сосредоточивший в своих руках полную власть. С этого времени начался период «оттепели»...

Светлана **Бестужева-Лада** «Конец эпохи»

« 125 лет назад родилась одна из самых удивительных русских поэтесс Марина Цветаева. Свою короткую жизнь она прожила «на разрыв аорты», принеся ее в жертву Стиху. Как говорил нобелевский лауреат Иосиф Бродский, «Цветаева действительно самый искренний русский поэт, но искренность эта есть, прежде всего, искренность звука — как когда кричат от боли...»

Юрий **Осипов** «Единый судья: будущее»

« Русский классик М.Е.Салтыков-Щедрин писал: «Если я усну и проснусь через сто лет, и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют...» Да, приходится с сожалением признать, что взяточничество и казнокрадство имеет на Руси богатую историю и является реальной угрозой моральным устоям общества. Может быть, незавидная судьба этих хапуг прошлого заставит призадуматься и нынешних поклонников «золотого тельца»...

Владимир **Братченко** «Украсть, так миллион...»

« До первого брака эта женщина носила имя Агата Мэри Кларисса Миллер, после второго стала леди Мэллоуэн, но для десятка миллионов читателей она всегда была и остается Агатой Кристи. Многие обстоятельства ее жизни по сей день покрыты флером тайны. Но мы попытались хоть немного приподнять эту завесу...

Алла **Зубкова** «Тайны Агаты Кристи»

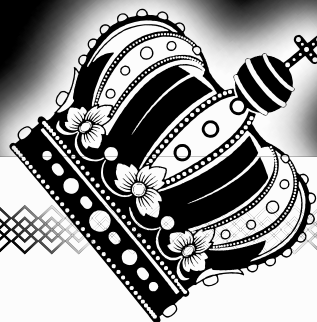
« Окончание детектива Ольги **Гаврилиной** «Возвращение монашки»

Светлана
Бестужева-Лада

КРАСНЫЙ БАНТ

НА ГОЛУБОЙ КРОВИ

Удивительно: про Февральскую революцию 1917 года было написано во всех учебниках истории советского периода, но написано как-то так своеобразно, что сведения об этом немаловажном событии вылетали из голов учащихся быстрее, чем заканчивался урок. И никогда не отмечалось годовщины начала этой революции.

Допустим, начало определить трудно: напряжение накапливалось постепенно, стихийный порыв народных масс четко совпал по времени с острым политическим кризисом в верхах и резким недовольством либерально-буржуазных кругов единоличной политикой царя.

Но отречение Николая II от престола, приведшее в результате к многолетним кровавым событиям, тоже преподносится как малозначимый эпизод февральского переворота...

Династия Романовых прекратила свое существование — и это, кстати, оказалось сюрпризом для членов царской семьи, активно способствовавших отречению Николая Александровича от престола. Зато крупная (и не очень) буржуазия была в восторге: наконец-то сформировалось Временное правительство

под председательством князя Георгия Львова, тесно связанное с буржуазными общественными организациями, возникшими в годы войны (Всероссийский земский союз, Городской союз, Центральный военно-промышленный комитет).

Временное правительство соединило в своем лице законодательную

и исполнительную власть, заменив царя, Госсовет, Думу и Совет министров и подчинив себе высшие учреждения (Сенат и Синод). В своей Декларации оно объявило амнистию политическим заключенным, гражданские свободы, замену полиции «народной милицией», реформу местного самоуправления.

Буржуа, интеллигенция, студенты и преподаватели, крупные землевладельцы и хозяева крупных предприятий, юристы и врачи расхаживали с красными бантами и радостными улыбками на лицах и приветствовали друг друга:

— Поздравляем с революцией, господа! Наконец-то!

Обстановку всеобщего благорасположения портили лишь постоянные хлебные бунты и практически одновременное создание революционно-демократическими силами параллельного органа власти — Петроградского Совета. Но поскольку все равно никто никем и ничем в то время не управлял, на двоевластие можно было закрыть глаза и рассуждать о том, что правильнее: восстановить монархию (конституционную, как в Англии!) или отдать власть в руки Думы под руководство президента (как во Франции).

Аристократию, рассуждающую в своих роскошных гостиных о том, кто из Романовых будет наиболее достоин российского престола, когда закончится вся эта «заварушка», реальное положение дел не волновало совершенно. Ее не насторожило то, что хлебные бунты, начавшиеся в столице в феврале, как-то уди-

вительно наложились на антивоенные митинги, демонстрации, стачки на промышленных предприятиях города, а, главное, брожение среди многотысячного столичного гарнизона, присоединившегося к вышедшим на улицы революционным массам.

А ведь именно войска, перешедшие на сторону восставших, заняли важнейшие пункты города и правительственные здания. В сложившейся обстановке царское правительство проявило полное бессилие, разрозненные и немногочисленные силы, сохранявшие ему верность, оказались не в состоянии самостоятельно справиться с анархией, охватившей столицу, а несколько частей, спешно отозванных с фронта для подавления восстания, не смогли пробиться к городу.

А ведь еще в конце января о заговоре царю сообщил флигель-адъютант А.А. Мордвинов, на что Николай II ответил:

«Ах, опять о заговоре, я так и думал, что об этом будет речь, мне и раньше уже говорили... добрые, простые люди все беспокоятся... я знаю, они любят меня и нашу матушку Россию и, конечно, не хотят никакого переворота. У них-то уж наверно более здравого смысла, чем у других».

Ну, что на это можно сказать? Николай Александрович был все-таки очень добрым человеком. И совсем не годился на роль грозного правителя, а только такие и в состоянии были в любые времена железной рукой удерживать подданных от всяких глупостей.

Очередь за хлебом, охраняемая полицией

Февральские события в России ознаменовали собой начало развала традиционных учреждений и всех форм управления вообще под воздействием ряда разрушительных сил, развивавшихся в обстановке всеобщей войны, которая сама по себе явилась источником общего упадка, экономического кризиса, социальных потрясений и падения авторитета государства.

Наиболее дальновидные и умные представители семейства Романовых, не поднимая особого шума, переехали со всеми своими денежными активами в безопасные страны (Швейцарию, Испанию, скандинавские государства). Недвижимость продавать не стали, поскольку никто не верил, что все это безобразие продлится дольше нескольких месяцев.

Но главный претендент на трон (кстати, официально назначенный

императором в Манифесте об отречении Николая II) Михаил Александрович, помимо своей воли, сыграл роковую роль в дальнейшем развитии событий.

Кандидатура Михаила Александровича на российский престол при установлении строя конституционной монархии многим современникам казалась единственным вариантом эволюционного развития России. В действующей армии многие воинские части начали присягать на верность императору Михаилу II. П.Н. Краснов вспоминал, что, когда в его 4-й Кавалерийской дивизии он объявил о восшествии на престол Михаила, ответом ему было многотысячное «Ура!» выстроенных для оглашения этой новости частей.

Михаил Александрович, однако, не мог и не рискнул вступить на престол, так как потерял официальные

права на него в связи с морганатическим браком — женитьбой на княгине Брасовой. Так что, предлагая престол Михаилу Александровичу, высшая аристократия ничем не рисковала — но об этом было известно только ей.

Представители Госдумы во главе с М.В. Родзянко посчитали возможным вступить в переговоры с великим князем Михаилом как с кандидатом на императорский трон. П.Н. Милюков попытался уговорить великого князя не отречься от престола и даже предложил всем монархическим силам оставить Петроград и сгруппироваться в более консервативной Москве, однако открывшаяся перспектива гражданской войны крайне испугала всех присутствующих.

Окончательно вопрос был решен после того, как представители Думы прямо заявили, что в случае принятия им престола в столице разразится новое восстание, и Дума не может гарантировать ему безопасность.

В ответ на Манифест отречения Николая II был составлен «Манифест Михаила». В нем Михаил Александрович попросил всех граждан России подчиниться Временному правительству и объявил, что примет верховную власть только в случае, если народ выразит на то свою волю посредством всенародного голосования на выборах представителей в Учредительное собрание, которое должно было решить вопрос об «образе правления» государством.

Таким образом, возвращение монархии (в конституционной ее фор-

ме) не исключалось, но ситуация осложнялась тем, что само отречение Николая II было сделано с вольными или невольными нарушениями правил о престолонаследии Рос-

на нее ошеломляющее впечатление: основной стержень был вынут из русской государственной жизни...»

С этого времени на пути революции уже не было серьезных пре-

Иаиболее дальновидные представители семейства Романовых, не поднимая особого шума, переместились со всеми своими денежными активами в безопасные страны (Швейцарию, Испанию, скандинавские государства). Недвижимость продавать не стали, поскольку никто из них не верил, что все это безобразие продлится дольше нескольких месяцев. (Оно продлилось семьдесят с лишним лет, за которые семья Романовых потеряла легитимные права на российский престол)

сийского императорского дома, что делало акт царя незаконным само по себе.

Но в любом случае именно Манифест Михаила Александровича, и де-факто, и де-юре, прервал законную цепочку престолонаследия и прекратил монархическую форму правления в России.

В действующей армии отказ Михаила от принятия верховной власти произвел удручающее впечатление. Историк В.М. Хрусталеv привел воспоминания князя С.Е. Трубецкого, которые считал характерными для того момента:

«Отречение государя-императора наша армия пережила сравнительно спокойно, но отречение Михаила Александровича, отказ от монархического принципа вообще — произвел

град. Не за что было зацепиться элементам порядка и традиции. Все переходило в состояние бесформенности и разложения. Россия погружалась в засасывающее болото грязной и кровавой революции.

Начиная с осени 1916 года, в оппозицию к Николаю II встали уже не только левые радикалы и либеральная Госдума, но даже ближайшие родственники самого царя — великие князья, которых на момент революции насчитывалось 15 человек. Их демарши вошли в историю как «великокняжеская фронда», по аналогии с фрондой принцев во Франции XVII века. Общим требованием великих князей стало отстранение от управления страной Распутина и царицы-немки и введение ответственного министерства.

7

Позже братья возложили на Меня
ваш Братца Моего, передавшего Мне
Императорский Всероссийский Престол
в пору буржуазной войны и вели-
кой народности . -

Обузданный единомысленно со всеми
народными массами, чья выше всего
блага Родины нашей, принимаю Я твер-
дое решение в том лишь случае вос-
принять Всероссийскую власть, если только
будет воля великого народа нашей,
которому надлежит всеародно
голосовать, чрез представляемый сейчас
в Учредительном Собрании, установленный
образ правления и новые основные
законы Государства Российского . -

Тому, призывая благословение
Божие, прошу всех граждан Государства
Российского подчиниться Временному
Правительству, по тому Государствен-
ной Думе возникшему и облеченному
всею полнотою власти, впредь до того,
как созданное в исключено кратчай-
ший срок, на основе всеобщего, прямого,
равного и тайного голосования, Учредитель-
ное Собрание своим решением обя-
зательно правления выразит волю
народа . - *М. Александрович*

3/III - 1917
Петроградъ.

**Отказ Михаила
Александровича
от принятия
престола
3 марта 1917 года**

Особенно радикальными для великого князя взглядами отличался Николай Михайлович, за свой радикализм даже получивший от современников прозвище «Филипп Эгалите», подобно своему «тезке», великий князь впоследствии также погиб во время революционного террора. 1 ноября 1916 года Николай Михай-

лович направил царю письмо следующего содержания:

«Пока производимый тобою выбор министров при том же сотрудничестве был известен только ограниченному кругу лиц, дела могли еще идти, но раз способ стал известен всем и каждому, и об этих методах распространилось во всех слоях общества,

*Михаил
Александрович
Романов*

так дальше управлять Россией немислимо... Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст, есть результат ловких подтасовок, а не действительной правды... Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России, и вер-

нулось бы утраченное тобою доверие громадного большинства твоих подданных. Все последующее быстро наладится само собой; ты найдешь людей, которые, при изменившихся условиях, согласятся работать под твоим личным руководством...»

То есть во всех бедах России оказались виноватыми национальность

царицы и то, что она попала под сильное влияние авантюриста Григория Распутина. Ну, во-первых, не одна она попала под это влияние, а, во-вторых, «старца» ей подсунули жены великих князей — дяди царя, Петра Николаевича, и герцога Георгия Лейхтенбергского — в девичестве принцессы Черногории Милица и Стана.

Первоначально новоиспеченные родственницы постарались войти в доверие к императрице и даже считались ее лучшими подругами, но чем напряженнее становилась ситуация в стране, чем сильнее оказывалось влияние Распутина на царскую чету, тем холоднее становились «подруги». Большинство сплетен о якобы имевших место интимных отношениях императрицы со старцем распускали именно «черногорки», причем с полного одобрения остальных родственников.

Действия царской семьи не ограничились только письмами и разговорами. 29 декабря 1916 года группа высокопоставленных заговорщиков-монархистов убила Григория Распутина. После этого взгляды «фронды» становились все более решительными. Председатель Госдумы Родзянко в своих мемуарах утверждает, что великая княгиня Мария Павловна в последних числах декабря 1916 года в частном разговоре будто бы предлагала ему «устранить, уничтожить» императрицу.

Нашли, наконец, крайнего.

Французский посол в Петрограде Морис Палеолог в своем днев-

нике сделал запись, утверждавшую, что великие князья Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи открыто обсуждают перспективы дворцового переворота с целью воцарения великого князя Николая Николаевича. По сведениям посла, аналогичные разговоры также открыто вел князь Гавриил Константинович.

«Фронда», однако, была с легкостью пресечена царем, который к 22 января 1917 года под разными предложениями выслал из столицы великих князей Николая Михайловича, Дмитрия Павловича, Андрея и Кирилла Владимировичей. Таким образом, четыре великих князя оказались в царской опале.

Все-таки мог быть, оказывается, и решительным, когда хотел.

Между тем история с «фрондой» имела непосредственное продолжение уже во время бурных событий Февральской революции. Безуспешно стремясь сохранить монархию, великие князья Михаил Александрович, Кирилл Владимирович и Павел Александрович 1 марта 1917 года подписали проект манифеста «О полной конституции русскому народу» («великокняжеский манифест»). Отречения царя этот проект не предусматривал.

После Февральской революции ряд великих князей признали Временное правительство. 9, 11 и 12 марта на имя премьер-министра князя Львова поступили соответствующие телеграммы от великих князей Николая Николаевича, Александра Михайловича, Бориса Владимировича, Сергея Михайло-

Февральская революция

вича, Георгия Михайловича и принца Александра Ольденбургского.

В последние месяцы перед революцией Николай II столкнулся с практически непрерывным давлением и с требованиями учредить ответственное министерство. Помимо либеральной Думы и «фрондирующих» великих князей, к этим требованиям присоединилось также множество других лиц — в основном «либеральной интеллигенции», жаждущей свободы.

Какой? Да какая разница! Главное, что скоро грянет буря, и воздух после грозы наполнится упоительными ароматами свободы, равенства и братства.

Известно мнение, что Февральская революция явилась следствием неудач русского правительства в ходе Первой мировой войны —

однако, как по наблюдениям современников тех событий, так и по данным современных историков, «пессимистические настроения в тылу были значительно сильнее, чем на фронте», и особенно сильными пессимизм и оппозиция были в Петрограде — по мнению некоторых исследователей, там это походило на повальное безумие или «массовую истерию».

Ликование первых дней после отречения царя от престола сменилось неуправляемым хаосом.

Акт об отказе великого князя Михаила Александровича немедленно «воспринять верховную власть» был опубликован в «Вестнике Временного правительства» одновременно с актом об отречении Николая II. Тогда же председатель правительства князь Г.Е. Львов направил

телеграмму всем военным и гражданским властям России с оповещением о переходе, в связи с указанными актами, верховной власти в стране к Временному правительству. Смена власти была узаконена.

Но еще до этого в Петрограде произошли события, ускорившие эту смену. Не следует думать, что император отрекся от престола, поспорившись со своим ближайшим окружением. За несколько дней до этого нападениям подверглись тюрьмы, из которых толпа освобождала заключенных. Собравшиеся на Литейном проспекте подожгли здание Окружного суда и блокировали пожарных, пытавшихся потушить огонь. Восставшие захватили примыкавшую к зданию суда следствен-

ную тюрьму, а также взяли штурмом другую тюрьму — Литовский замок (на берегу Крюкова канала), освободили заключенных, а само здание подожгли.

С Литейного проспекта огромная толпа рабочих, солдат, молодежи и городских жителей направилась к самой большой петроградской тюрьме «Кресты», где содержалось около двух тысяч заключенных. Освобожденные из «Крестов» политические заключенные, прежде всего, меньшевики-«оборонцы», арестованные в конце января 1917 года за организацию демонстрации в поддержку Государственной думы, повели огромную массу солдат и рабочих к Таврическому дворцу — резиденции Государственной думы.

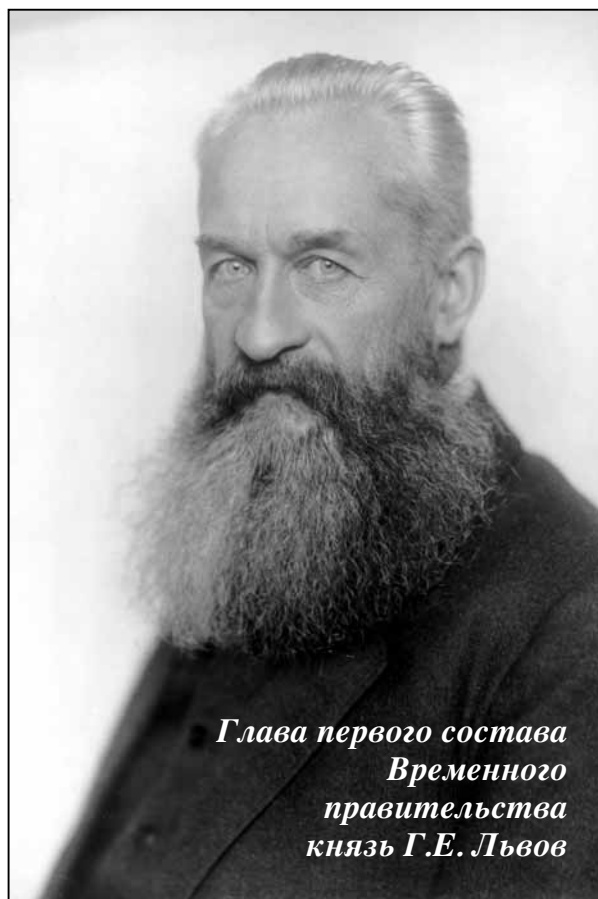
Толпа восторженно приветствовала их как настоящих героев-революционеров.

Дума оказалась осаждена толпой революционных солдат и рабочих. В результате депутаты решили, формально подчинившись указу о роспуске, собраться под видом «частного совещания». Это «частное совещание» членов Думы поручило Совету старейшин выбрать Временный комитет и определить дальнейшую роль Государственной думы в начавшихся событиях.

В тот же день Бюро ЦК РСДРП опубликовало манифест «Ко всем гражданам России», в котором призывало к созданию Временного революционного правительства, установлению демократической республики, введению 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьих земель, прекращению империалистической войны.

Во второй половине дня восстали Семеновский и Измайловский полки, запасный автобронедивизион — его солдаты захватили особняк Кшесинской. Были заняты Арсенал, Главпочтамт, телеграф, вокзалы, мосты. К вечеру на сторону революции перешло уже около 67 тысяч солдат Петроградского гарнизона.

Тем временем вооруженное восстание начало распространяться за пределы Петрограда. Взбунтовался Первый пулеметный запасной полк в Ораниенбауме и, убив 12 своих офицеров, самовольно выдвинулся в Петроград через Мартышкино, Петергоф и Стрельну, присоединив к себе по дороге ряд частей.

*Глава первого состава
Временного
правительства
князь Г.Е. Львов*

По городу начались погромы полицейских участков, убийства полицейских и офицеров, грабежи и мародерства. Вечером было разгромлено Петроградское охранное отделение и уничтожена большая часть его архивов. (Особое рвение при этом проявили тайные осведомители.)

Вечером в Таврическом дворце был избран исполком Петроградского Совета рабочих депутатов, руководство в котором осуществляли эсеры и меньшевики.

Восстание столичного гарнизона сильно осложнило положение царя, однако в распоряжении Николая II как Верховного главнокомандующего все еще находилась многомиллионная армия на фронте. Но всеобщая неразбериха и саботаж некото-

рых высших офицеров свели это гипотетическое преимущество к нулю. У императора не оставалось выбора: пожертвовать престолом или поставить под угрозу тысячи человеческих жизней. О втором он даже помыслить не мог и искренне считал, что его отречение восстановит порядок в стране.

Вслед за актами Николая II и Михаила Александровича последовали публичные заявления об отказе от своих прав на престол и других членов династии Романовых, при этом они ссылались на прецедент, созданный Михаилом Александровичем, — вернуть свои права на престол только в случае их подтверждения на Всероссийском учредительном собрании. По мнению историка Цветкова, лучше всего эту позицию выразил великий князь Николай Михайлович, ставший инициатором сбора «заявлений» от Романовых:

«Относительно прав наших и, в частности, моего на Престолонаследие я, горячо любя свою родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича».

Понять ход мыслей августейшего семейства невозможно, его можно только воспринять как данность. Видимо, сыграла роль абсолютная уверенность в том, что Романовы правили триста лет и после небольшой досадной заминки будут править еще столько же, если не больше.

Перед отъездом из Ставки Николай II издал прощальный приказ войскам, в котором завещал «сражаться

до победы» и «повиноваться Временному правительству». Генерал Алексеев передал этот приказ в Петроград, однако Временное правительство сильным давлением самопровозглашенного Петросовета отказалось опубликовать его.

Между прочим, в 1983 году за рубежом было опубликовано признание главного либерального идеолога Февральской революции, министра первого состава Временного правительства П.Н. Милюкова, которое он сделал в узком кругу единомышленников после своей отставки, а затем изложил в одном из писем вскоре после Октябрьского переворота:

«Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала войны, вы знаете также, что наша армия должна была перейти в наступление (весной 1917 года), результаты коего в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать свое согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть мое внутреннее состояние в настоящее время. История проклянет вождей так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю».

Британский историк Бернард Пэрс сформулировал это противоречие следующим образом: «фронт был здоров, тыл же прогнил». Британский военный атташе в России Альфред Нокс отмечал, что «если

бы не развал национального единства в тылу, русская армия могла увенчать себя новой славой в кампании 1917 года».

Вот это и есть главная причина свержения самодержавия и фактического бездействия временных властей. Россия не должна была стать победительницей в этой войне — слишком сильной она тогда становилась. А такой она была не нужна ни Европе, ни Америке.

Как не нужна сильной и единой сейчас.

ставляли абсолютное меньшинство в Советах.

Наиболее влиятельной социалистической партией по состоянию на весну 1917 года являлись эсеры, чей лозунг «социализации земледелия» соответствовал чаяниям основной массы крестьянства, ждавшей «черного передела» помещичьей земли.

Отречение Николая II в пользу брата, однако, вызвало замешательство у лидеров революции. Сразу последовали выступления, в которых утверждалось, что Михаил «ни-

В оппозицию к Николаю II встали уже не только левые радикалы и либеральная Дума, но даже ближайшие родственники царя — великие князья, которых на момент революции насчитывалось 15 человек. Их демарши вошли в историю как «великокняжеская фронда». Основным требованием великих князей стало отстранение от управления страной Распутина и царицы-немки.

И все-таки не нужно обвинять во всем этом хаосе большевиков. Они-то как раз к свержению императора и последующим событиям почти не имели отношения. Более того, большевистское руководство оказалось застигнуто Февральской революцией врасплох. (Это к вопросу о ведущей роли большевиков в Февральской революции.) Большевики тогда являлись лишь третьей по влиятельности партией среди социалистов, насчитывая в Петрограде всего лишь около 2 тысяч членов, и со-

когда не проявлял интереса к государственным делам, что он состоит в морганатическом браке с женщиной, известной своими политическими интригами, что в критический момент истории, когда он мог бы спасти положение, он проявил полное отсутствие воли и самостоятельности и так далее».

Подписание акта о непринятии верховной власти Михаил Александрович воспринимал как свое взвешенное и мудрое решение — он сохранял права на российский престол, вопрос

о форме правления оставался открытым до решения Учредительного собрания; это, по мнению великого князя, было именно то, что должно умиротворить страну. На следующее утро Михаил Александрович выехал из Петрограда и вернулся к своей семье в Гатчину, где повел жизнь провинциального обывателя.

Узнав по прибытии в Ставку об отказе великого князя Михаила Александровича от престола, Николай II сделал запись в своем дневнике:

«Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше».

Увы! Дальше становилось только хуже. Уже через пять дней исполком Петросовета постановил арестовать всю царскую семью, конфисковать их имущество и лишить гражданских прав. Временное правительство через два дня послушно приняло решение:

«Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося Императора в Царское Село».

В заседании участвовали министр-председатель князь Г.Е. Львов, военный и морской министр А.И. Гучков, министр иностранных дел П.Н. Милюков, обер-прокурор Святейшего синода В.Н. Львов и другие министры. Интересно, какими соображениями они руководствовались, принимая такое решение?

8 марта новый командующий войсками Петроградского военного округа генерал Л.Г. Корнилов лично арестовал императрицу, якобы для предотвращения возможного самосуда со стороны царскосельского гарнизона. Отдельно он настоял на том, чтобы караул царской семьи подчинялся штабу Петроградского военного округа, а не местному Совету. По-видимому, у него было гораздо более ясное представление о Советах вообще.

Николай II прибыл в Царское Село уже как «полковник Романов».

Арестом царской семьи Временным правительством, по словам В.Д. Набокова, *«был завязан узел, который был разрублен в Екатеринбурге в подвале Ипатьевского дома».*

Параллельно с Петроградом народные волнения начались и в Москве. Возбужденная толпа ворвалась в Бутырскую тюрьму освобождать 350 политзаключенных, попутно выпустив и до 700 уголовников. К 15 марта революционеры уже захватили почту, телеграф и телефон, контролировали все московские вокзалы, арсеналы и Кремль. Рабочими и солдатами было разгромлено и, по некоторым источникам, подожжено, Московское охранное отделение, занято большинство полицейских участков.

Новый глава правительства князь Львов назначил комиссаром Временного правительства по Москве бывшего городского голову Челнокова.

Вслед за Петроградом и Москвой революция постепенно начала распространяться и по всей

Баррикады, воздвигнутые революционными войсками на Литейном проспекте, 27 февраля

России, куда доходило известие об отречении Николая II.

Временное правительство России во главе с князем Г.Е. Львовым продержалось в таком составе до июля 1917 года, когда в результате июльского кризиса (демонстрация 3–4 июля закончилась массовым кровопролитием) его сменил А.Ф. Керенский.

Несмотря на то, что революция сопровождалась вооруженным мятежом и множеством самосудов, новая власть все же воспринималась значительным числом современников как «законная». В самом деле, после двойного отречения — царя Николая II и великого князя Михаила Александровича — единственным источником законной власти в сознании обывателей осталась Государственная дума и, следовательно, сформированное ею Временное правительство.

В поддержку новой власти выступил целый ряд лиц и учреждений, традиционно воспринимавшихся как основная опора самодержавия. Так, за отречение Николая II высказались практически все командующие фронтами и флотами и целый ряд великих князей, включая популярного тогда среди солдат великого князя Николая Николаевича.

Однако три состава Временного правительства, сменившие друг друга, показали полную его неспособность решить проблемы, доставшиеся в наследство от старого режима: экономический кризис, продолжение войны, рабочий и земельный вопросы, обесценивание рубля.

При этом продолжал пользоваться огромным влиянием Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, что позволило охарактеризовать послереволюционную ситуацию как двоевластие. С одной

*Расстрел рабочей демонстрации в Петрограде.
Февраль 1917 г.*

стороны, было Временное правительство, преследующее цель создания России капиталистической, современной, либеральной, а с другой был Петроградский Совет, создатели которого рассчитывали на формирование прямой революционной «власти трудовых масс».

Вместе с тем в механизме «февральской легитимности» имелся ряд изъянов. Действовавшая на момент революции Дума IV созыва по старым, дореволюционным, законам была избрана законно, однако Временное правительство уже никто не выбирал. Первый его состав был подобран кулуарно думскими лидерами на основании списков будущего

ответственного министерства, ходивших по рукам либеральной оппозиции с конца 1916 года. Князь Львов часто назывался в этих списках главой нового правительства, так как в глазах либералов он считался «представителем общественности».

Фактически первый состав Временного правительства был подобран Милюковым. А в ответ на вопрос «Кто вас выбрал?» — он не нашел ничего лучшего как ответить: «Нас выбрала революция!»

Символом Февральской революции стал красный бант, красные знамена. Прежнюю власть объявили «царизмом» и «старым режимом». В речь вошло слово «това-

рищ», которым с особым удовольствием пользовалась «прогрессивная интеллигенция» и даже аристократия. Как и красные банты, это было новой модой, отличительной чертой «строителей нового общества».

Только вот беда: строить никто из строителей не умел, в лучшем случае, мог предложить идею теории строительства. Госдума IV созыва, сыгравшая во время Февральской революции огромную роль, вскоре полностью потеряла всякое влияние. После образования Временного правительства она практически перестала заседать, и была окончательно распущена 6 октября 1917 года.

Непосредственно в ходе революционных событий резко усилилось влияние думского депутата Керенского А.Ф., вошедшего одновременно и в первый состав Временного правительства (в качестве министра юстиции), и в первый состав Петросовета (в качестве товарища (заместителя) председателя).

Благодаря своей бурной энергии и яркой, эффектной, манере митинговых выступлений Керенский завоевал значительную популярность, его личным изобретением стало появление на публике в полувоенном френче — стиль «народного вождя», впоследствии скопированный целым рядом лидеров большевизма. Весной 1917 года он был кумиром «прогрессивной общественности».

Либералы из партии конституционных демократов, преобладавшие

*Думский депутат
А.Ф. Керенский*

в первых двух составах кабинета министров, как и меньшевики, и эсеры, составлявшие большинство в третьем составе, целиком принадлежали к городской культурной элите, к тем кругам интеллигенции, которые соединяли в себе одновременно наивную и слепую веру в «народ» и страх перед окружавшей их «темной массой».

В большинстве своем они полагали (по крайней мере, в первые месяцы революции), что необходимо дать полную волю демократическому потоку, освобожденному сначала кризисом, а затем — падением старого режима. А там все наладится как бы само собой.

Увы... Взяв курс на продолжение войны «до победного конца», Временное правительство столкнулось с созданными им же самим трудно-

ревни способствовало разрастанию крестьянских беспорядков.

Летом 1917 года Керенский достиг вершин власти, однако его по-

Восстание столичного гарнизона осложнило положение царя, однако в его распоряжении как Верховного главнокомандующего все еще находилась многомиллионная армия на фронте. Но всеобщая неразбериха и саботаж некоторых высших офицеров свели это гипотетическое преимущество к нулю. У императора не оставалось выбора: пожертвовать престолом или поставить под угрозу тысячи человеческих жизней. О втором он даже помыслить не мог и искренне считал, что его отречение восстановит порядок в стране

стями — потерей управляемости армии, массовым дезертирством. В июле на фронте были восстановлены упраздненные во время революции военно-полевые суды, но это не поправило дела. В городах вооруженные солдаты запасных полков втянулись в политическую борьбу, в деревнях дезертиры призывали к захвату земли.

Число дезертиров резко возросло и достигало в августе-сентябре нескольких десятков тысяч в день. Солдаты были озабочены одним — стремлением поскорее добраться домой, чтобы не пропустить дележа земли и скота, отобранных у помещиков. С июня по октябрь 1917 года более двух миллионов солдат покинули части разлагавшейся армии. Их возвращение в родные де-

пулярность к этому времени уже была серьезно разрушена провалом июньского наступления и продолжавшимися экономическими проблемами. Была проведена денежная реформа (керенки).

Одновременно с этим большевистская партия получила возможность выйти из подполья благодаря объявленной Временным правительством амнистии за политические преступления, из ссылки и политической эмиграции вернулись десятки революционеров, немедленно включившихся в политическую жизнь страны. В апреле из Швейцарии вернулся Ленин, в мае в Россию прибыл Троцкий.

Сформированное 24 июля правительство стало сдвигаться вправо, его председатель А.Ф. Керенский

(перешедший в партию эсеров) сохранил и пост военного и морского министра; в третьем правительстве он был председателем и Верховным главнокомандующим. Вскоре, однако, обнаружилась угроза справа — в августе 1917 года главнокомандующий Л.Г. Корнилов, поддержанный рядом других генералов, предпринял попытку военного переворота. После этого из правительства были удалены министры-кадеты, и 1 сентября сформирована Директория из пяти человек во главе с Керенским, просуществовавшая до 24 сентября, когда было сформировано новое правительство.

Страх перед военной диктатурой заставил Керенского поспешить закрепить завоевания Февральской революции и, не дожидаясь реше-

ний Учредительного собрания, объявить Россию республикой. Российская Республика была провозглашена постановлением Временного правительства от 14 сентября 1917 года.

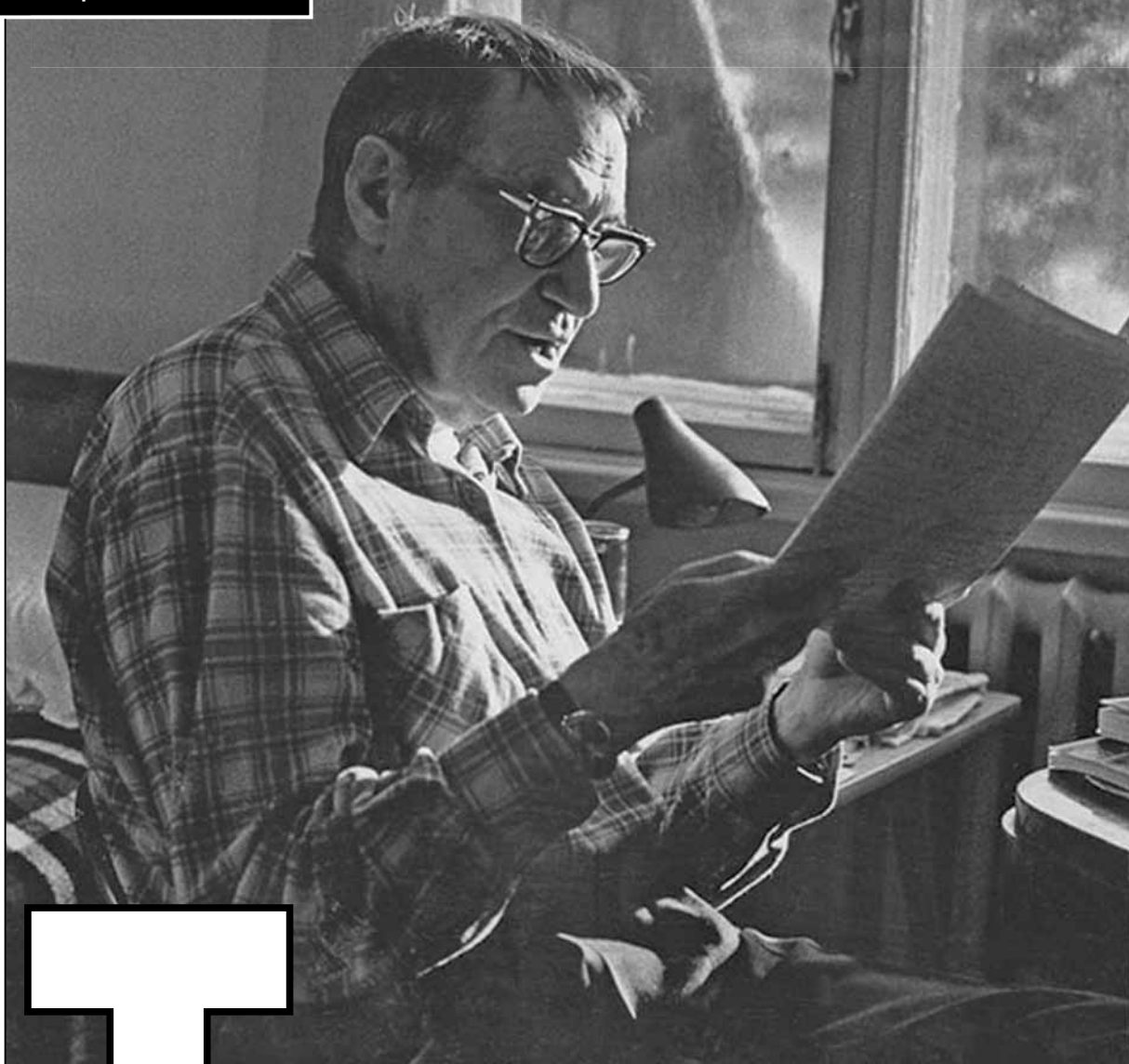
Левые партии получили послабления, началась большевизация Советов, в результате которой умеренного социалиста Чхеидзе на посту председателя Петросовета сменил радикально настроенный Лев Троцкий.

И, наконец, стремясь закрепить успех, большевики накануне выборов в Учредительное собрание предприняли вооруженный переворот, в результате которого Временное правительство было свергнуто.

Залп «Авроры» возвестил о начале новой эпохи в жизни России. □

В. Катаев

Юрий Осипов

Тайвший в себе
миры

Далеко не каждому большому писателю дано пережить под старость второе творческое рождение, как феникс, восстать из пепла, и в совершенно новом художественном облике вновь удивить Читателя.

Валентину Катаеву это удалось.

Молодым одесским поэтом он привлек заинтересованное внимание самого Ивана Бунина. Позднее стал изобретательным прозаиком приключенческого толка, выступив на заре советской власти с увлекательными романами и повестями, а со временем превратился в маститого советского писателя. На склоне же лет неожиданно начал «выдавать» одну за другим мемуарные вещи невероятной стилистической дерзости и свободы, весьма далекие от норм и идей социалистического реализма.

Противоречия Катаева-писателя дополнялись его человеческой противоречивостью. В молодости боевой офицер на Первой мировой войне и у белых, дважды раненый, кавалер двух Георгиев, ордена Святой Анны, а впоследствии — трех орденов Ленина, он в 21-м поразил Бунина эпатажным заявлением: «За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...»

Годы спустя, навестив в Москве после возвращения из Америки гонимого Осипа Мандельштама накануне его первой воронежской ссылки, он, усмехаясь, говорил, поскрипывая роскошными ботинками: «Ося, сейчас надо писать под Вальтера Скотта». И он же, рискуя навлечь на себя гнев вождя, всячески поддерживал опального поэта. Заняв при Хрущеве пост главного редактора журнала «Юность», Катаев сделал это издание легендарным «инкубатором» целой плеяды талантливых протестных писателей и поэтов, которых называли «шестидесятниками».

В брежневскую эпоху Катаева из «Юности» убрали, но разрешили издать (редкая честь!) прижизненное собрание сочинений, первым томам которого автор еще успел порадоваться в добровольном изгнании на перedelкинской даче.

Родился Валентин Петрович Катаев 28 января 1897 года в Одессе. Его отец, Петр Васильевич Катаев, происходил из семьи вяткинского священника, окончил духовную семинарию, затем с серебряной медалью — историко-филологический факуль-

тет Новороссийского университета и многие годы преподавал в юнкерском и епархиальном училищах «жемчужины у моря». Мать писателя, Евгения Ивановна, урожденная Бачей, была из старинного рода запорожских казаков. На закате жизни Катаев дал

фамилию матери юному герою повести «Белеет парус одинокий», одного из лучших своих автобиографических произведений, которые по занимательности могут соперничать с авантюрно-приключенческими романами.

Супруги Катаевы жили в любви и согласии. Валя у них был первенцем, а через шесть лет родился его младший брат Женя, названный в честь матери и ставший впоследствии соавтором знаменитых юмористических романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Увы, вскоре после рождения второго ребенка Евгения Ивановна умерла от воспаления легких, и детей помогала отцу воспитывать ее сердобольная сестра.

Будущие писатели, вместе с Бабелем, Олешей, Багрицким и другими талантливыми одесситами, сформировавшие затем яркое литературное направление «Юго-Запад», росли в окружении книг. В доме была необычайно обширная библиотека, которая включала в себя не только художественную, но также историческую и справочную литературу. Любовь к русской классике прививалась братьям с детства: по завещанному в семье обычаю родители читали им вечерами вслух.

«В своих книгах я часто описывал русские интеллигентные семьи, — вспоминал Валентин Петрович. — Прообразом для меня служила наша семья — папа, мама, тепло семейных отношений, царившее в нашем доме, глубочайшая поря-

дочность, бескорыстие. С детства я слышал имена Пушкина, Гоголя, Толстого, Лескова. В книжном шкафу стоял двенадцатитомный Карамзин».

Не удивительно, что с девяти лет Валя Катаев начал писать стихи. Причем — неплохие. В редакциях стихи гимназиста брали, однако не спешили печатать. И вдруг в 1910 году «Одесский вестник» поместил на видной странице его стихотворение «Осень». Это был прорыв. Окрыленный первым успехом, тринадцатилетний поэт продолжал штурмовать редакции, таская за собой младшего братишку, потому что одному ходить было страшно.

Отец его гимназического приятеля, литератор Александр Федоров, прочитав катаевские стихи, стал ему протезировать, представляя юное дарование своим учеником. Он же открыл мальчику чудо поэзии Бунина. «Я попросил папу купить мне книгу стихотворений Бунина. Отец посмотрел на меня сквозь пенсне глазами, на которые, по-моему, навернулись слезы умиления: наконец его оболтус взялся за ум...»

В то время Бунин часто бывал в Одессе, и Вале повезло познакомиться с ним лично.

Иван Алексеевич, что называется, взял его под свое крыло, и для начинающего автора потянулись месяцы настоящего ученичества у большого мастера. Бунин учил Валю писать стихи «каждый день, подобно тому, как скрипач или пианист непременно должен каждый день

без пропусков по несколько часов играть на своем инструменте». И еще он советовал молодому подопечному не торопиться с публикацией стихов, хотя и понимал, как тому хочется поскорее увидеть их напечатанными. Иван Алексеевич признавался Вале, что сам в начале творческого пути торопился с публикациями сырых вещей, о чем потом очень сожалел.

Советы мастера пошли впрок. Однако поэтические опыты Катаев вскоре оставил ради прозы (стихи же для себя, «в стол», продолжал писать почти всю свою долгую жизнь, собирал их в подборки и никогда не публиковал). Уже в поздние годы однажды высказался, что в окружении столь сильных отечественных поэтов начала и первой трети XX века ему можно было бы и не заниматься

поэзией. При этом он всегда оставался в душе поэтом.

Тем временем для юноши наступала пора любви, пора выбора пути.

По соседству с Катаевыми жило семейство полковника Алексинского, старшая дочь которого, Ирина, любимица всей семьи, музицировала, писала стихи, занималась художественной лепкой. Немудрено, что Валя без памяти влюбился в одаренную красотку, дежурил у нее под окнами, посвящал ей стихи. Память об этой первой любви писатель пронес через всю жизнь и сделал Ирину Алексин-

скую прототипом многих героинь своей прозы.

Юношеский роман Катаева оборвала Первая мировая война. Не окончив гимназию, Валентин вольноопределяющимся отправился в действующую армию, где, по прихоти судьбы, оказался в артиллерийской бригаде под командованием отца Ирины. Тот отнесся к молодому человеку сердечно и не препятствовал его продолжавшейся страстной переписке с дочерью.

Там, на фронте, поминутно рискуя жизнью, Катаев сохранил верность завету Бунина «писать каждый день, регулярно, не дожидаясь вдохновения, настроения». И он пи-

сал — рассказы, очерки, стихи. По-сылал их любимой и в столичные журналы, где эти вещи охотно печата-ли. В декабре 16-го Катаев вер-нулся в родной город для прохож-дения обучения в пехотном училище уже довольно известным автором. На несколько месяцев покой и те-плота отчего крова, гостиная Алек-

ки, с пожалованием титула лично-го дворянства.

Но все же столь успешная военная стезя не вскружила ему голову и уж тем более не стала его призванием, хоть и оставила в душе молодого человека глубокий след. Впечатле-ния бессмысленной мировой бойни с неисчислимыми человеческими

С

девяти лет Валя Катаев начал писать стихи, причем — неплохие. В редакциях стихи гимназиста брали, однако не спешили печатать. И вдруг в 1910 году «Одесский вестник» поместил на видной странице его стихотворение «Осень». Это был прорыв. Окрыленный первым успехом, тринадцатилетний поэт продолжал штурмовать редакции, таская за собой младшего братишку, потому что одному ходить было страшно

синских, свидания с Ириной заме-нили ему фронтовую реальность кровопролитных боев и лишений.

В мае 17-го Валентин вновь при-был на передовую и вскоре был тя-желю ранен. В одесском госпитале пролежал до ноября и написал там «Три сонета», опубликованные год спустя. Вернувшись снова на фронт после лечения, он попал под газо-вую атаку немцев и едва выжил, от-равленный фосгеном, после чего у него на всю жизнь осталась хри-потца в голосе. Он был награжден двумя Георгиевскими крестами, орденом Святой Анны IV степени, более изветным как «Анна за хра-брость», и произведен в подпоручи-

страданиями, кровью, грязью и по-том вошли как в ранние, так и в са-мые поздние произведения писателя.

А впереди его ждало новое су-ровое испытание — Гражданская война.

Переполненная беженцами из Центральной России Одесса еще не столкнулась с продовольствен-ным кризисом, а сменявшие друг друга оккупационные власти мало влияли на привычный южный уклад городской жизни. В Одессе про-должало действовать литературное объединение «Зеленая лампа», ак-тивными участниками которого яв-лялись молодые писатели и поэты Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий,

Леонид Нежданов, Зинанида Шишова и Валентин Катаев. Позже к ним присоединились Алексей Толстой и его жена, поэтесса Наталья Крандиевская.

Приморский город, между тем, переходил из рук в руки. Иногда бои шли прямо на улицах. Осенью 1918 года в Одессу вошли австрийские войска. Под угрозой расстрела население обязали сдать все имевшееся на руках оружие. У Катаева же в прихожей открыто висела его наградная офицерская шашка с анненским красным темляком. Как-то во время обыска, пишет в одной из книг Валентин Петрович, «австрийский офицер, такой же молодой, как и я, весь... выютюженный, в крагах и новеньком кепи, повертел ее в руках в замшевых перчатках, прочитал по складам надпись: «За храбрость» — и вернул мне со щегольской армейской любезностью, сказав, что я могу ее оставить у себя, так как «такое оружие голыми руками не берут».

В этом невероятном политическом хаосе и всеобщей неразберихе Катаев, подобно многим сверстникам и собратьям по перу (взять, к примеру, Булгакова) мучительно пытался сделать свой выбор. Тогда же в 18-м он вступил в ополчение марионеточного гетмана Скоропадского, а после его падения — в Добровольческую армию Деникина. Служил Катаев командиром первой артиллерийской башни бронепоезда «Новороссия». Это было самое опасное место на бронепоезде, кото-

рый участвовал в боях на два фронта — против петлюровцев в Виннице и против красных в Бердичеве.

Сыпной тиф в начале 1920 года и эвакуация в одесский госпиталь, откуда его вскоре забрали домой родные, стали для белогвардейского офицера Валентина Катаева своеобразным спасением от неминуемой гибели в бою или вынужденной эмиграции с остатками врангелевских частей. А в Одессе к тому времени уже окончательно утвердилась советская власть, и чекисты без разбора арестовывали всех подозреваемых. Не избежал после выздоровления этой страшной участи и Катаев. Несколько месяцев он находился в камере одесской ЧК, ожидая расстрела.

Спасла его счастливая случайность. Приехавший в Одессу с инспекцией крупный чекистский чин узнал в нем одного из выступавших на вечерах городского общества поэтов и освободил под свою ответственность. В память писателя об этом страшном эпизоде его биографии навсегда врезался «тугой и высокий» звук динамо-машины, работавшей по ночам в подвале «громадного бессонного дома посредине пустого и черного города», чтобы заглушить отчаянные крики расстреливаемых...

Осенью 20-го года оборванный и исхудавший Катаев вышел на свободу. И... пошел служить в Красную армию. Командиром батареи. Удивительным образом судьба этого талантливейшего одессита оказалась

в годы Гражданской войны очень схожей с судьбой гениально одаренного киевлянина Михаила Булгакова, военврача в Первую мировую, а затем — у белых и у красных, который также, благодаря счастливой случайности, избежал казни в ЧК. Мало того, двум начинающим русским писателям из Малороссии суждено будет вскоре близко сойтись в Москве, где у Катаева завяжется бурный роман с булгаковской сестрой, и где они однажды, поссо-

рившись, яростно подерутся в квартире верного «оруженосца» Маяковского Николая Асеева, которому посвящены шуточные строки его великого друга: «Есть у нас еще Асеев Колька. \\ Этот может, хватка у него моя. \\ Но ведь надо зарабатывать сколько — \\ маленькая, а семья».

Повоевать на стороне красных Катаеву, как и Булгакову, довелось недолго. Из армии его отозвали для работы в одесском отделении Бюро

украинской печати. Эта работа стала прологом карьеры Валентина Катаева как советского журналиста и литератора. К тому же она еще ближе свела его с Олешей и Багрицким, у которых он многому научился. Возглавив «Окна сатиры» одесского отделения РОСТА, Катаев снискал известность острыми фельетонами, стихотворными подписями к плакатам и юмористическими рассказами.

В Харькове, куда молодого фельетониста пригласила в штат одна

Мандельштам. — Только этот очень умен и талантлив».

На завоевание Москвы будущий классик прибыл с кучей фольклорных шуток Мыльникова переулка, ранней богемной квартиры писателей-одесситов. Многие из этих уморительных реприз достались потом Остапу Бендеру. Катаев подарил их заодно с идеей романа «Двенадцать стульев» Ильфу и Петрову, которые не забывали выражать ему за это признательность в предисловиях ко всем изданиям своей знаменитой книги.

В

семнадцатом году Валентин прибыл на передовую и вскоре был тяжело ранен. Подлечившись и снова вернувшись на фронт, он попал под газовую атаку немцев и едва выжил, после чего у него на всю жизнь осталась легкая хрипотца в голосе. Он был награжден двумя Георгиевскими крестами, орденом Святой Анны IV степени и произведен в подпоручики, с пожалованием титула личного дворянства

из городских газет, он подружился с четой Мандельштамов. Супруга поэта, Надежда, писала в своих знаменитых воспоминаниях, что Осип Эмильевич хорошо относился к Катаеву. «В нем есть настоящий бандитский шик», — говорил он. Теперь, когда вчерашний дворянин-«золотопогонник» вырвался из тисков смертельного страха и нищеты, ему страстно хотелось прочности и покоя, доверия начальства, денег. «Они все такие, — заметил

Стартовым трамплином для Катаева, как и для ряда других выдающихся писателей, включая Булгакова, стала газета железнодорожников «Гудок». По словам Константина Паустовского, там работали «самые веселые и едкие люди в тогдашней Москве». Причем в первой половине 20-х годов следом за Катаевым в столицу и в «Гудок» потянулись его замечательные друзья-одесситы — Олеша, Бабель, Славин, Ильф, Багрицкий.

Багрицкому, который не хотел менять устоявшуюся жизнь в Одессе на неизвестность и неустроенность в Москве, Катаев попросту не оставил выбора — он купил ему железнодорожный билет и назначил встречу на вокзале за полчаса до отхода поезда. Этот, по обыкновению, достаточно сложный и демонстративно грубый человек (о нем даже пустили шутку, что он «сделан из конины») без устали помогал землякам-писателям обустроиться на новом месте. Многие первое время жили прямо у него.

Свои газетные статьи и фельетоны Катаев подписывал псевдонимами «Старик Саббакин», «Ол.Твист», «Митрофан Горчица». А для друзей был просто Валюн или Катаич. Так его привык звать и близко сошедший с ним Маяковский.

Именно по настоянию старшего брата Евгений Петров написал свой первый фельетон на основе реальных событий и вскоре сделался профессиональным журналистом. Их семейную фамилию он оставил Валентину, избрав себе псевдоним, под которым вскоре прославился в соавторстве с Ильей Ильфом на всю страну.

Рабкоровские материалы подсказали молодому прозаику сюжет злободневной фантазмагорической повести «Растратчики», принесшей ему всероссийская известность. Повесть была опубликована в 1926 году в ведущем литературном журнале «Красная новь», и Константин Станиславский предложил автору переделать ее в пьесу для постановки во МХАТе.

На следующий год пьеса была готова и с успехом пошла на сцене Художественного театра. Вторая пьеса Катаева «Квадратура круга» в середине 30-х годов завоевала театральные подмостки не только Москвы, но и Бродвея. Все, о чем в голодные и холодные времена мечтал бывший офицер, сбылось.

Он был поразительно щедр на выдумку, его творческая фантазия не знала границ, ему оказались подвластны любые жанры и темы. И он всегда знал, как, сохраняя лицо, служить своим пером новой власти. Власть, в свою очередь, умела ценить его по достоинству.

Да и как было не ценить, когда миллионы советских людей зачитывались катаевским романом «Время, вперед!» (1932), тетралогией «Волны Черного моря» (1936–1961), посвященной преемственности революционных традиций и включающей в себя повести «Белеет парус одинокий», «Хуторок в степи», «Зимний ветер» и «За власть Советов» («Катакомбы»).

В первых двух частях эпопеи действуют такие же одесские мальчишки, какими были сам Катаев и его друзья детства. Причем в главном герое «Паруса», Пете Бачее, угадываются черты самого автора. Неповторимый колорит родных ему улиц, парков, набережных, базаров, веселых, гордых и мужественных одеситов, стойкость и героизм осажденного фашистами привольного города мы видим и на страницах остальных частей тетралогии.

Причем точно так же, как его творческая фантазия, не знал границ памятный современникам катаевский цинизм, которым он нередко бравировал. Старейший советский художник-график Б. Ефимов, знавший Катаева более полувека, писал: «Странным образом в Валентине Петровиче сочетались два совершенно разных

человека. Один — тонкий, пронизывающий, глубоко и интересно мыслящий писатель, великолепный мастер художественной прозы, пишущий на редкость выразительным, доходчивым, прозрачным литературным языком. И с ним совмещалась личность совершенно другого толка — разнузданный, бесцеремонно... пренебре-

гающий общепринятыми правилами приличия самодур».

В 1931 году Валентин Катаев женился на Эстер Бреннер, дочери Давида Бреннера, приехавшего с семьей в Россию после октября 17-го года. Эстер была моложе мужа на 16 лет. «И, конечно, я всю жизнь смотрела ему в рот», — вспоминала она. А он с ней советовался по поводу написанного, и каждый вечер читал готовые фрагменты новых вещей. Зато в их семейном быту всем командовала Эстер. Катаев никогда не водил машину, обычно его возила жена (в эпоху редакторства в «Юности» — служебный шофер, а в последние годы — сын).

лучившей в подарок волшебный цветок с прозрачными лепестками разных цветов.

Посвященную Эстер повесть «Белеет парус одинокий» Валентин Петрович выстукал на машинке одним пальцем, единственный раз нарушив завет своего учителя Бунина писать только пером на бумаге, что тот, собственно, и считал творчеством. Сын писателя Павел Катаев вспоминал, что «пишущая машинка «Ремингтон» пришла в квартиру на Тверской вместе с мамой, и отец стремился даже через вещи, ставшие общими, еще теснее соединиться с любимой женщиной».

Отказавшись от совместного сочинения с Ильфом и Петровым «Две-

Повоевать на стороне красных Катаеву довелось недолго. Из армии его отозвали для работы в одесском отделении Бюро украинской печати. Эта работа стала прологом карьеры Валентина Катаева как журналиста и литератора. И она еще ближе свела его с Олешей и Багрицким, у которых он многому научился

Перед войной в журнале «Пионер» была опубликована подборка детских стихотворений, с непременным указанием возраста авторов. И рядом — стихотворение, подписанное: «Валя Катаев, 37 лет». Тогда же он написал нестареющую детскую сказку «Цветик — семицветик» о доброй девочке Жене, по-

надцати стульев» на подаренный им сюжет, Валентин Петрович, тем не менее, выступил однажды соавтором их комедийного сценария «Под куполом цирка», по которому Григорий Александров поставил в 1936 году свой культовый фильм «Цирк» с Любовью Орловой в главной роли. Авторы сценария оказались, одна-

ко, настолько недовольны искажением их творческого замысла легкой музыкальной комедии, что сняли свои фамилии с титров...

Не боявшийся смерти в боях и в послевоенной бандитско-чекистской Одессе, Катаев не боялся заступаться за друзей и во времена жестоких сталинских репрессий середины тридцатых. В зловещем тридцать седьмом он был одним из очень немногих, кто поднял голос в защиту только что возвратившегося из ссылки Мандельштама. Катаев помогал ему деньгами, устроил у себя на квартире его тайную встречу с тогдашним руководителем Союза писателей Александром Фадеевым и месяц не разговаривал с обожаемой женой, посмевавшей оборвать резкое высказывание опального поэта по адресу Сталина в присутствии не слишком надежных в плане доноса гостей.

Помогал Катаев и вдове Мандельштама. В те годы он отважно хлопотал за многих гонимых, рискуя навлечь на себя высочайший гнев, о чем Валентина Петровна откровенно предупреждал Фадеев. «Тебе впору за себя бояться, на тебя столько доносов, а ты в чужие дела лезешь!» — увещевал он его. Позднее, в 1946-м, приехав в голодный, едва оправляющийся от гитлеровской блокады Ленинград, Катаев, не таясь, навещал Михаила Зощенко, который уже был официально заклеен как антисоветчик.

Спасала Катаева «нужность» режиму его талантливому перу.

Небольшая по объему повесть «Я сын трудового народа» (1937) с подкупающей проникновенностью рассказывала о трагической истории, случившейся во время Гражданской войны в одном из украинских сел. Повесть получила широкий резонанс, была экранизирована, на ее основе автор написал пьесу «Шел солдат с фронта», которую поставил Вахтанговский театр и которую не один сезон играли на многих театральных сценах страны.

А потом пришла новая, страшная война...

Военным корреспондентом «Правды» и «Красной звезды» Катаев вплоть до Победы колесил по фронтовым дорогам, писал газетные очерки, публицистику, рассказы. Творческим итогом тех суровых лет стала солнечная повесть «Сын полка», созданная в конце войны. Она посвящена судьбе мальчика-сироты, усыновленного полком. В 1946 году писатель был удостоен за эту повесть Сталинской премии.

После войны Катаев стал много пить. «То не пьет, не пьет, а затем, кончив повесть, иногда главу, загуливает», — рассказывала во Франции чете Буниных советская кинозвезда Валентина Серова. Павел Катаев так описывал сложившуюся ситуацию: «Мама... твердо и спокойно поставила в известность папу, что забирает детей и уходит, потому что не желает больше терпеть многодневные загулы, непонятных гостей и пьяные скандалы. «А тебе

и не надо никуда уходить, — сказал папа. — Я больше не пью».

Спустя десять лет он фактически основал и возглавил журнал «Юность». Станислав Куняев вспоминал: «Во времена моей литературной молодости самым многотиражным и популярным считался, конечно, журнал «Юность». Его главный редактор Валентин Катаев — блистательный стилист, умный и расчетливый человек, был кумиром левой молодежи. Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Аксенов, Гладилин, Амлинский не без основания считали журнал своим домом, а Катаева — отцом родным...»

Его сняли с должности главного редактора через шесть лет за публикацию «Звездного билета» Василия Аксенова. В 1975 году, к 20-летию созданного им журнала, Валентин Петрович прислал в «Юность» статью, в которой утверждал, что «ушел со своего высокого поста совершенно добровольно... чтобы уже как частное лицо всецело отдаться радостям тихой семейной жизни и свободному литературному творчеству». При этом статья содержала такие язвительные намеки на власть имущих, что на сей раз были уволены сотрудники редакции журнала, допустившие катаевскую статью в печать.

До конца жизни он оставался абсолютно бесстрашным, колючим и язвительным человеком, фрондером в душе, мечтавшим открыто воздать, наконец, должное своему XX веку, который прожил практиче-

ски целиком. В 1966 году Катаев подписал известное Письмо 25 деятелей культуры и науки Генсеку Л.И. Брежневу против реабилитации Сталина. А в 1973-м — Письмо группы советских писателей в редакцию газеты «Правда» в поддержку А. Солженицына и А. Сахарова.

Творческое возрождение с «воздаянием веку» началось у него документальной лирической повестью «Маленькая железная дверь в стене» (1964 г.). В ней читателям предстал новый Катаев, кардинально поменявший не только свою литературную манеру, но и тематику. С вызывающей откровенностью и раскованностью стиля он двинулся в этой ассоциативно-бессюжетной прозе в глубь собственной жиз-

ни и того мира, в котором она протекала на заре его молодости.

Затем на пике поистине удивительного для очень пожилого писателя импрессионистического мастерства последовали лирико-фи-

ет литературную атмосферу 20-х годов и, на правах близкого приятеля, дает спорные характеристики крупнейшим писателям и поэтам, которых вывел в романе под прозрачными прозвищами-масками...

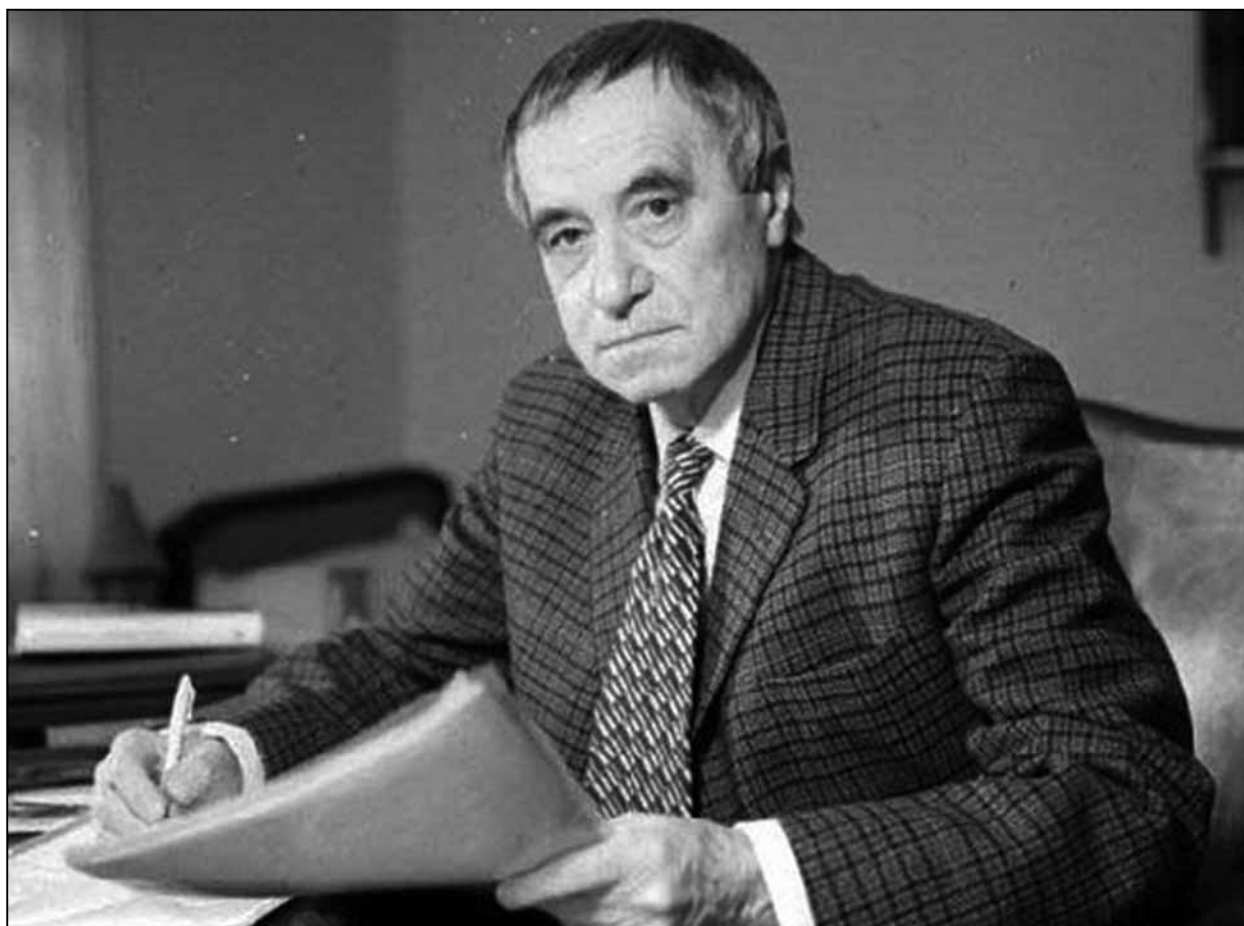
К

атаев фактически основал и возглавил журнал «Юность». Станислав Куняев вспоминал: «Во времена моей литературной молодости самым многотиражным и популярным считался, конечно, журнал «Юность». Его главный редактор Валентин Катаев — блистательный стилист, умный и расчетливый человек, был кумиром «левой» молодежи. Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Аксенов, Гладиллин, Амлинский не без основания считали журнал своим домом, а Катаева — отцом родным...»

лософские мемуарные повести «Святой колодец» (1966), «Трава забвения» (1967), «Разбитая жизнь или Волшебный рог Оберона» (1972), «Кладбище в Скулянах» (1974), «Уже написан Вертер» (1979), «Юношеский роман моего старого друга Саши Пчелкина...» (1982), «Сухой лиман» (1984), «Спящий» (1985). Свою новую литературную манеру сам Катаев иронически назвал «мовизмом» (от французского слова «мове» — плохой, дурной), как бы в пикку зализанности официальной советской прозы.

Широкую полемику и острые комментарии вызвал мемуарный катаевский роман «Алмазный мой венец» (1979), где автор едко описыва-

Будучи уже в преклонном возрасте, Валентин Петрович перенес операцию раковой опухоли. Перенес стоически, с присущим ему мужеством, восхищенно рассказывая потом сыну о блестящей работе хирургов. Он очень любил красивую одежду, но — без барского снобизма, а просто любовью к чужому мастерству, к изделию человеческих рук. Радовался, покупая родным дорогие подарки. Умел так же радоваться хорошей еде, вину, хотя в старости ел крайне мало. Зато получал удовольствие, угощая гостей, с приятным ему человеком мог выпить за столом бокал красного вина. Однако близких по духу людей становилось вокруг него все меньше и меньше...

«Для меня, хотя и не признанного, но все же поэта, — писал Катаев, — поэзией прежде всего было ее словесное выражение, то есть стихи. О, как много чужих стихов накопилось в моей памяти за всю мою долгую жизнь. Как я их любил!» Стихи все же Валентин Петрович продолжал писать и в старости. Несколько последних лет жизни он посвятил собиранию всех сочиненных им стихотворений, некоторые восстанавливал по письмам друзей и читателей, переписывал в специально купленные блокноты. Заполнил целых семь. Но сборник своих стихотворений так и не издал.

Возможно, впрочем, даже не стремился к этому. А учителю Иосифа Бродского поэту Евгению Рейну,

на вопрос, почему он не выпустил ни одной книги стихов, которые так нравились Бунину, Мандельштаму, Багрицкому, ответил: «Не судьба». Впрочем, назвал свои знаковые произведения строчками из стихотворений любимых поэтов: Лермонтова («Белеет парус одинокий»), Маяковского («Время, вперед!»), Пастернака («Уже написан Вертер»).

Валентин Петрович Катаев скончался на девяностом году жизни и похоронен на Новодевичьем кладбище. Его именем назван один из одесских переулков, а в центре города установлена бронзовая скульптура юных героев «Паруса» — Пети и Гаврика, с которыми у него было так много общего. □

Сергей Рыжков

У БАБУШКИ КАТЕРИНЫ

Она всегда говорила «родный», с ударением на первом слоге и через «ы». Хотя прожила в Питере шестьдесят с лишком лет.

— Родный мой! — погладила по голове меня, тридцатилетнего мужика, своей сухой, с прозрачной пергаментной кожей и скрюченными ревматизмом пальцами бабуля. Для нее я в любом возрасте — внучок.

— Ты уж, родный, Ньюшку встретить, ей самой не добраться.

Бабуле было уже хорошо за восемьдесят. Своего точного возраста она не знала. На дату рождения, стоявшую в паспорте, махала рукой и говорила:

— Там лет на пять убавлено.

Но то, что Ньюшка, сестра, моложе — помнила четко. А коли моложе, то пусть и приедет. Самой бабуле уже не до поездок. Из дому-то выходит редко. Летом, в погожий день, на лавочку возле дома, да и то с батожком. Это уж теперь, на девятом десятке, она перестала стесняться палочки. А еще лет десять назад, ни-ни, стыдно! Помню, как возила меня, еще подростка, в лес по грибы-ягоды. Как всегда в местечко с дивным названием «Лебяжье», лес вокруг которого она знала, как свой дом. При входе в лес всегда выламывала из валежника палку, которая помогала ей преодолевать многие километры, и, пройдя с десятков лесом и болотами, на выходе палку выбрасывала. Неудобно вроде на людях.

Вот и рассудила. Жить осталось недолго — надо свидеться. Не виделись лет двадцать. Ньюшка так и осталась в деревне, там и детей вырастила, и внуков, и правнуков дождалась, и сына схоронила. Все в одном доме, на берегу красивейшего Селигера, в котором до сих пор без боязни

местные воду берут и белье полощут. А бабуля замуж вышла за городско-го и в Питер уехала. Мужа еще до войны схоронила и троих деточек. Из пятерых дочек остались самая старшая и самая младшая, остальных Бог прибрал. А блокада забрала первого внука. Потом, как говаривала, «когда хлебушка прибавили», эвакуировалась в Сибирь. И там выжила, детей сберегла. Как только блокаду сняли, вернулась в свою коммуналку на Петроградской. Это уж теперь, после капремонта, жила со старшей дочкой и внуком с семьей в отдельной трехкомнатной. Но одна комната была по-прежнему ее, все та же, в два окна на третьем этаже, куда еще в девятнадцатом ее муж привез беременную первой дочкой. «Здесь и помирать буду, — говаривала бабушка. И подумав, добавляла: — Хоть жизнь нынче и хорошая, но устала я жить, пусть бы поскорей меня Бог прибрал».

При таком отношении к собственной жизни бабуля оберегала жизнь любой твари божьей. Ни одну корочку или горбушечку не выкинет, избави Бог! Зубов нет, корку не съесть — все это собиралось, замачивалось в воде и вместе со съедобными остатками выносилось голубям. Одно из воспоминаний детства — голубь с подбитым мальчишками или покалеченным кошкой крылом, время от времени живущий в бабушкиной кухне. Подлечит, выходит и отпустит — лети, живи дальше. Но и кошку не обидит, что того голубя побила. Здоровую, сильную домой не возьмет, а вот убогую, хромую, больную — принесет, накормит, подлечит, а потом кому-нибудь из знакомых пристроит. Сколько тех животных, убогих, сирых, через ее руки прошло, один Господь знает. Добрее человека я не встречал. Вот только о себе... «Скорее бы Бог прибрал, устала...»

Нюшку-сестру навещала, когда еще внуки маленькими были. Вывозила их на родину свою красавец Селигер показать, молоком настоящим попить. Тогда еще силы были. А теперь уж нет их.

Бабуля продиктовала письмо, сама она грамотой не владела, некогда было учиться, походила в школу в эвакуации — научилась расписываться и решила, что больше по жизни ей ничего не пригодится, учеба и закончилась. В письме изложила доводы свои. Мол, если, Нюшка, не приедешь, помрем мы с тобой, не повидавшись. Ты помоложе, значит, и покрепче. Приезжай.

Таким образом, я оказался в пять утра на Московском вокзале, встречая поезд Осташков — Ленинград. Бабушку Нюру я видел, когда мне было лет десять, помнил только, что, по моему детскому впечатлению, бабкой она была суровой. Гремела в русской печи чугунами и ругалась, когда мы, дети, морковку в огороде дергали. Однако же помнил и ее ржаные пироги с картошкой, время тогда было голодное, а еще в паутине памяти запутался

запах махорки, которую курил кто-то в деревенском доме, утро, некрашенный стол, горячие пироги и холодное молоко. Больше нигде и никогда такого не едал.

Поезд, на удивление, пришел вовремя. И бабушку Нюру я сразу узнал. Она была сухопарой, с крючковатым носом, только не такой высокой, какой казалась в детстве. Одета была в плюшевую, похоже, еще довоенную жакетку, коричневую, в мелкий цветочек, юбку до пят. На ногах боты «прощай молодость», на голове коричневый шерстяной платок, из-под которого выглядывал, закрывая часть лба, беленький платочек. Принарядилась. Узнала ли она меня, не знаю. Но когда подошел, поздоровался, назвал себя, не испугалась, внимательно осмотрела и улыбнулась. За плечами у бабули висел «сидор», кажется, так назывался этот заплечный мешок, прародитель рюкзака. Я попытался подхватить его, но не тут-то было — он весил килограммов пятнадцать-двадцать. Пришлось попросить бабулю остановиться и перевесить поклажу на свое плечо, отчего меня заметно повело на бок. И так как «сидор» все время сползал, мой роскошный кожаный «дипломат», с которым я, идиот, приехал на вокзал, достался бабушке Нюре. Так мы и «пошлепали», я с «сидором» и бабуля с «дипломатом».

— Что же у вас там? — поинтересовался я.

— Да ребята вчера рыбки свеженькой наловили, вот гостинец вам, — ответила бабушка с характерным деревенским выговором.

— Спасибо, — проворчал я.

Метро еще не открыли, и до Петроградки добрались на такси. Бабушка Катерина уже выглядывала из-за своих знаменитых гераней, заставивших весь подоконник... Ее герани — нечто особое. Их несколько десятков, цветущих всеми мыслимыми цветами. Она их холит, лелеет, обрезает и пересаживает. И хотя они закрывают до половины ее и так небольшие окна, расстаться с ними она не может. Зато летом, в теплый денек, бабуля распахивает окна настежь, поворачивает растения цветами наружу и садится рядом. Тут уже никто из прохожих на улице не может не обратить на эту красоту внимание. А ей и радость.

Встретила, расцеловала сестрицу. Самовар, настоящий угольный, пытел в углу кухни, выставив черную трубу в отдушину в стене, сохранившуюся с незапамятных времен. Для этого случая у бабули в чугунке, с отбитым краем и закрытым сковородкой, хранились угли. Пироги были испечены еще вчера вечером. Бабуля усадила гостью в «красный» угол прямо под иконостас, как я называл домашний бабушкин алтарь — угол, сплошь увешанный иконами и с фигурками святых на столике...

Бабуля всегда была очень верующей. Строго соблюдала посты, ежедневно и ежевечерне молилась, стоя на коленях. Потому не могла и мыс-

ли допустить, чтобы хоть одна икона пропала. А поскольку в те годы атеизм был воинствующим, время от времени имущество умерших стариков оказывалось на помойке, в том числе и иконы. Здесь бабуля была непреклонна. Поэтому обитатели двора все оказавшиеся бесхозными «предметы культа» поставляли бабуле. Что покрасивее да подороже, удавалось пристроить подругам или соседкам, а оставшееся ставилось в уголок на столик и вешалось на гвоздик в «красный угол». Поэтому иконостас постоянно расширялся. И надо отдать должное бабуле, веруя истово, она никогда и никому не навязывала своей точки зрения в вопросе веры. Считала, что верить или не верить — дело сугубо личное, интимное. Перекрестится кто из детей или внуков — Слава Богу! — ей и радость.

Сколько я себя помню, возле икон всегда горела хотя бы одна лампада. Сегодня их горело аж пять штук. Праздник! Я был усажен рядом. Бабуля в праздничном светлом платочке, чистом переднике и неизменных войлочных тапочках хлопотала вокруг нас, не зная, чем еще угодить. Я выпил чаю с огромным куском незабываемого пирога с брусникой и заспешил на работу, пообещав зайти вечером.

День пролетел в обычной рутинной суете. И только к девяти вечера я добрался до бабушкиного дома. Подходя, привычно посмотрел на окна, в которых горел свет, и, поднявшись по лестнице, нажал на звонок. Дверь открыла тетушка, маленькая, сухонькая, совсем не похожая на мою мать, хотя и была ее родной сестрой.

— Весь день говорят, — кивнула она на бабушкину комнату.

Я постучал и приоткрыл дверь. Две старушки сидели рядышком на кровати, одетые в похожие байковые ночные кофты, светлые платочки и длинные, с узором по подолу, ночные юбки и ...плакали. Бабуля, увидев меня, улыбнулась сквозь слезы, махнула рукой на диван — садись, мол, и продолжила разговор:

— Тебе, Нюшка, лет девять было, я-то — постарше. Помнишь, как на санях в лес ехали? Лошадка бежит ходко, солнышко, мороз... — Она утерла глаза уголком головного платка и добавила, уже для меня: — Сосед наш лошадку с санями на день дал. Мы перед Рождеством поехали в лес за дровами, хотелось гостинцев себе купить.

— Две девчонки, одни? — ахнул я.

— Ну, мы ведь уже большие были. Мне четырнадцать годков сравнялось на Катерину.

Бабуля потянулась за табакеркой. Она нюхала табак. Курить никогда не курила и не жаловала курящих женщин, а нюхать — нюхала всегда, сколько себя помню. Причем неизвестно где выискивала свой любимый сорт «Золотая рыбка». Насыпала его в круглую коричневую, очень древнюю

баночку из-под какой-то мази или чего-то подобного, которую называла табакеркой. До тех пор, пока не увидел в музее настоящую табакерку, я искренне считал, что табакерка должна выглядеть именно так, и никак иначе.

— Дров напилили березовых, ровных. Возок полный, — отправив понюшку в нос, продолжала бабуля. — Поехали в город продавать. И продали хорошо. Возвращались с базара, лошадь испугалась и оглоблей задела встречную повозку, спинку там выбило. Мужик с возка соскочил и с кнутом на нас...

У старушек ручьем потекли слезы. Они взялись за руки, успокаивая друг друга, и бабушка Катерина продолжила:

— Смотрит — девочки, что с них взять? И рукавички у нас отнял. А мороз-то лютый. Что делать? Поплакали мы, поплакали и поехали городовому на дядьку жаловаться. Хороший городской оказался, добрый. Пошел с нами, дядьку нашел, мы заприметили, что тот в чайную направился, отнял рукавички наши, мужика пристыдил, мол, как не стыдно детей обижать... — Бабуля снова принялась утирать подступившие слезы.

Тут вступила бабушка Нюра:

— Мы тогда в чайной чаю заказали, баранок, селедочку... Отогрелись. Потом ситцу себе купили на платья, по платку. Уж потом домой, налегке, быстро коник нас довез.

Старушки заулыбались, а я смотрел на них и думал. Какова же ты, память человеческая? Что в жизни нашей важнее? Что испытали те девчушки тогда, семьдесят лет назад, что теперь не могут сдержать слез при воспоминании об этом. Две старушки, которые в жизни так много видели горя, что хватило бы на десять сегодняшних жизней. И что такое время? Где те семь десятков лет? Ведь сидящие рядышком в теплых ночных кофтах и с заплетенными тощими седыми косичками бабушки только что были там, в 1910 году...

Я сам это видел. □

Анатолий
Пшеничный

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ...

Чуть более года назад был опубликован мой репортаж о полете в Сирию, куда вошло и одноименное

стихотворение с такими строчками о летящих в сторону войны российских артистах и писателях:

*...Не зря в самолете на бомбах
сидели,
В восходе паря золотом,
И те, кто в нас видел воздушные
цели,
Конечно же, знали о том...
А с севера вслед нам летели
приказы,
Поверх водоемов и суш —
Ведь были мы тоже как
боеприпасы
Для русских воюющих душ!..*

Заслуженный артист России, солист ансамбля песни и пляски им. А.В. Александрова — Григорий Осипов

Кто мог подумать, что через год с небольшим судьба вновь напомнит о той сирийской командировке, плеснув черной краской в мою поэтическую тетрадь!..

В субботу 24 декабря ушедшего 2016 года я был участником одного концерта. В программе сразу после моего поэтического слова значилось выступление ведущего солиста академического ансамбля песни и пляски Российской армии

им. А.В. Александрова, заслуженного артиста России Григория Осипова. Его баритон поразил слушателей, а после песни «Севастопольский вальс» овации казались бесконечными. Он пел о Черном море... Ведущий концерта сообщил, что Григорий Осипов сразу после торжественного мероприятия улетает вместе с коллективом ансамбля на российскую базу в Сирию. На скромном застолье, организо-

ванном после концерта, мы оказались соседями, и Григорий, зная о моей творческой сирийской командировке, долго и подробно расспрашивал о ней — о маршруте полета, о самолете, об условиях выступления на базе, о будущих слушателях...

Все, что мог, рассказал. Три часа общения пролетели быстро, пода-

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕКВИЕМ

*Вы слышите, море поет,
И волны грохочут басами
Над пропастью, где самолет
Смешал глубину с небесами...
И вихрь черноморских ветров,
Взлетев из прибрежных затонов,
Несет перелив теноров,
А вслед — пережат баритонов.*

Академический дважды Краснознаменный, ордена Красной Звезды ансамбль песни и пляски Российской армии им. А.В. Александрова

ренную мной небольшую книжку стихов Гриша положил в карман со словами: «В дороге почитаю...» Пригласил на предстоящий концерт в Доме музыки, пожал руку... «Привет базе!» — крикнул я вслед машине. «Обязательно передам!» «До встречи!..»

Но встречи с этим хорошим парнем и большим артистом уже не будет никогда. Впереди — Черное море...

*Огромная слышит страна
Меж елей, берез, кипарисов,
Как бьет за волною волна
О влажные клавиши пирсов!
Из туч, будто бы дирижер,
Вдруг солнце взмахнуло лучами,
И грянул великий мажор
Над рвущими душу свечами.
И пена блестит, словно лед,
Не тающий, как наказание...
...Вы слышите, море поет,
Свое проклиная названье... □*

Алла Зубкова

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО

Дьявол в пурпурной мантии... Именно так в бессмертном романе Дюма именовали кардинала королева Анна Австрийская и ее ближайшая наперсница, герцогиня де Шеврез. Но был ли таким уж исчадием ада реальный кардинал Ришелье? В самом ли деле преследовал он королеву своей любовью и вознамерился погубить, не добившись взаимности? Имел ли место в действительности эпизод с алмазными подвесками?..

Темная громада дворца Пале-Кардиналь была погружена в сон. Лишь в просторном, изящно убранном кабинете хозяина на огромном письменном столе в двух массивных бронзовых подсвечниках, чуть потрескивая, догорали оплывшие восковые свечи.

— Итак, мой милейший Шавиньи, казнь зачинщиков дуэли состоялась? — Голос кардинала звучал ровно и спокойно.

— Да, Ваше Высокопреосвященство, сегодня утром на Гревской площади. И граф Бутвиль, и граф Шапель были обезглавлены. Оба они — записные дуэлянты. За плечами Бутвиля больше двадцати поединков.

— Что ж, надеюсь, с Божьей помощью мы, в конце концов, сумеем убедить наших подданных в том, что не следует рисковать жизнью в угоду пустопорожнему фанфаронству. — Кардинал наставительно поднял вверх длинный указательный палец: — Жизнь дворянина принадлежит Франции, королю ...

— И Вашему Высокопреосвященству. — В голосе ближайшего помощника кардинала не было ни тени подобострастия, лишь железная убежденность.

Ришелье улыбнулся.

— Мне всегда было трудно спорить с вами, Шавиньи. Ну, что там у нас еще?..

Арман Жан дю Плесси, будущий кардинал Ришелье, появился на свет 9 сентября 1585 года, скорее всего,

в Париже. Историки до сих пор не пришли к единому мнению на этот счет. Он был четвертым по счету ребенком в родовитой, но обедневшей дворянской семье. Его отец, Франсуа дю Плесси де Ришелье, любимец двух французских монархов, Генриха III и Генриха IV, не раз отличался на поле брани. Он занимал высокие посты при дворе, но крупного состояния сколотить так и не сумел. После его смерти от лихорадки при осаде одной из крепостей мать Армана, которому в ту пору исполнилось только пять лет, с трудом расплатилась с долгами. Только благодаря своему твердому характеру и рачительному ведению хозяйства Сюзанна Ришелье обеспечила более или менее достойное существование своей семье.

Арман обожал мать и всю жизнь почитал ее святой. Других женщин, с которыми ему довелось встретиться на жизненном пути, он таковыми отнюдь не считал. Впрочем, это не мешало ему домогаться их благосклонности. Порой не без успеха.

Он рос довольно болезненным ребенком, но мечтал только о военной карьере. Мать полностью одобряла его выбор. Тем не менее, Арман получил прекрасное по тем временам образование. Сначала в родовом замке и соседнем аббатстве, а затем в Париже в аристократическом колледже Наварр. Его латынь, испанский и итальянский были безупречны. Интерес же, проявляемый им к богословию и философии, удивлял даже самых взыскательных

преподавателей. Закончив колледж, Арман все же осуществил свою мечту — поступил в военное училище. Так называемая «Академия Плюви-неля» готовила кавалерийских офицеров для королевской армии. Юный Арман научился отменно ездить верхом и недурно владеть шпагой. Разумеется, перед Д'Артаньяном он бы не устоял, но в будущем боевые качества своих гвардейцев мог оценивать профессионально. Ему, однако, не пришлось закончить академию. Дело в том, что Генрих IV пожаловал семье своего бывшего сподвижника небольшое епископство, с условием, что его возглавит один из сыновей дю Плесси. На это место прочили среднего сына —

Впрочем, долго уговаривать его не пришлось. Семнадцатилетний юноша уже тогда обладал способностью молниеносно принимать трезвые решения. Он продолжил свое теологическое образование в Сорбонне и защитил докторскую диссертацию.

И вот молодой аббат уже в Риме, где Папа должен утвердить его в сане епископа. Арману был всего только двадцать один год, и он еще не достиг возраста, который по церковным канонам дает право на получение епископского сана. Существует две версии того, как ему удалось добиться осуществления своей цели. Согласно первой, он покорила Папу своим красноречием,

А

рман получил прекрасное по тем временам образование. Сначала в родовом замке, затем в Париже в аристократическом колледже Наварр. Его латынь, испанский и итальянский были безупречны. Но, окончив колледж, он все же решил осуществить свою юношескую мечту и поступил в военное училище, готовившее кавалерийских офицеров для королевской армии

Альфонса. Однако перед самым получением сана этот странноватый молодой человек неожиданно объявил, что епископская мантия не привлекает его, ибо он собирается служить Господу как простой монах. Опасаясь, что доходная епархия может быть отнята у семьи, вдова дю Плесси сделала все, чтобы убедить Армана занять место брата.

феноменальной памятью, трезвостью суждений, и тот счел справедливым, чтобы «человек, обнаруживший мудрость, превосходящую его возраст, был повышен досрочно». По второй же версии, Арман попросту слукавил, уверив Папу, что достиг положенного возраста, а после церемонии выпросил у него прощение за свою ложь. Папа тогда заме-

*Арман Жан
дю Плесси,
кардинал
Ришелье*

тил: «Из этого молодого человека выйдет отменный плут. Он далеко пойдет!» (Кстати, нужно иметь в виду, что хотя о многих событиях жизни Ришелье сохранилась масса документов, о некоторых эпизодах до нас дошли только слухи.)

Следующий, весьма продолжительный период жизни молодого епископа был связан с его службой

у вдовствующей королевы Марии Медичи, матери юного Людовика XIII. О, Мария по достоинству оценила тонкий ум и дипломатические способности своего нового советника. Но королеве было лишь чуть за сорок. Пышная, еще довольно привлекательная и темпераментная итальянка жила не умом, которым она, не в обиду ей будет сказано,

*Людовик XIII —
король
Франции*

никогда особо и не отличалась, а чувствами. Ришелье же был элегантен, достаточно хорош собой и дьявольски честолюбив. Он отлично понимал, что его будущее целиком зависит от милостей королевы, поэтому безбожно льстил ей и старался всячески угодить. К примеру, стоило ей только намекнуть, и он начал брать уроки игры на лютне, чтобы усладить слух государыни в часы досуга. Современники не сомневались, что они состояли в любовной связи. (Скорее всего, так оно и было.)

В развернувшейся вскоре борьбе между Марией и ее сыном Людовиком XIII Ришелье, естественно, выступал на стороне своей благодетельницы. Это была одна из немногих ошибок, которые он совершил в жизни. И она дорого обошлась ему. После примирения Марии с сыном Ришелье долго не удавалось побороть недоверие к себе со стороны монарха. В конце концов, он все-таки добился своего. Весьма ограниченный, подозрительный и упрямый король понял, что в этом художавом элегантном епископе обрел

*Анна
Австрийская —
супруга
Людовика XIII*

незаменимого помощника. Помощника? Ришелье медленно, но верно прибирал к рукам все рычаги реальной власти. Возведенный в конце 1622 года в сан кардинала, он через полтора года лично Людовиком XIII был назначен членом Королевского Совета с решающим голосом, а еще через несколько месяцев стал первым министром Франции.

По мере того, как рос его фавор у короля, благосклонность к нему Марии Медичи испарялась. Так выдыхается благородное анжуйское, откупоренное и недопитое. Резонно

предположить, что к этому времени Ришелье уже не посещал ложе вдовствующей королевы. Но дело, разумеется, не только в этом. Гнев обиженной женщины, обращенный на «выскачку», который, по ее мнению, был обязан ей всем, в немалой степени подогревался и политическими мотивами. Интересы партии «святош» во главе с Медичи, поддерживавшей политику Габсбургов, находились в прямом противоречии с целями патриотической партии «добрых французов», возглавляемой теперь Ришелье. В своей борьбе

против кардинала Мария опиралась на поддержку крупнейших аристократических семейств Франции. Но самыми мощными союзниками были ее младший сын, Гастон Орлеанский, и супруга Людовика, Анна Австрийская. У Анны имелись собственные причины интриговать против Ришелье и короля.

Сказать, что между нею и Людовиком не было большой любви, значит, не сказать ничего. Анну Австрийскую, дочь испанского короля Филиппа II, привезли в Париж в 1615 году четырнадцатилетней девочкой. На первый взгляд это был обычный династический брак юных отпрысков двух самых блестящих европейских

дворов. Однако все обстояло не так уж просто. Людовик был юноша достаточно крепкого сложения, обожал лошадей, охоту, особенно с ловчими птицами, и вообще физически был очень активен. Тем не менее, когда пришло время выполнить, так сказать, свои супружеские обязанности, он наотрез отказался входить в спальню супруги. Его воспитателю, герцогу де Люиню, пришлось проявить недюжинную физическую силу, чтобы втолкнуть отчаянно сопротивляющегося Луи в спальню, а затем уложить в постель рядом с женой... А позже, когда у королевы произошел выкидыш, он вообще отказался жить с ней. По некоторым сведениям, супружеских отноше-

сударь Ришелье оказался в центре интриг, связанных с интимной жизнью королевской четы.

Первым противником, с которым кардиналу пришлось столкнуться в этой борьбе, стал ... герцог Бэкин-гем. Здесь же впервые на сцене появляется и небезызвестная герцогиня де Шеврез. Ближайшая наперсница Анны Австрийской, она обладала наружностью необычайно привлекательной. Что же касается нравственности, герцогиня, вероятно, знала об этом понятии только понаслышке. В 1625 году к длинной череде ее любовников присоединился посланник английского короля, блестящий лорд Холланд. Оба они решили, что любовная связь между

Г

енрих IV пожаловал семье дю Плесси небольшое епископство, но с одним условием — возглавить его должен был один из братьев. Мать сделала все возможное, чтобы убедить Армана занять это место, и он согласился продолжить свое теологическое образование в Сорбонне, даже защитил докторскую диссертацию, после чего Папа утвердил его в сане епископа

ний между ними не было целых тринадцать лет. Придворные, Мария Медичи и сама Анна решили, что у Людовика уже не будет детей. Это убеждение и стало причиной нескольких заговоров с целью свергнуть короля и выдать Анну замуж за его младшего брата Гастона. Возникли и другие коллизии. Волею

Анной Австрийской и первым министром английского короля, герцогом Бэкингемом, послужит сближению двух стран. Кроме того, герцогиня, ненавидевшая Людовика XIII, считала, что ветвистые рога станут для незадачливого монарха чудным украшением. В мае 1626 года Бэкингем прибыл в Париж для переговоров

*Мария
Медичи —
королева
мать*

о браке своего короля и сестры Людовика XIII, Генриетты Марии.

Анна Австрийская слыла одной из самых красивых женщин Европы, и герцог был в восторге от предстоящей интриги. Неотразимый кавалер, он, в самом деле, покорила воображение королевы. Кульминации их отношения достигли в Амьене, куда переехал двор. Герцог увлек Анну в сад и там предпринял решительную атаку. Войдя в любовный раж, «любезник, — как записал один мемуарист, — буквально повалил королеву на траву», и она стала звать на помощь. Ее камеристка,

находившаяся неподалеку, была подкуплена герцогом и поначалу притворилась глухой, но затем все-таки вынуждена была поспешить к своей госпоже. Это, разумеется, вызвало скандал.

Тем не менее, герцог всеми силами пытался оттянуть свой отъезд и искал новых встреч с королевой, не считаясь с неудовольствием Людовика XIII. Он все-таки вынужден был вернуться в Лондон, увозя с собой как залог любви алмазные подвески, подаренные ему королевой. Поскольку Анна Австрийская уже давно встала на сторону тех, кто бо-

*Герцог
Бэкингем*

ролся против кардинала и придерживался происпанских взглядов, для Ришелье было чрезвычайно важно скомпрометировать ее в глазах короля. Для этого он, по словам уже упоминавшихся мемуаристов, воспользовался услугами своего агента — графини Карлайль, бывшей любовницы герцога. Графиня, судя по всему, не уступала в ловкости коварной «миледи» из «Трех мушкетеров». Во время бала она срезала у герцога подвески, чтобы послать их кардиналу. Однако Бэкингем в тот же вечер обнаружил пропажу. Устрашившись последствий, он немед-

ленно приказал запереть все гавани Англии и никого не выпускать из страны вплоть до особого распоряжения. По его указанию срочно были изготовлены другие подвески, точно такие же, как похищенные, и он отправил их королеве. Дюма воспользовался свидетельствами современников, расцветив их, разумеется, своей богатой фантазией.

В том же 1626 году Анна оказалась замешанной в первом из многочисленных заговоров, ставивших целью уничтожить Ришелье. Собственно говоря, планы участников были еще шире — они решили свер-

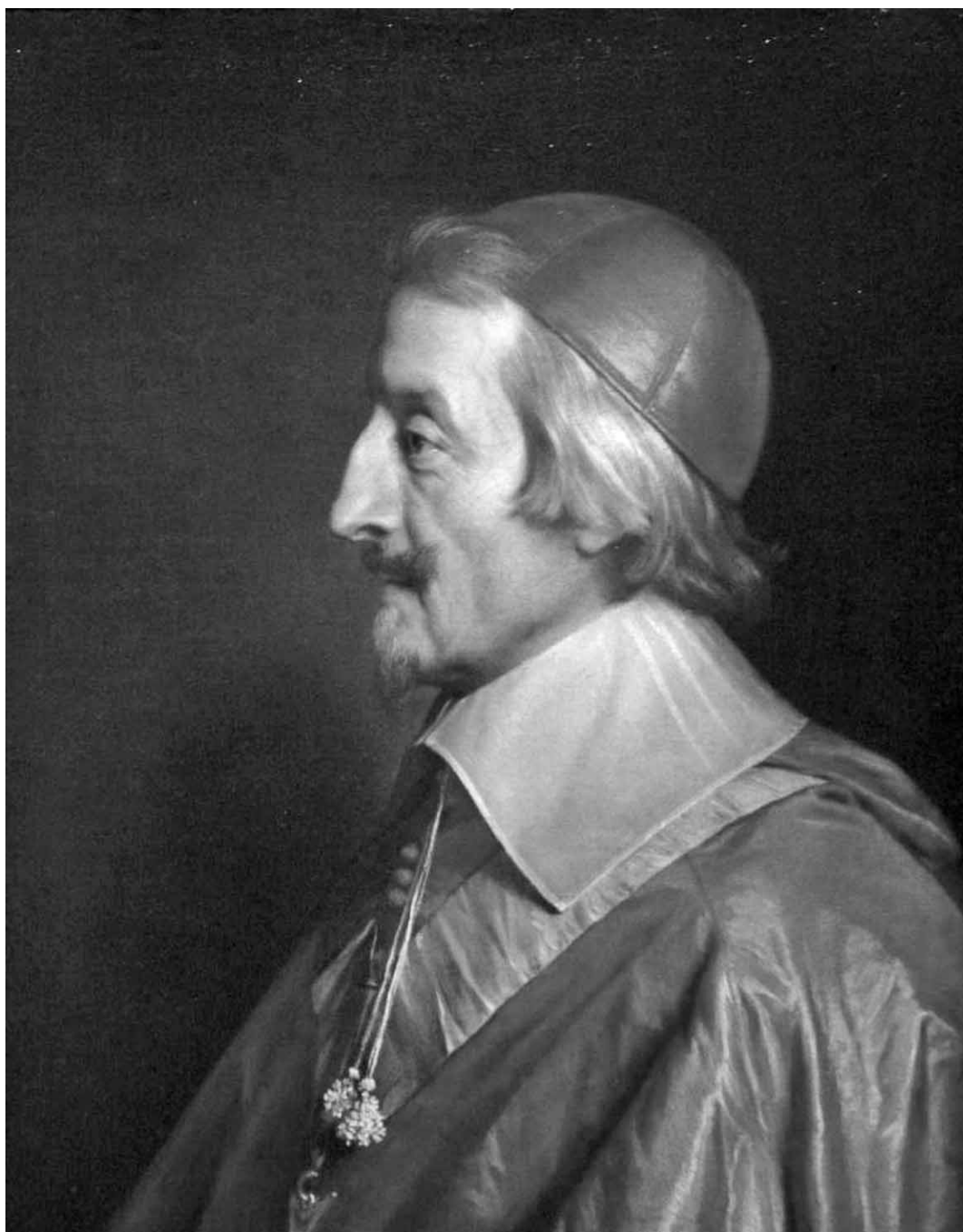
гнуть Людовика XIII и заточить в монастыре, заменив его на троне братом, Гастоном Орлеанским. Гастону предстояло занять место брата и в постели Анны Австрийской. Участники заговора полагали, что Людовик не способен иметь наследника. У Гастона же, гуляки и бонвивана, проблем с этим никогда не возникало. Анну, кстати, о предполагаемой замене супруга предупредить не сочли нужным. Возглавляли заговор представители самых крупных аристократических фамилий королевства. Они не без основания опасались потерять влияние на государственные дела, которые теперь железной рукой вершил всемогущий кардинал. Участвовала в заговоре и герцогиня де Шеврез. Именно она нашла человека, готового выполнить самое трудное — убить Ришелье. Это был один из ее любовников — маркиз Анри де Шале.

Многие историки считают, что эффективность секретной службы кардинала не превзойдена до сих пор. Вскоре Ришелье уже владел полной информацией о заговоре. Впрочем, на этот раз тайным агентам не пришлось проявлять чудеса изобретательности. Уж больно болтливым оказался сам де Шале. «Ликвидация» кардинала была назначена на 11 мая.

Однако заговорщиков, явившихся к Ришелье, ожидала неприятная неожиданность. Кардинал принял их в окружении сильной охраны. Злоумышленников это тем более удивило, что до того кардинал те-

лохранителей не имел. Им пришлось ретироваться не солоно хлебавши. Вскоре Шале был арестован и казнен, а герцогиня де Шеврез отправлена в ссылку. Анне Австрийской пришлось давать неприятные объяснения королю, хотя ее роль в заговоре была минимальной. Разумеется, после всего этого ее любовь к кардиналу сильнее не стала. Сам же кардинал заслужил еще большее доверие короля. Кстати, именно тогда Ришелье получил право иметь собственных мушкетеров для охраны — «гвардейцев», как называл их Дюма. Число их поначалу составляло пятьдесят, но затем увеличилось до трехсот. Они повсюду сопровождали кардинала. В отличие от мушкетеров короля, одетых в голубые плащи с серебряными крестами и лилиями Бурбонов, мушкетеры кардинала носили красные плащи (под цвет кардинальской мантии) с серебряными крестами и без королевских лилий.

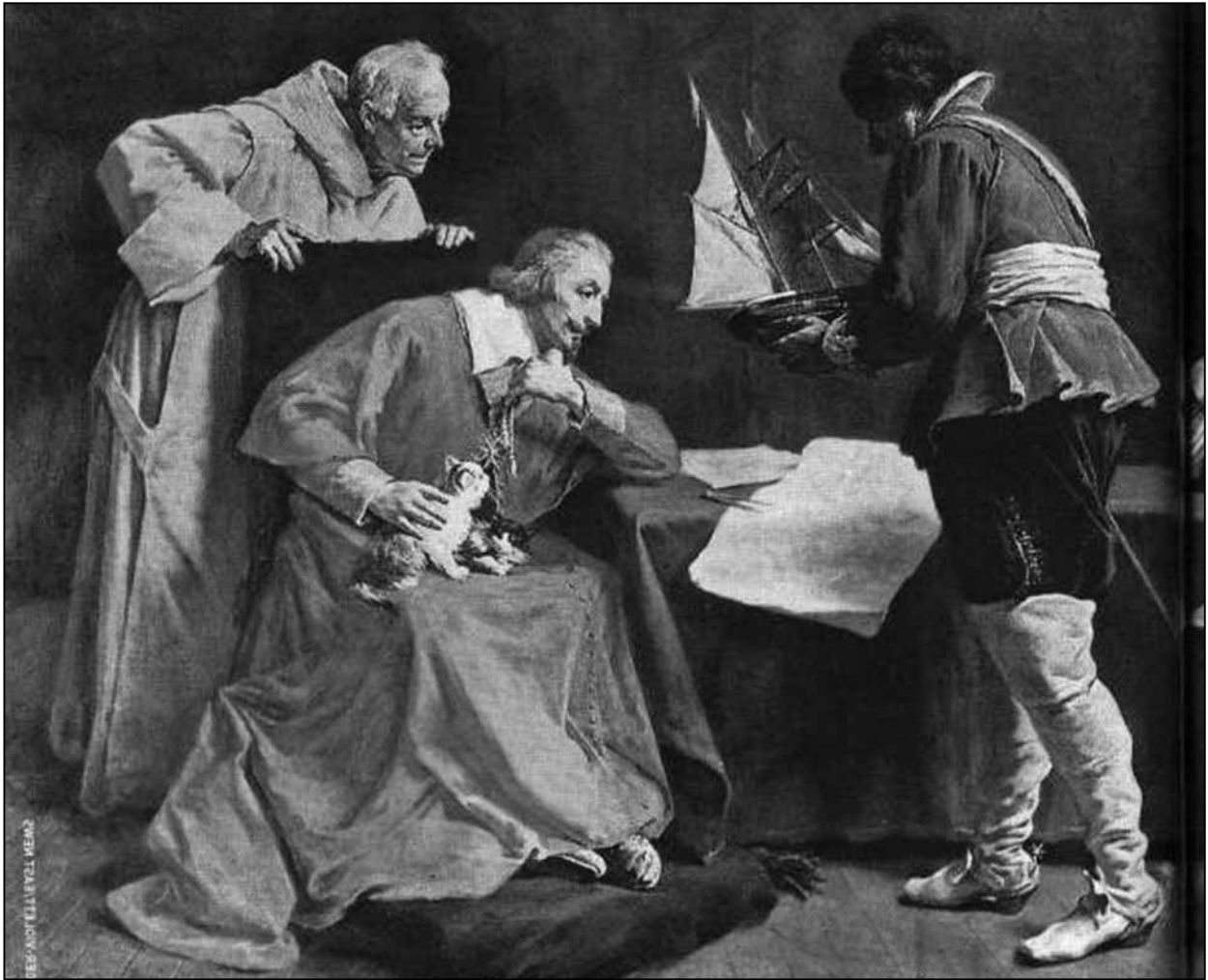
Все усилия Ришелье были направлены на укрепление королевской власти. Внутри Франции главными противниками короны были гугеноты, и кардинал уничтожил их политический оплот, взяв крепость Ла-Рошель. Он нанес смертельный удар по привилегиям аристократии, подчинив ее, как и всех подданных, государственным законам. Ришелье был душой и мозгом коалиции стран, воевавших с могущественной империей Габсбургов. Именно его усилия привели к тому, что Франция после победы получила новые территории

и безопасные границы. Благодаря этому в течение следующих тридцати лет страна не подвергалась иностранным нашествиям. При его энергичной поддержке французские корабли начали бороздить моря и океаны, достигая самых отдаленных уголков земного шара. Франция превращалась в великую ев-

ропейскую и морскую державу. При кардинале была также основана Французская академия, началась перестройка и благоустройство Парижа.

После заговора Шале до самой смерти кардинала одна попытка устранить его следовала за другой. Особенно «урожайным» в этом смысле

стал 1630 год. В начале осени Людовик XIII серьезно заболел, и все готовились к самому худшему. Король исповедался и принял причастие. Анна Австрийская дала знать Гастону, что готова стать его женой и тем самым узаконить его права на престол. Одновременно она пыталась добиться от умирающего короля согласия на отставку Ришелье, но теряющий последние силы монарх отказался это сделать. Мария Медичи и Анна Австрийская распорядились не сообщать кардиналу о состоянии здоровья короля. Они поручили также капитану королевских мушкетеров де Тревиллю сразу по-

сле смерти короля арестовать или застрелить кардинала.

Ришелье и не подозревал, какая смертельная опасность нависла над его головой. Спасти его могло только чудо. И оно свершилось — обреченный король вернулся к жизни, и кардинал снова был «на коне». Однако в конце того же года он опять оказался на краю гибели из-за происков окончательно возненавидевшей его Марии Медичи. Старая королева поставила своего сына перед нелегким выбором: либо она, либо Ришелье. Государственные интересы возобладали над родственными чувствами, и Ришелье все же остался

*Гастон
Орлеанский*

первым министром. Мария Медичи покинула пределы Франции, но в Лувре у Ришелье по-прежнему был самый непримиримый враг. Во всех своих несчастьях королева Анна, как и прежде, винила только кардинала. Но в чем же, по ее мнению, причина его козней? Увы, ум Анны Австрийской не равнялся ее красоте. Тщеславие женщины, привыкшей к всеобщему поклонению, подсказывало ей единственное объяснение интриг Ришелье — желание добиться ее расположения, ее любви. Так ли это было на самом деле? Что ж, весьма вероятно, что Анна и в самом деле нравилась кардиналу как

женщина, но он отнюдь не мечтал о близости с ней, а его «интриги» против королевы объяснялись исключительно ее действиями, идущими вразрез с интересами Франции. О том, что Ришелье не питал личной ненависти к королеве, говорят события 1637 года. Именно тогда кардиналу стало известно о тайной переписке Анны с ее мадридскими родственниками. Она собиралась склонить Людовика XIII к невыгодному для Франции миру с Габсбургами, предварительно добившись отставки Ришелье.

Собрав компрометирующие материалы, кардинал представил их

королю. Понимая, что разгневанный Людовик способен за государственную измену заточить ее в монастырь, а то и затеять бракоразводный процесс, Анна начала искать встречи с Ришелье и едва ли не на коленях умоляла его заступиться за нее перед мужем. Кардинал обещал королеве употребить для этого все свое влияние и сдержал свое слово. Что заставило его так поступить? Уж, разумеется, не безумная любовь к Анне Австрийской. Просто он реально оценивал ситуацию, и из двух зол выбрал меньшее. По сравнению с Гастоном Орлеанским, претендовавшим на престол в отсутствие наследника у короля, Анна была как раз таким меньшим злом.

линами королевы — мадмуазель де Отфор и Луизой де Лафайет. Ришелье не на шутку встревожился, когда его агенты донесли ему о том, что король предложил мадмуазель де Лафайет стать его любовницей. По приказу кардинала ему доставляли письма влюбленных, и он, с целью рассорить их, нередко вносил в них собственные фразы. К счастью, девушка оказалась достаточно скромной и богобоязненной. Греховной любви с монархом она предпочла тихую монастырскую обитель. Утверждали, что во время последнего свидания с королем она умоляла его вернуться к супруге. Ее ли увещевания подействовали или что-то иное, но в 1638 году Анна родила

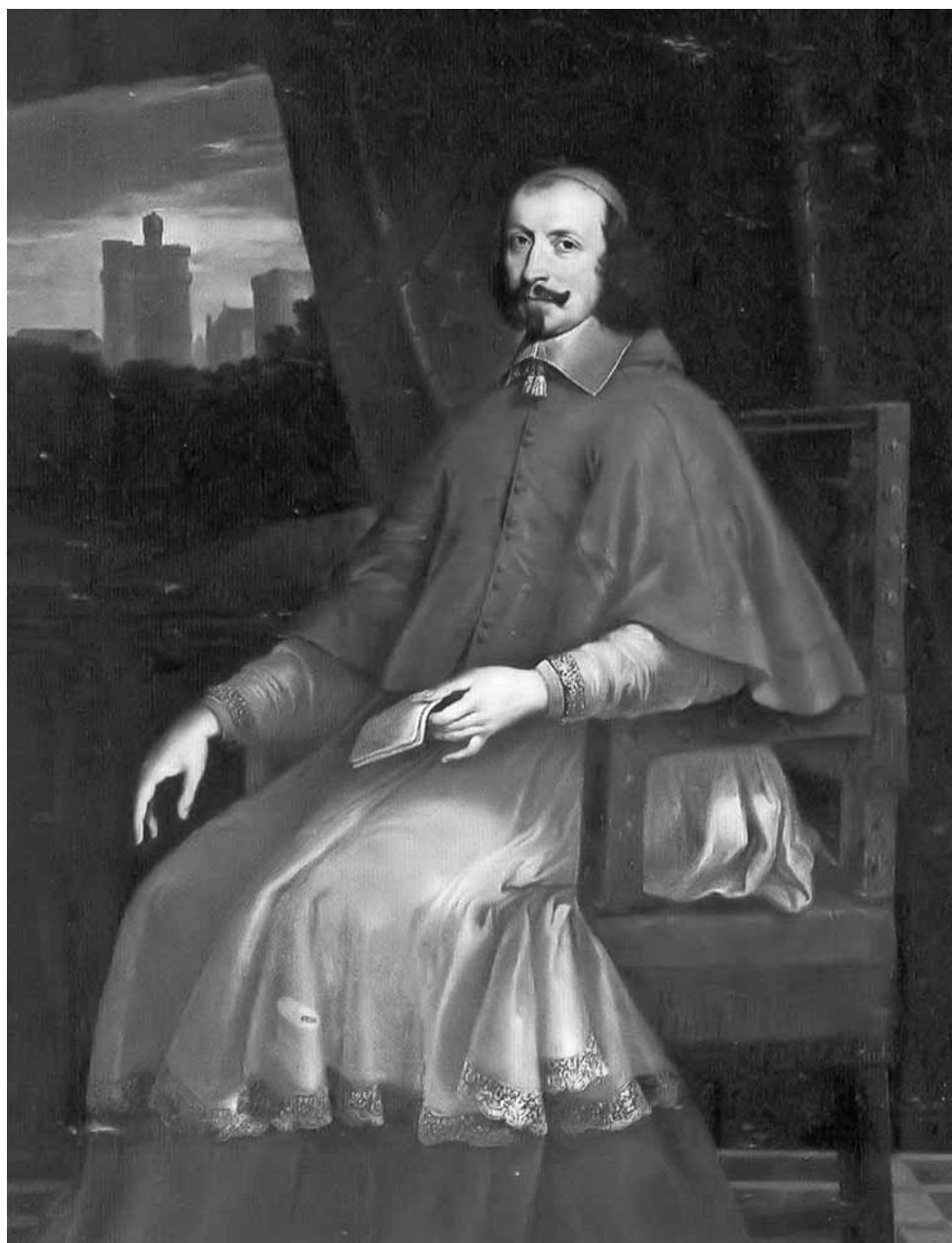
В развернувшейся борьбе между вдовствующей королевой Марией Медичи и ее сыном Людовиком XIII Ришелье выступал на стороне своей благодетельницы. Это была одна из немногих ошибок, которые он совершил в своей жизни. И она обошлась ему весьма дорого

С ней, в конце концов, кардинал мог бы договориться и в случае смерти короля. С Гастоном же такой компромисс был исключен. Ну а в глубине души кардинал еще надеялся на то, что, примирившись, Анна и Людовик подарят Франции наследника.

Однако для того, чтобы вернуть короля на ложе супруги, ему пришлось проявить немалую ловкость. Именно в это время Людовик неожиданно увлекся двумя юными фрей-

королю наследника — будущего Людовика XIV.

Кардинал и позднее оказывал Анне Австрийской услуги, которые значительно облегчали ее семейную жизнь. Надо сказать, что король достаточно редко навещал маленького дофина, и тот рос в обществе матери и ее фрейлин. При виде отца, которого он, естественно, воспринимал как чужого человека, малыш поднимал неистовый крик. Не очень

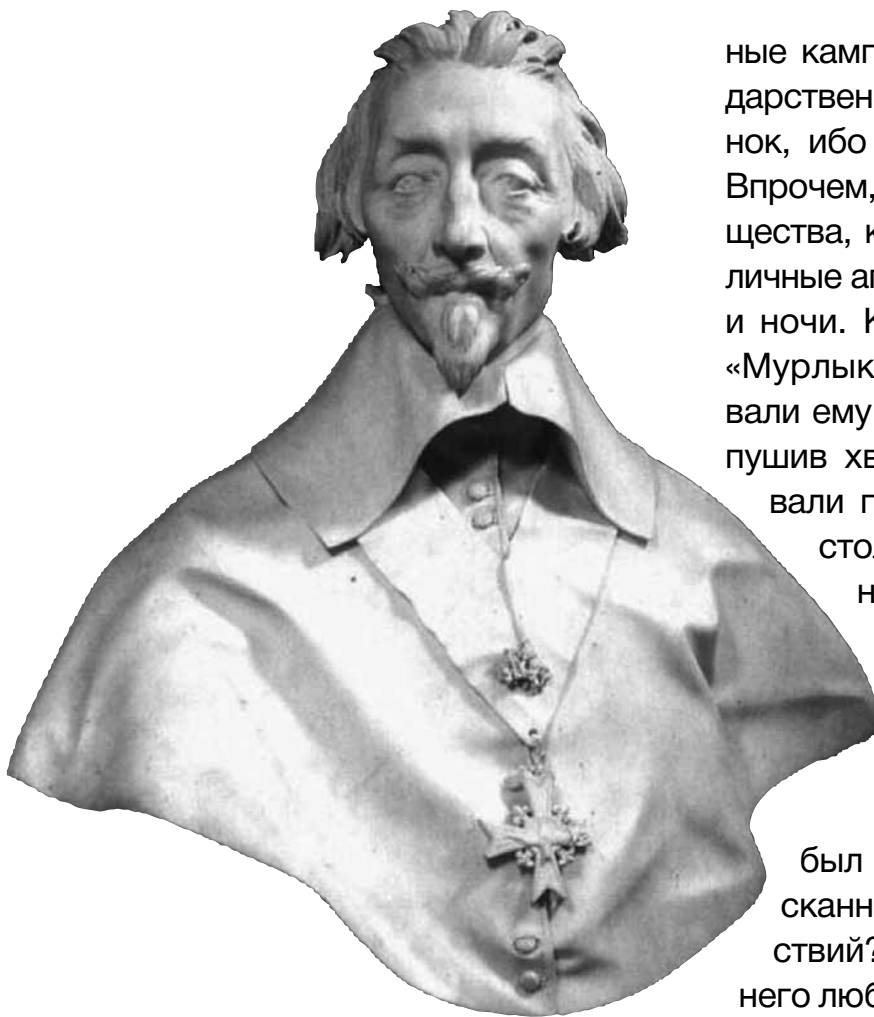

*Кардинал
Мазарини —
приемник
Ришелье*

сведущий в детской психологии, монарх обвинял жену в том, что она «настраивает» двухлетнего сына против него. Ришелье приходилось проявлять немало терпения и такта, защищая королеву от этих нелепых обвинений. Одновременно он советовал Анне проявлять больше нежности и терпения в отношениях с супругом.

Природа крайне экономно наделила Анну Австрийскую чувством

благодарности. Уже в 1642 году она приняла участие в очередном покушении на Ришелье. Возглавил его, «по традиции», Гастон Орлеанский. Осуществить «акцию» должен был фаворит короля и главный шталмейстер двора молодой маркиз Анри де Сен-Мар. Он, как и планировалось, проник со своими людьми в кабинет, где работал кардинал. Сен-Мара подвели нервы. Встретив гипнотизирующий взгляд больших

серых глаз кардинала, которого охранял только капитан его мушкетеров дю Бар, он не решился обнажить шпагу и ретировался. Это был первый удар по планам заговорщиков. А второй нанесла... Анна Австрийская. Засомневавшись в успехе всей затеи, она передала кардиналу секретные документы, уличавшие Гастона в намерении свергнуть короля. Сен-Мар был казнен. Гастон, опять же «по традиции», отделался легким испугом. Младший брат короля, он носил титул «сын Франции» и был лицом неприкосновенным.

Ришелье продолжал управлять Францией железной рукой, ведя удач-

ные кампании, совершенствуя государственный аппарат. Он был одинок, ибо почти никому не доверял. Впрочем, в Пале-Кардиналь были существа, которые имели доступ в его личные апартаменты в любой час дня и ночи. Кардинал обожал... кошек. «Мурлыки» бесцеремонно вскакивали ему на колени и на плечи, распушив хвосты, грациозно расхаживали по огромному письменному столу среди свитков с секретными донесениями. История сохранила имена некоторых из них: Фенимор, Люцифер, Пирам, Сумиз, Серполе, Лодоиска ...

Но неужели же кардинал был чужд других, более изысканных и чувственных удовольствий? Проще говоря, были ли у него любовницы? Вопрос, что называется, «на засыпку», однозначного ответа на него не сможет дать никто. Но все же многие современники Ришелье утверждали, что у юного дю Плесси было несколько связей в то время, когда он еще учился в военной академии. В зрелом возрасте он время от времени пользовался услугами одной из самых знаменитых куртизанок того времени, Марион Делорм. Были у него и другие пассии. Самой же большой любовью Ришелье считали его племянницу Мари-Мадлен де Виньеро, получившую позднее титул герцогини Д'Эгильон. Мари-Мадлен вышла замуж в шестнадцать лет, но довольно рано овдовела. После этого она вплоть до самой смерти Ришелье

вела его хозяйство и, по слухам, делила с ним ложе. Утверждали даже, что у них были дети. Это, впрочем, маловероятно.

Ришелье всю жизнь отличался слабым здоровьем. Изматывающие мигрени, бессонница, невыносимые боли в суставах мучили его уже в

Незадолго до смерти Ришелье назвал своим преемником кардинала Джулио Мазарини и попросил короля утвердить эту кандидатуру. В письме же королеве он с легкой иронией писал: «Кардинал весьма похож на герцога Бэкингема. Думаю, Вашему Величеству он понравится ...»

Р

ишелье всю жизнь отличался слабым здоровьем. Изматывающие мигрени, бессонница, боли в суставах, депрессии. «Железный» кардинал, перед которым трепетал сам король, мог по несколько раз на день беспричинно рыдать, и только могучая воля позволяла этому крайне возбудимому человеку держать в узде свои эмоции. Незадолго до смерти он назвал своим преемником кардинала Джулио Мазарини. Уже потом Анна Австрийская тайно вышла замуж за Мазарини, и во Франции началась совсем другая эпоха...

молодости. Со временем число болезней росло, как снежный ком. Список лекарств, которые он принимал в конце жизни, способен вызвать удивление любого современного «эскулапа». Кроме того, он был подвержен резким сменам настроения. Часто беспричинно впадал в депрессию. Железный кардинал, перед которым трепетал король, мог по несколько раз на дню рыдать. Лишь могучая воля позволяла этому крайне нервному и возбудимому человеку держать в узде свои эмоции. Во все это трудно поверить, глядя на надменное, безмятежно спокойное лицо великого кардинала на его портретах.

Ришелье оказался неплохим пророком. Через несколько лет, оставшись вдовой и регентшей при малолетнем сыне Людовике XIV, Анна тайно вышла замуж за Мазарини.

Его Высокопреосвященство кардинал Ришелье скончался 4 декабря 1642 года.

После его смерти Анна Австрийская, как рассказывали, часто подходила к портрету кардинала, долго стояла перед ним и называла его великим человеком.

Что ж, она, хоть и с опозданием, воздавала должное человеку, пурпурная мантия которого много лет прикрывала Францию от бед и напастей. □

Д Портрет Демидова

*Портрет Прокофия
Акинфиевича Демидова*

КИСТИ Левицкого

*Дмитрий
Левицкий.
Автопортрет*

В 1763 году по инициативе императрицы Екатерины Великой и Ивана Ивановича Бецкого, известного филантропа, основателя петербургского Смольного института, президента Академии художеств и личного секретаря Екатерины II, было решено основать в Москве Воспитательный дом. Для строительства была организована открытая подписка. В поддержке богоугодного дела участвовали многие — и купцы, и представители аристократических фамилий. Сама императрица передала 100 тысяч рублей единовременно и подписалась на ежегодные отчисления в 50 тысяч, а Бецкой внес 162 995 рублей.

Воспитательный дом был уникальным для тогдашней России заведением. Любой человек мог принести сюда ребенка, мальчика или девочку, и, не называя своего имени, оставить дитя на попечение служителей дома. Требовалось лишь сказать, крещено ли дитя, и сообщить, как его зовут. Воспитательный дом существовал на пожертвования и опекунские деньги. Императрица справедливо полагала, что необходимо всячески сохранять память о жертвователях и благотворителях, участвовавших в жизни Воспитательного дома. Вот почему у Ивана Бецкого родилась мысль увековечить образы этих благороднейших людей, заказав их портреты лучшим художникам России. Так, в 1772 году, возникла так называемая Опекунская серия — серия портретов попечителей московского Воспитательного дома. Среди попечителей был и известный российский промышленник, богач Прокофий Акинфиевич Демидов, пожертвовавший на Воспитательный дом огромные суммы — в общем, 1 миллион 107 тысяч рублей, кстати, гораздо больше, чем императрица. Понятное дело, его портрет просто обязан был занять достойнейшее место среди портретов других благотворителей. А доверить сие ответственное дело — создать на полотне образ дарителя — было решено известному и модному тогда портретисту Дмитрию Левицкому.

Дмитрий Григорьевич Левицкий родился в 1735 году, в Киеве, в семье священника. Несмотря на сан, старший Левицкий не только увлекался искусством, но даже преподавал иконопись и гравирование в Киевской духовной академии. Он и был первым учителем сына. Потом Левицкий переехал в столицу, закончил Академию художеств и стал профессором портретного класса. Надо сказать, что занимал он этот пост по праву — блестящий портретист создал настоящую галерею современников. На его полотнах мы видим не только важных вельмож и их дородных супругов, но и представителей тогдашней интеллигенции, тех, кто был художнику близок по образу мысли, по восприятию действительности — тут и писатель Новиков, и архитектор Львов, и драматург Капнист, и поэт Державин. Тогда фотографию еще не изобрели. Так что спасибо художнику, благодаря его чудесной кисти мы видим лица героев давно ушедшей эпохи.

В общем, ничего нет удивительного, что, когда встал вопрос поиска художника для опекунской серии, выбор Бецкого пал на Левицкого. Поначалу ему заказали портрет купца Никифора Артемьевича Сеземова, который ассигновал на основание Воспитательного дома 14 788 рублей. Художник получил за этот портрет 50 рублей. Работа понравилась, и Левицкому заказали портрет Демидова. (Кстати, за демидовский

портрет Левицкому заплатили уже гораздо больше — 400 рублей!)

Итак, Левицкому предстояла встреча с одним из самых необычных людей тогдашней России.

Прокофий Акинфиевич Демидов родился в 1710 году. Старший сын уральского горнозаводчика Акинфия Демидова, он учился в Гамбурге, но никогда нигде не служил. Это был невероятно богатый человек. Огромное состояние и определенные понятия о том, что должно, сделали его одним из самых выдающихся благотворителей в истории России.

Его благотворительность не ограничивалась Воспитательным домом. На свои деньги он основал и Московское коммерческое училище, разместившееся в здании Воспитательного дома, поддерживал госпиталь для рожениц (Родильный институт), на который передал 200 тысяч рублей. А еще регулярно жертвовал немалые суммы на Московский университет — с 1779 года проценты с пожертвованной им суммы, размещенной в московском банке и именовавшейся демидовским пансионом, шли на содержание шести студентов, готовившихся к профессорской деятельности. В общей сложности, Прокофий Акинфиевич потратил на добрые дела 4 миллиона 282 тысячи рублей!

Демидов мог позволить себе такие траты — его доходы были столь велики, что он и сам не мог их оценить. Дом на Басманной, в котором он жил, был под стать хозяину и его

*Портрет
Екатерины II*

состоянию — снаружи обитый железом (дабы уберечься от пожаров), а внутри всюду золото, серебро, дорогие камни, на стенах, обитых бархатом, картины. А еще тут были редкие растения, резная мебель, ковры из собольих и медвежьих шкур, клетки с редкими птицами, по комнатам разгуливали ручные обезьянки, в мраморных бассейнах плавали

редкие рыбы, отовсюду раздавались мелодичные звуки, а из изящных фонтанов били дорогие вина.

У Демидова было несколько домов в Москве. Один из них — тот, где сегодня размещается президиум Академии наук. Он стоял среди роскошного парка, в котором было собрано множество редчайших растений, привезенных для барина

*Портрет
А.В. Храповицкого*

Справа:
*Портрет
А.Д. Левицкой,
дочери
художника*

со всего мира, и жили редчайшие птицы. Полюбоваться демидовскими чудесами приезжали многие посетители — сад был открыт для всех. Однажды гости Демидова увидели живые скульптуры — по аллеям стояли мужики, вымазанные в мелу. Видя, как кто-то из посетителей желал сорвать какой-нибудь цветок, они тут

же окликали нарушителя, который приходил в ужас при виде ожившей статуи. Слух про живые скульптуры привлек публику в демидовский сад, который с тех пор и стал называться Нескучным.

Это было очень правильное название — с Демидовым никогда не бывало скучно. Про него постоян-

но рассказывали всякие небылицы. К примеру, как за определенное вознаграждение он заставил человека год пролежать на спине, не вставая с койки. Получал несколько тысяч рублей и тот, кто мог битый час простоять перед баринном, не моргая. А если не выдерживал сурового испытания, то получал розги. (Правда, говори-

ли, что часто он помогал нуждающимся и просто так, по доброте душевной.) Или вот другой пример: когда Демидов постарел, он стал плохо видеть, и ему привезли очки. В те времена они были роскошью. Демидов, надев на свой нос очки, этим не ограничился — он решил, что очки необходимы всем его

собачкам, попугайчику, обезьянам, и эти обитатели его дома тоже получили по паре очков.

Однажды зять богача пригласил его на завтрак. Но тесть прислал вместо себя поросенка. Умный зятек принял поросенка с почестями, накормил-напоил и доставил обратно в своей карете. Довольный тесть велел зарезать поросенка, набил его шкуру золотом и отправил в подарок дочери.

А еще рассказывали, как он однажды в Петербурге устроил праздник, на котором напоил 500 человек! До смерти! Так хорошо угощал, а отказаться от барского угощения было никак нельзя. Вот эти люди и померли. Ну, может, не 500 человек, а поменьше, но все же...

И выезд у него тоже был не как у всех — выезжал он в красной или оранжевой карете, запряженной шестеркой лошадей, где впереди были пони, а за ними огромные лошади. На пони ехали мужики-великаны, а на больших лошадях — карлики. И слуги у Демидова были странные — половина одежды расшита золотым галуном, другая — из грубого сукна, одна нога в лакированном башмаке, другая — в онучах или лапте.

И в личной жизни этот человек был столь же необычен. Многие считали его настоящим самодуром. Первую жену, как говорили, «вогнал во гроб», а потом, в 74 года, обвинился со своей сожительницей Татьяной Семеновой, дамой, моложе Демидова на 36 лет.

Но он не только чудил. Его очень интересовала ботаника, и он даже собрал гербарий, который позже передал Московскому университету, как и свою коллекцию минералов. Кстати, московский его сад был лучшим не только в России, но и в Европе. Академик Петр Паллас описал в своем труде, посвященном Демидовскому саду, более 8 тысяч растений! А еще Прокофий Акинфиевич написал целое исследование, посвященное жизни пчел, — у него была одна из первых в России XVIII века пасек. Кроме того, он обожал певчих птиц и хорошо их знал. Но главное — Демидов не жалел денег на богоугодные дела!

И вот такой персонаж, такой герой должен быть запечатлен на холсте Левицкого. Перед художником стояла непростая задача. По-видимому, Демидов многое сам определил в композиции. Полотно получилось большое. На нем Прокофий Акинфиевич представлен во весь рост, на фоне больших колонн. На заднем плане — здание московского Воспитательного дома. Сам Демидов стоит, облакачиваясь на садовую лейку. Его указующий жест — то ли на Воспитательный дом, то ли на горшки с цветами. На парадных портретах герои обычно опирались на полуколонну или бюст императора-покровителя, а наш выбрал себе простую лейку. Рядом стол, на котором луковицы, гербарий, простой стул, драпировки, еще какие-то горшки с растениями. И главное —

*Портрет
купца
Н.А. Сеземова*

одет он не в парадный мундир, подходящий под такой нарядный портрет, — по всем законам на картине должен быть представлен важный господин в мундире, с орденами. А здесь — уже не молодой человек в домашнем костюме, в таком флашроке, и в жилетке, застегнутой не на все пуговицы. На ногах у него гамаши — Демидов страдал пода-

грой, может быть, поэтому на нем были удобные домашние туфли. Ну, и довершает картину ночной колпак на голове. Вот в таком экзотическом виде, так сказать, в неглиже, решил запечатлеть себя для последующих поколений Прокофий Демидов. Он словно говорит: да, вот я такой, в моем любимом флашроке. А рядом — то, что мне дорого: лейка, мои люби-

*Портрет
Дени
Дидро*

мые луковицы, которые я привез из Голландии. И указываю я на колонны моего детища, Воспитательного дома, и на цветы в кадках, которые, как и питомцы Воспитательного дома, нуждаются в уходе и внимании.

Не трудно вообразить, как публика приняла этот портрет. В галерее опекунов-благотворителей, среди портретов чинных господ-жертвователей, торжественно сидящих или стоящих в величественных позах, появился этот почти хулиган-

ский портрет. Конечно, он выделялся. Но кто мог перечить Прокофию Демидову? Ему портрет понравился, а это было самое главное — ведь угодить ему было ох как непросто.

Прокофий Демидов умер в 1786 году, и похоронили его недалеко от его усадьбы — в Донском монастыре, за алтарем Сретенской церкви. На специальном щите сказано, что Прокофий Акинфиевич — сын горнозаводчика А.Н. Демидова, создатель первого ботанического сада в

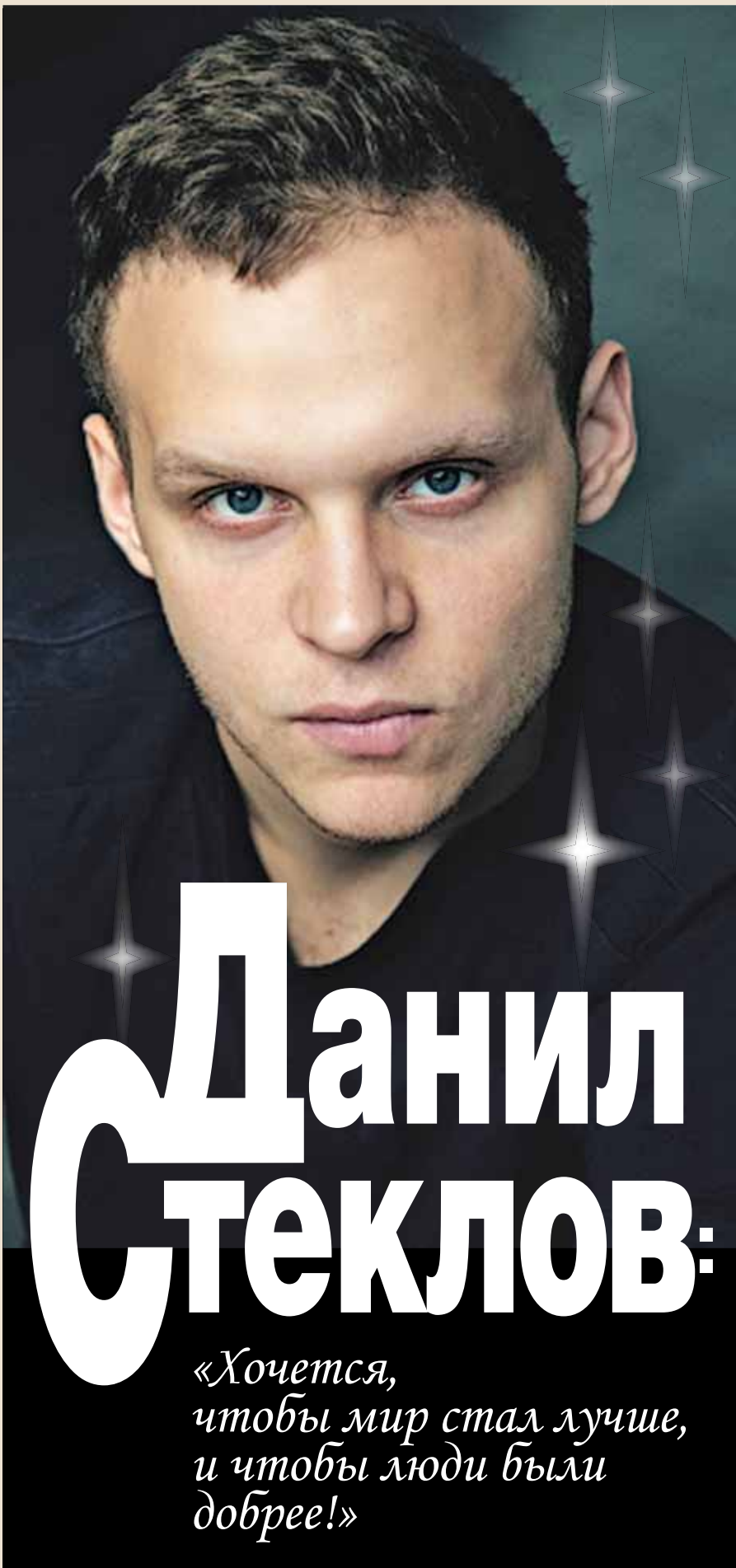
России. На левой стороне памятника надпись: «В течение всей временной жизни по всей справедливости приобрел он почтенные бессмертные титулы усерднейшего сына Отечества и друга человечества, пожертвуя в пользу обоих большею частью собственного своего имения, за что, не имея прежде никакого ни военного, ни гражданского чина, от руки Монаршей вдруг возведен был на степень действительного статского советника. Потомству остается судить, достойный он был сей столь отличной и знаменитой почести». И потомство судит — уже более двух столетий храня память об этом богатом чуде-ученом и выдающемся русском благотворителе.

А художнику Левицкому еще предстояло прожить много лет. В 1788 году ему пришлось оставить преподавание в Академии — по официальной версии в связи с болезнью глаз. Однако, скорее всего, в какой-то момент осложнились отношения с руководством Академии, и Левицкий вынужден был уйти. Но он не отчаялся — организовал свою частную школу, преподавал и очень много работал — у него всегда было много заказов. Среди его лучших работ — серия портретов воспитанниц Смольного института благородных девиц, парадный портрет Екатерины II, портреты Дидро, писателя А. Храповицкого...

Последние годы его жизни были печальны — за несколько лет до своего ухода, случившегося в 1822

году, он ослеп, и уже не мог работать. Но сознание его не покидало, и, страдая от болей, он вспоминал встречи с яркими людьми, образы которых запечатлел на своих полотнах. Наверняка вспоминал и богатого чудака Прокофия Демидова, чей портрет уже в это время переехал в Петербург. В 1799 году коммерческое училище при Воспитательном доме, основанное Демидовым, было переведено из Москвы в Петербург, переехал в столицу и портрет Прокофия Акинфиевича. Позже было решено отправить картину в Императорский Русский музей Александра III, а в 1930 году он вернулся в Москву, найдя себе достойное пристанище в Государственной Третьяковской галерее. И сегодня, придя в музей, можно снова встретиться с работами замечательного русского художника, блестящего портретиста Дмитрия Левицкого и вспомнить одного из его удивительных, ни на кого не похожих героев — богача, мецената и благотворителя Прокофия Демидова.

В истории России было много ярких личностей, богатых людей, щедро отдававших свои деньги на благотворительные цели. Они порой чудили, но благодарное потомство помнит их не за их чудачества, а за благие дела и бескорыстие. Нынешним богачам есть у кого поучиться, и, может, покупая очередной футбольный клуб, они задумаются — а не лучше ли потратить свои деньги как-то иначе? Ну, чтобы тебя помнили благодарные потомки?.. □

Данил Стеклов:

«Хочется, чтобы мир стал лучше, и чтобы люди были добрее!»

Данил еще очень молод, но благодаря своему таланту и трудолюбию уже востребован в театре и в кино. Он родился и вырос в семье знаменитых актеров и достойно продолжает династию Стекловых уже в четвертом поколении. Зрители знают его по фильмам: «Комбинат «Надежда», «22 минуты», «Свиридовы», «Любовь в большом городе — 3», «Человек-добро», «Девушка и вор»... Еще будучи студентом, он блестяще дебютировал на профессиональной сцене в театре «Сатирикон», в премьерном спектакле «Ромео и Джульетта», где сыграл главную роль. Впереди у этого обаятельного, яркого актера много интересной работы и творческих планов.

— Данил, еще будучи студентом школы-студии МХТ, вы запомнились театралам в роли Ромео, сыграв ее в премьерном спектакле театра «Сатирикон»...

— Ромео — это моя первая роль. Спектакль «Ромео и Джульетта» в постановке Константина Аркадьевича Райкина я сыграл пятьдесят раз, а начал его репетировать еще будучи студентом третьего курса. Даже когда ушел в МХТ, несколько раз по просьбе Константина Аркадьевича играл Ромео вместо актера, который был тогда болен.

Вторая моя роль в «Сатириконе» — Поросенок в спектакле «Карасенок и Поросенок», который поставила Елена Ивановна Бутенко. Этот детский спектакль мы играли с Полиной Шаниной и Лизой Мартинес все зимние каникулы, по два раза в день. Роль такая заводная, все время надо было бегать, визжать, а в зале сидит тысяча детей, и все эти маленькие «спиногрызы» смотрят на тебя во все глаза, ждут чуда, и при этом сами громко кричат и визжат от радости. Детская аудитория — самая сложная, ее надо удержать и захватить с первых минут.

— «Сатирикон», можно сказать, ваша альма-матер?

— В «Сатириконе» я вырос, с трех лет бегал по театру, сидел в гримерке, ждал маму, когда она была на репетициях, мама родила меня будучи студенткой второго курса института. Уже с детства ты начинаешь понимать, что такое актерская профессия. Помню, как дома, на кухне,

после премьерного спектакля «Макбет» мои родные до утра делились впечатлениями...

— Вы окончили школу-студию МХТ?

— Подавал документы в ГИТИС, Щукинское училище, школу-студию МХТ и везде прошел, во ВГИК даже сдавал, но остановил выбор на школе-студии МХТ, и попал на курс к Константину Аркадьевичу. Райкин — мой педагог, он научил меня очень многому, научил существованию в профессии. Это уникальный человек и великий артист. Райкин всецело предан театру, он любит свою профессию до фанатизма.

— Не могу не процитировать слова Райкина: «Если я вижу при распределении, что актер не радуется роли, я тут же разрываю с ним контракт. Потому что главное в профессии — полюбить свою роль, полюбить партнера по сцене. Легко любить центральную роль Гамлета, когда ты стоишь посреди сцены, и все тебе несут цветы. Легко полюбить на сцене Джульетту, если она красавица. А ты полюби другую роль — роль черепа Йорика, которого никто не запомнит! Полюби некрасивую Джульетту! Если актер не показывает любви к роли, значит, он не хочет быть в театре, и мы с ним спокойно прощаемся»...

— Если ты предан своему делу, то обязательно получишь отдачу. Сейчас время какое-то сложное,

все цифровое, все суется, чтобы побыстрее заработать, где-то сняться и побежать дальше, а Райкин внушал нам, молодым студентам, что актер должен пройти нелегкий путь длиною в жизнь. Всему свое время. Не бывает так, что закончил вуз, и раз — ты уже звезда! Нужно много работать, и все должно идти постепенно, в непрерывном развитии. Я бы не выдержал, если бы вдруг на меня обрушилась невероятная слава. Наверное, «снесло бы башню». Надо ценить каждую заслуженную победу в своей профессии и идти вперед. Константин Аркадьевич научил нас пунктуальности, никто из бывших его воспитанников никогда не опаздывает. Четыре года учебы на курсе Райкина можно приравнять к службе в армии, у нас во всем бы-

ла армейская дисциплина. Я не понимаю людей, которые опаздывают на встречу, на работу, значит, здесь ему неважно, и там ему будет неважно, вообще это проявление неуважения не только к другому, но и к самому себе.

— В 2015 году Москва широко отмечала дату рождения великого Александра Сергеевича Пушкина, и этот же день является еще одним праздником — Днем Русского языка. Вы тогда играли моноспектакль «Повести Белкина». В прошлом году, на главном книжном фестивале страны «Красная площадь» вы его тоже сыграли на Красной площади. Чем вам интересны прозаические произведения Пушкина?

— В прозе Пушкина есть для актера все: и судьба героя, и юмор, и прекрасный русский язык, у него так много разных интересных образов, предметно-бытовых деталей. Пушкин — невероятно глубокий и в то же время легкий! Играть персонажей Пушкина совсем непросто, но в удовольствие! Моноспектакль «Повести Белкина»: «Метель» и «Гробовщик», я вот уже два года играю в театральном проекте, в музее поэта на Пречистенке, в старинных интерьерах эпохи... Очень сложно целый час быть одному на сцене. Большая ответственность, но этот опыт очень полезен, и желательно всем актерам его пройти. Ведь в течение часа нужно «держат» зал, что очень нелегко — каждый раз на этом

спектакле я хуюе на килограмм, и со сцены выхожу весь мокрый, словно после душа.

— В Берлине, в доме Российской науки и культуры, вы тоже читали Пушкина?

— Это был единственный случай, когда мы все выехали из Москвы вместе: с дедом — Владимиром Стекловым и мамой — Агриппиной Стекловой. Нас, три поколения Стекловых, пригласили читать великого Пушкина: дед читал «Скупого рыцаря», мама — «Графа Нулина», а я — «Гробовщика».

— Данил, а вы вообще, кроме Пушкина, любите литературу?

— Мне нравится современная поэзия, очень люблю стихи, я занят

в МХТ в «Круге чтения» Марины Брусникиной, во времена студенчества меня научили хорошо разбираться в поэзии. Еще в детстве я много писал, какие-то рассказы, заметки, вел дневники. Недавно, кстати, с интересом перечитал свои дневники, в них так искренне все написано...

Люблю наших авторов: Прилепина, Сенчина, Пелевина, Сорокина, Елизарова, из классиков очень люблю Достоевского. Я играл в спектакле «Братья Карамазовы», еще обучаясь в школе-студии МХТ, в постановке Виктора Рыжакова, а сейчас играю в «Братьях Карамазовых» в МХТ, в постановке Константина Богомолова.

— Что из книг вы недавно прочитали?

*Спектакль
«Деревня
дураков»*

Справа:
*Спектакль
«Карам-
зовы»*

*Спектакль
«Мушке-
теры. Сага.
Часть
первая»*

— Роман «Щегол» — американской писательницы Донны Таррт, он назван по картине голландского художника Карела Фабрициуса «Щегол», написанной им в 1654 году, и она играет важную роль в судьбе главного героя книги. Этот роман удостоен Пулитцеровской премии за художественную книгу в 2014 году, Итальянской литературной премии для иностранных писателей и медали Эндрю Карнеги за лучшую художественную книгу, опубликованную в США.

Прочел не так давно исторический роман — «Зулиха открывает глаза», ее автор — романист-дебютант Гузель Яхина, она является лауреатом премий «Ясная поляна» и «Большая книга». Роман повествует о последствиях революции 1917 года, о раскулачивании в трид-

цатых годах. Кстати, его уже переводят на шестнадцать языков мира.

— Очень приятно, что у такого молодого человека такое глубокое познание литературы. А вот что касается кинематографа — какое кино вам нравится?

— Андрей Звягинцев, Алексей Балабанов — это мои режиссеры, их картины про нас, про нашу страну. Жаль, что Балабанов так рано ушел из жизни.

В отрочестве я пересмотрел все фильмы Эмира Кустурицы, можно сказать, что знаю их наизусть. Очень нравится артист, кинорежиссер и сценарист Квентин Тарантино. С интересом смотрю фильмы с участием Джека Николсона. Ему удастся так блестяще играть злодеев!

Мне бы так хотелось сыграть отрицательного героя, вот бы получить роль Яго в трагедии «Отелло»!

— У вас еще вся жизнь впереди... Чего бы вам больше всего хотелось, есть ли у вас какая-нибудь мечта?

— Конечно, мне, как и всем людям, хочется многого. Хочу снять короткометражный фильм. Хочу написать сценарий, социальную драму...

Очень хочется, чтобы все люди жили в достатке. Когда едешь по стране — многое видишь. К сожалению, во многих российских городах слабо развита инфраструктура. Хотелось бы больше современных, красивых городов...

И вообще, хочется, чтобы мир стал лучше, чтобы люди были добрее!

— Многие актеры говорят, что самое главное — это творческая жизнь. А вы как считаете?

— Самое главное в жизни человека — это семья! Ничего важнее семьи не может быть, и мне хочется ее создать, чтобы бабушка увидела правнуков, а мама — внуков...

— У вас бывает свободное время, и если да — как вы его проводите?

— Хожу в театры, в кино, играю в футбол, встречаюсь с друзьями. Москва — театральная Мекка, ни в одном городе мира нет такого количества театров, везде что-то ставится, выходят премьеры, столько вокруг происходит интересного!

— Вы любите путешествовать?

— Конечно! Мечтаю отправиться в Перу, на Кубу, в Японию. Как путешественнику мне очень интересна Азия, ее древняя история и культура, я уже побывал в Китае, Камбодже, во Вьетнаме, в Таиланде.

— Какие качества вы не приемлете в людях?

— Лицемерие, хитрость, двуличие, категорически не выношу тех, кто заврался... это отвратительно!

— Какие фильмы с вашим участием можно будет увидеть в ближайшем будущем?

— Картина «В Кейптаунском порту» скоро выйдет на экраны, режиссер и автор сценария — Александр Велединский, он известен по филь-

мам «Русское», «Окно в Европу». Снимаюсь сейчас в фильме «Жги!» — это режиссерский дебют в большом кино Кирилла Плетнева. В главных ролях Инга Оболдина и Виктория Исакова. Фильм о девушке, отбывающей наказание в женской колонии. Она прекрасно поет, и однажды происходит настоящее чудо, жизнь ее радикально меняется. Съемки проходили под Великими Луками, в Псковской области, в городке Невель, на территории воспитательной колонии для несовершеннолетних.

Снялся в сериале «Мурка», это криминальный сериал о бандитской Одессе двадцатых годов. Скоро выйдет комедия для подростков «Только не они». Снялся в сериале Алексея Смирнова «Са-

*Спектакль
«Макбет»*

Слева:

*Спектакль
«Деревня
дураков»*

довое кольцо». Закончил работу в картине режиссера Марии Барсуковой — «0 часов», это артхаусное кино.

— Да, перечень очень впечатляющий. А как же театр? В каких спектаклях МХТ имени Чехова вы заняты?

— В спектаклях Константина Богомолова: «Чайка» — роль Медведевко, «Мушкетеры» — Д'Артаньян, «Карамазовы» — у меня несколько ролей. Играю также в спектакле «Деревня дураков», в постановке Марины Брусникиной, недавно прошла премьера спектакля польского режиссера Яна Клята «Макбет», где я играю Банко.

— Каким хотите видеть зрителя и что бы вы ему пожелали?

— Образованным, интеллигентным, чтобы на сцену никто из зала не высказывал во время спектакля, увы, бывает иногда и такое. Хотелось бы, чтобы люди в кинотеатрах смотрели и авторское кино. Странно, что фильм «Клинч», это режиссерский дебют Сергея Пускепалиса, шел в кинотеатре только рано утром, ведь не каждый может прийти на сеанс в девять часов.

По статистике, семь процентов населения России ходит в театр, хотелось бы, чтобы эта цифра значительно увеличилась! Приходите в театр! □

Беседовала Елена Воробьева.

Ольга Степнова

Портрет розовым карандашом

Марина Леонидовна увеличила себе грудь с третьего номера до пятого. Она думала, мир перевернется, но ничего такого не произошло. Никто не заметил ее новой груди.

Даже муж.

Он только посетовал, что Марина Леонидовна отсутствовала целую неделю, и некому было встретить его из командировки.

Между тем, Марина Леонидовна испытывала массу неудобств и неприятных ощущений. Во-первых, приходилось носить тесное компрессионное белье, во-вторых, ее мучило чувство распирания в груди, о котором предупреждал врач, но о масштабах которого Марина Леонидовна даже не подозревала.

Она пребывала в постоянном страхе, что лопнет прямо на худсовете, руководителем которого являлась.

Все это — и чувство распирания, и давящее компрессионное белье, и ненаблюдательный муж, и деньги, потраченные на операцию, — повергло Марину Леонидовну в глубочайшую депрессию, в первую очередь, отразившуюся на молодых драматургах, чьи пьесы одну за другой отвергала руководитель художественного совета.

И хоть бы кто-нибудь заметил ее новую грудь!

Только уборщица сцены Валентина Семеновна сказала однажды:
— Что-то здорово располнели вы, Марина Леонидовна!

Отвергнуть пьесу уборщицы Марина Леонидовна не могла, поэтому она только фыркнула и перестала здороваться с Валентиной Семеновной.

Меж тем депрессия разрасталась, черным вороньим крылом закрывая все светлое жизненное пространство.

И тогда Марина Леонидовна решилась на отчаянный шаг.

Она записалась на прием к психологу. Кажется, так принято делать во всех цивилизованных странах всем цивилизованным людям.

Психолог оказался импозантным мужчиной лет сорока, с пронзительно-серыми, чуть прищуренными глазами и богатой шевелюрой, зачесанной назад. Он пытался раскурить трубку, но эта хитрая процедура у него не получалась, трубка не занималась, отчего психолог немного нервничал.

Марина Леонидовна без обиняков выложила ему свою проблему — про депрессию, про компрессионное белье, про раздражение на молодых драматургов, про страх лопнуть на худсовете, про невоспитанную уборщицу и даже про свое цивилизованное решение посетить психолога.

— До какого размера вы увеличили грудь? — прервал ее эмоциональный рассказ психолог, отложив трубку и что-то пометив в пухлом блокноте.

Марина Леонидовна ничего не ответила, так как не поняла, какое отношение имеет этот вопрос к ее депрессии. Психолог какое-то время задумчиво смотрел на нее, а потом неожиданно приказал, неумело затянувшись еле тлеющей трубкой:

— Раздевайтесь!

— Что? — снова не поняла Марина Леонидовна.

— Раздевайтесь, я посмотрю вашу новую грудь.

— Это еще зачем? — возмутилась Марина Леонидовна. — Вы же психолог, а не этот... как его... маммолог.

— Не валяйте дурака, раздевайтесь! Вы увеличили грудь, чтобы ею восхищались, не так ли? Но грудью не только не восхищаются, ее даже не замечают. Ни муж, ни худсовет, ни молодые драматурги, ни даже уборщица. В этом причина вашей депрессии. Раздевайтесь, мы будем лечить вашу черную полосу, ваше «вороново крыло».

«А почему бы и нет?» — подумала Марина Леонидовна и быстро разделась.

— Компрессионное белье тоже снимайте, через месяц после операции уже можно, — распорядился психолог.

Марина Леонидовна осторожно сняла с себя компрессионный бюстгалтер и впервые за последний месяц вздохнула полной грудью.

Депрессия сделала маленький шаг назад, потому что появилась возможность дышать...

Психолог обошел вокруг Марины Леонидовны, словно вокруг новогодней елки.

— Красиво, — проговорил он. — Очень красиво. Соблазнительно. Не понимаю вашего мужа и молодых драматургов.

— Я тоже не понимаю, — кивнула Марина Леонидовна и повернулась вокруг оси, красуясь новыми формами.

— Ложитесь, — приказал психолог, кивнув на кушетку, и куда-то ушел.

«А почему бы и нет? — подумала Марина Леонидовна, ложась на кушетку. — Все деньги не на ветер за операцию...»

Она вздохнула, прислушиваясь к черной депрессивной дыре внутри, но ничего сверхъестественного не ощутила, кроме равнодушия перед незапланированным сексом. Все-таки она рассчитывала на долгий, подробный, душеполезный и оптимистический разговор, но... уж как получилось.

Секс так секс.

Может, она почувствует себя молодой, яркой, задорной и нужной?! Может, полюбит мужа, драматургов и Валентину Семеновну?! Может, забудет о нескольких тысячах долларов, потраченных на эту чертову операцию?!

— Что вы тут разлеглись, будто я печень вам буду щупать? — с легким раздражением спросил психолог, заходя в комнату. Отчего-то он был не раздет. Отчего-то держал в руках цветные карандаши, мольберт и ватман.

— А вы не собираетесь меня щупать? — удивилась Марина Леонидовна.

— Нет, я собираюсь вас рисовать. Расслабьтесь и примите красивую позу.

Марина Леонидовна разрыдалась.

— Даже вы меня не хотите! — разрыдалась Марина Леонидовна. — Даже согласную! Даже с грудью!! Зачем я сюда пришла?! Зачем раздевалась?! За что заплатила?!

— Прекратите истерику! — заорал вдруг психолог. — Вы заплатили за то, чтобы выйти отсюда счастливой! За то, чтобы быть довольной собой и не жалеть о деньгах, потраченных на операцию!

— Почему вы не спрашиваете меня, отчего я решила увеличить грудь?! — всхлипнула Марина Леонидовна.

— Решили и решили. Это ваше право. Вы же не спрашиваете меня, почему я пытаюсь курить трубку, не умея курить ее.

— А почему-у вы пытаетесь ку-урить тру-убку, не умея ку-урить ее? — прорыдала Марина Леонидовна, чувствуя, что слезы потоком льются на возделенный пятый размер.

— Потому что с трубкой я чувствую себя увереннее. Импозантнее. Симпатичнее, наконец.

— Вот и я думала, что с пятым номером буду симпатичнее! Третий номер у каждой есть, а пятый... только у тех, у кого есть деньги! Скажите, почему вы хотите нарисовать меня? Я вас не возбуждаю?!

— Нет. То есть да! То есть... у меня есть жена, и я ее люблю. Но я ценю женскую красоту, очень! Как Тициан, как Гоген, как Кустодиев, как...

— Вы тоже считаете, что я толстая?! — в панике схватилась за грудь Марина Леонидовна.

— Тьфу! — сплюнул психолог. — Я вас сейчас нарисую, а вы посмотрите, толстая вы или нет. Каким карандашом вас нарисовать?

— Черным, — буркнула Марина Леонидовна, чувствуя, что ее депрессия уверенно берет суицидальное направление. — Черным!! — закричала она.

— Так... — Психолог закрепил на мольберте ватман и достал из пачки розовый карандаш. — Черным так черным, — кивнул он и быстрыми, отрывистыми движениями начал набрасывать на ватмане какие-то линии.

Марина Леонидовна замерла в эффектной позе. Слезы все еще капали на ее восхитительный пятый размер.

Она просидела так полчаса.

Психолог то хмурился, то светлел лицом, то длинно чертил бесконечную линию, то штриховал, то, отойдя на шаг, задумчиво осматривал свое творение, бросая быстрые взгляды на Марину Леонидовну.

— Готово! — наконец сказал он. — Хотите посмотреть?

Марина Леонидовна нехотя подошла к мольберту и взглянула на ватман.

Портрет был... гениальным.

В нем чувствовалась рука профессионала, талант, тонкая душа гения, умение видеть и чувствовать. В нем был объем, движение, трепет, дыхание и фантастические оттенки красок, несмотря на то, что он был... розовый. Марина Леонидовна, изображенная на бумаге, лежала вполборота, и ее чудесная новая грудь каждой складочкой, каждой линией дышала, трепетала, любила...

— Это я?! — удивленно спросила она у психолога, чувствуя, как слезы вновь закипают в груди, а депрессия из черной становится розовой.

— Вы гораздо лучше. Мои скромные возможности художника не дают перенести на бумагу и половины вашей красоты и прелести, — заверил ее психолог и попытался заново раскурить трубку.

— Спасибо. — Марина Леонидовна быстро оделась. — Спасибо вам! Кажется, я больше не боюсь лопнуть! Кажется, я готова читать новые пьесы! Кажется, мне плевать, что думает о моих формах Валентина Семеновна! Можно, я заберу портрет?

— Конечно. Я для вас его и рисовал. Повесьте этот портрет в спальне, и я посмотрю, как муж не заинтересуется вашей новой грудью! — Психолог мучился с трубкой, которая никак не желала ни зажигаться, ни раскуриваться.

— Для трубок есть специальные зажигалки, — улыбнулась Марина Леонидовна.

— Да?! — удивился психолог. — Не знал.

— Попросите вашу жену купить такую зажигалку в специализированном отделе универсама.

— Попрошу. Обязательно попрошу!

— А вообще, вас и сигарета нисколько не испортит!

Пока психолог отчаянно смущался от ее комплимента, Марина Леонидовна скрутила портрет в рулон и бережно уложила в сумку.

Она уже уходила, когда решилась задать интересовавший ее вопрос:

— Скажите, а почему вы взяли розовый карандаш? Я же просила черный!

— Розовый? — искренне удивился психолог и вдруг сильно смутился: — Извините. Я безнадежный дальтоник, поэтому стал психологом, а не художником, как мечтал.

Марина Леонидовна захохотала и ушла, удивляясь, как такая ерунда, как распирание в груди, заставила ее обратиться к психологу.

А психолог-то хорош!

Как хорош, зараза, — глаза с прищуром, трубка, волосы назад, и жену, паршивец, любит. А рисует как! И после этого говорят, что все мужики — сволочи?

Все мужики — психологи.

Марина Леонидовна прилетела домой как на крыльях.

— Дорогая, ты?! — уставился муж на ее декольте.

— Я, — сообщила Марина Леонидовна мужу. — И у меня теперь пятый размер!

— Какой, к черту, размер, у тебя в глазах зов предков, — пробормотал муж и утащил Марину Леонидовну в спальню вместе с портретом, с компрессионным бельем и с чувством счастья, распиравшим ее изнутри.

«Надо бы и его на прием к трубке сводить, — весело подумала Марина Леонидовна. — Пусть подучится рисовать!»

Портрет она спрятала. Решила, что это будет ее талисман. Тайный и безотказный.

Вдруг ей еще раз захочется увеличить грудь?!

В театре все заметили, что Марина Леонидовна «безумно похорошела», а Валентина Семеновна отметила, что она «сбросила лет десять и килограмм пятнадцать».

Сразу у трех молодых драматургов появился реальный шанс увидеть свои пьесы на подмостках знаменитого художественного театра...

— И как тебе все удается? — спросила как-то Марину Леонидовну замотанная помощница режиссера. — И грудь у тебя, и талия, и осанка, и улыбка, и оптимизм и обаяние! А глаза, глаза-то как светятся, все просто падают и не могут встать! Скажи, как такого добиться?

— Возьми розовый карандаш и нарисуй себя в розовом цвете, — улыбнулась Марина Леонидовна.

— Тогда уж лучше нацепить розовые очки! — засмеялась помощница.

— Нет, именно розовый карандаш. Но главное, чтобы портрет был гениальным! □

Терентий Иловайский

«ПУСТЫННИЦА»

в кругу людей

«Когда я стала выходить из детства, мои занятия не были похожи на занятия других. Я любила слушать рассказы стариков или удаляться в уединенное место и прислушиваться к шуму ветра, который с этого времени я очень любила, так как он наводил на меня особое вдохновение. Любила слушать чтение книг. Бывало, принесет мой родитель из церкви Четьи-Минеи или синодские проповеди, с каким наслаждением слушала я эти книги! Все производило на меня глубокое впечатление», — так вспоминала о своем детстве и отрочестве простая крестьянская девушка, и при этом удивительный, необыкновенный человек, Домна Анисимова, создававшая в своих стихах незабываемые образы природы и мира, в котором жила. Вот одно из них:

*Шуми, шуми, о ветер буйный,
Над кровлей гул свой удвой,
Товарищ будь печальной думы,
И томны мысли оживляй.*

*Все спит, и ночь дает свободу
Тебе внимать, о бурный ветер!
Шуми, напоминай природу;
Мне зреть ее надежды нет.*

Потеряв зрение в пятилетнем возрасте, она стала незрячей, эта поэтесса из народа — слепой «песнопевницей»... Слепой Домани...

Родилась Домна в начале XIX века в деревеньке Дегтяное Спасского уезда, что на Рязанщине. Отец ее, Анисим (а точнее Онисим) Зеленцов, был пономарем сельской церкви. Отсюда и пошло — стали звать девочку Анисимовой, совершенно забыв настоящую ее фамилию...

Семейство Зеленцовых было многодетным, и всю ее недолгую жизнь Домнишу преследовала бедность...

Как-то раз священник местного прихода прочел ей стихи тогда уже известного поэта Василия Жуковского...

*И все в ужасной тишине;
Окрестность как могила;
Вот... каркнул ворон на стене;
Вот... стая псов завывала;
И вдруг... протяжно полночь
бьет;
Нашли на небо тучи;
Река надулась, бор ревет;
И мчится прах летучий.*

Услышанное потрясло девочку до самых глубин ее впечатлительной души. Образы, ярко ожившие перед ее незрячими глазами, захватили с такой силой, что Домна перестала есть и спать, она была буквально ошеломлена... Оказывается, все — все, о чем думаешь, о чем мечтаешь, и что любишь — все это можно описывать и передавать чувственно в рифмованных строчках! Позднее она вспоминала: «С тех пор породилось у меня желание и самой слагать разные стихи... Оставаясь летом, во время рабочей поры, одна с малыми детьми, я и сложила первые стихи для колыбельного дитя-

ти, а вторые — «Ночью, при шуме ветра»...

Поначалу «слагаемые» стихи она держала в своей памяти, скрывая от родных и односельчан столь необычный и удивительный среди крестьянского бытования поэтический дар. Слепая девчушка была робкой, совестливой и очень осторожной. Боялась даже петь при других и безудержно отдавалась душевной стихии, только когда все крестьяне ее села выезжали в поля убирать хлеб, а ее оставляли нянчить и кормить оставленных дома крестьянских детишек. Так неожиданно для нее самой «проклянулся» у Домны настоящий талант. (Вообще, самые широчайшие возможности для проявления талантов в крестьянской среде открывало устное творчество, очень близкое простым людям по форме и содержанию. Крестьяне, особенно хорошо владевшие каким-либо видом фольклора, пользовались большим уважением в своей среде. В XVII–XIX веках прослеживаются целые крестьянские школы народных сказителей.)

Но у Домны был талант иной — абсолютно оригинальный... Стихи ее не были чьими-то перепевами или импровизацией на чью-то тему — нет, она творила свои образы, содержание стихов было выпестовано собственной душой и пропущено через ее трепетное жаждущее сердце...

Все же долго скрывать свой дар Домна не смогла. Поделилась как-то со своей подружкой Анфиской, а дальше уже само разнеслось по округе... Молва среди простого сель-

ского народа «работала» мгновенно и наверняка...

Вскоре то, что в Дегтяном слепая Домка Анисимова поет песни собственной придумки, долетело до ушей спасского исправника. Он среагировал моментально — прибыл в Дегтяное, чтобы удостовериться в правдивости слухов, но, главное, самому послушать девицу...

Послушал — изумился! И еще... попросил к утру следующего дня написать что-нибудь о сельской жизни. «Ну, например, — окинул он взором голубые безоблачные небеса, — хотя б... о жатве...»

И утром тихая худенькая девчушка, приглаживая свои «пшеничные» волосы ладошкой и прикрыв выгоревшими на солнце белыми веками незрячие глаза, с волнением читала приехавшему чиновнику:

*Позлащает лето нивы,
Август радует жнецов,
Поселянин не ленивый
С нетерпеньем ждет плодов.
Закричит тогда с восторгом:
Что, готовы ли серпы?
Время в поле, завтра с Богом,
В добрый час, вязать снопы.
Лишь с востока развернулась
Чуть румяная заря,
Из деревни потянулась
Вереница на поля.*

*Заскрипят с полден телеги,
Вмиг кладушки на гумне;
Кто возрос на лоне неги,
Тот не чувствует вполне —
Как усталому приятно
Зреть награду и покой; —*

*Поселянину понятно:
Он в восторге сам не свой.
Он небрежно отирает
Пот трудов и пыль с лица
И с весельем напевает
Песню сельского жнеца.*

Пораженный до глубины души исправник тут же доложил об этом «невероятном происшествии», случившемся в селе Дегтяном, рязанскому губернатору. И полетела невероятная новость сия — от чиновника к чиновнику...

Должность губернского начальника в то время исполнял Владимир Прокопович Антонский. Внимательно изучив «списки» стихотворений Домны Анисимовой, он велел «перебелить» их (то есть переписать), и затем отправил министру внутренних дел графу Дмитрию Блудову. А тот, в свою очередь, переслал эти стихи возглавлявшему тогда Российскую академию наук Алексею Шишкову, слывшему поборником исконных национальных традиций. Стихи молодой поэтессы из самой гущи народной ему очень понравились. Он ответил Блудову:

«Я имел честь получить письмо Вашего Превосходительства с приложением при оном стихами дочери пономаря, 29-летней девицы, лишившейся зрения. Стихи сии я отдал в Российскую Академию, которая с удовольствием их прослушала и положила:

Дать девице сей 100 рублей денег; 2) Послать к ней из книг: «Часы благоговения», «Российскую Историю» покойного Карамзина, а также

и некоторые другие книги; напечатать особою книжкою стихи ее в числе трех или четырех сот экземпляров; 4) Все сие, с согласия Вашего, препроводить к Вам для доставления вышеозначенной девице, прося Вас покорно часть экземпляров отослать к ней, а другую раздать здесь, кому заблагорассудите».

В том же году в Санкт-Петербурге вышла книга «Стихи девицы Онисимовой, слепой дочери пономаря». Но присланные Домне книги так и не смогли ее порадовать, ни стихи Жуковского, ни Державина... В глухом рязанском селе некому было их прочесть... А деньги... они, конечно, благополучно где-то... и как-то... затерялись! Ненасытные чинуши были начеку и не могли позволить, чтобы какой-то там темной крестьянке достались просто так аж целых сто рублей...

Бедной девушке ничего не оставалось, как идти и просить...

Она и обратилась с просьбой о назначении пособия к архиепископу Рязанскому и Зарайскому Гавриилу (Городкову).

Архиерей повелел выдать слепой поэтессе 25 рублей. Кроме того, по его распоряжению местное церковно-приходское попечительство назначило ей ежемесячное денежное вспоможение в размере 15 рублей.

Тираж книги Академия сдала книготорговцу Лисенкову для продажи по 1 рублю за экземпляр. Всю выручку предполагалось отправить автору. Но — увы! Домна не получила ни копейки!.. И немудрено, тот «торгаш» подумал точно так же, как и чиновники: «Ну, зачем какой-то темной

крестьянке гроши?» — и все прикарманил себе...

Вскоре после выхода книги в газете «Северная пчела» Ф. Ляликов опубликовал статью, посвященную стихотворному сборнику Домны Анисимовой. Автор довольно проникновенно писал: «Если бы вам, милостивые государи, когда-либо удалось взглянуть на тех, при чьих глазах она выросла, кто пеленал ее грубыми толстыми пеленками, кто напоил ее живою водою, из ваших глаз невольно выкатилась бы крупная слеза сострадания к этой несчастной».

Весть о чудо-девице быстро разнеслась по всей рязанской губернии, и, как это всегда бывает, в никому досель неведомое сельцо Дегтяное стали приезжать любопытствующие...

И прибывало их все больше и больше... Осталась запись одного из посетивших крестьянскую поэтессу: «Этот несчастный поэт — девица, с первого знакомства завладев всею моею душою, познакомила меня и сроднила с селением, дотоле мне самому неизвестным, и какою-то магическою силой заставила меня, по крайней мере — мыслю, никогда с ним не расставаться».

В 1839 году в журнале «Галатей» появился очерк П.М. Перевлесского «Девица Онисимова», сам Петр Миронович был земляком Домны. В своем очерке он утверждал, что заочными учителями Домны, конечно, без их ведома, были знаменитые поэты В.А. Жуковский, со своими «Двенадцатью спящими девами»,

Богданович, со своею «Душенькою», и даже частично Г. Лажечников, со своими «Опытами в стихах и прозе 1817 года».

В том же номере журнала было опубликовано стихотворение Домны о ветре, который был ее излюбленной стихией. Лишенная зрения, она воспринимала окружающий мир посредством слуха, чему ветер и давал наиболее богатую пищу:

*С тобой одним, товарищ милый,
Я чувства горести делю,
Нося при жизни мрак могилы,
В тебе одном природу зрю.*

*Шуми, взывай меж деревьями,
Зеленым листом трепещи,
Греми ужаснее водами,
Их волны на берег хлещи.*

*Во тьме живущей среди света
Пустыннице в кругу людей,
Шуми, яви картину лета
В гармонии природы всей.*

*Напомни шум ручьев серебристых,
Бегущих быстро по песку,
Отрадну зелень древ ветвистых,
Луга цветущие, реку.*

*Напомни в жизни миг бесценный,
Рассвет моих минувших дней;
Сия минуты незабвенны
Ясней представь душе моей.*

*Рисуй поляны мне с цветами,
С душистой зеленью молодой,
Где я с малютками — друзьями
Резвилась вешнею порой.
Представь мне лес густой,
Тенистый,*

*С листьями мелкими вдали.
Воды источник тихий, чистый
В разлив вечерняя зари.*

*Лишь ты всю верность сохраняя,
Взываньем сладость в сердце
льешь,
Шумишь, себе не изменяя,
И мне жизнь чувствовать даешь.*

И при всем при этом, несмотря на свой удивительный поэтический дар, Домна все равно оставалась в бедности... Средств к существованию у нее так и не появилось...

Местное церковно-приходское попечительство, проявляя христианское сострадание, предложило ей поступить послушницей в ближайший монастырь, однако Домна категорически отказалась... Свой ответ она неожиданно облекла в поэтическую форму, где обращалась напрямую к архиерею:

*Я тем обязана премного
За милость вас благодарить.
Закон ваш чту законом Бога,
Но мне позвольте говорить.
Малютки брата очень милы,
Я их оставить не могу.
И мать моя лишилась силы,
Минуту смерти стерегу.
И здесь уж на гробах родимых,
Я приобвыкла слезы лить.
В глуши селенья, среди любимых,
Позвольте дни мои дожить.*

Это был бесстрашный ответ — откровенный, полный человеческого достоинства! Домна не позволила себе унизиться и прогнуться перед священнослужителем...

В 1901 году в Москве был выпущен в свет литературный сборник «Поэты из народа», включивший в себя произведения 25 авторов, и краткие сведения о них.

«В нашей книге помещены лучшие стихотворения русских поэтов, вышедших из народа: из крестьян, мещан и небогатых купцов, которые писали больше о жизни народа, — говорилось в предисловии составителя К.А. Хренова. — Стихотворения поэтов из народа отличаются тем важным достоинством, что написаны простым, вполне понятным даже неграмотному человеку языком — в них почти всегда рассказывается про житье-бытье простолюдина и правдиво выражаются его же нехитрые житейские помыслы...»

Наряду с такими широко известными уже поэтами, как Алексей Кольцов и Иван Никитин, в сборнике была представлена и Домна Анисимова. Ее стихотворение «К ветру» публиковалось и ранее под разными названиями: «Ветер», «Ночью, при шуме ветра», «Шуми, шуми, о ветер буйный...» К.А. Хренов отмечал, что оно «отличается глубиной чувства и задушевностью».

О последних годах жизни Домны Анисимовой почти никаких сведений не осталось. Известно только то, что доживала она свой век в семье брата Ивана, который был дьячком того же сельского прихода...

Что ж... эта вспышка спонтанного и такого необыкновенного поэтического дара, без поддержки и участия, быстро угасла и сошла на нет... Улетучилась и неожиданная

известность поэтессы. Все быстро забылось среди нескончаемых трудовых крестьянских будней, наполненных тягостно — тяжким добыванием хлеба насущного.

И поэтесса Домна, как и неисчислимые русские таланты, канувшие в вечность, закончила свои дни в нищете и безвестности... Она так и прожила одинокой «пустынницей» среди простых людей — односельчан. Поистине «русский» финал...

Но вот пришли иные времена... В 30-х годах XX века храм в Дегтяном и вовсе закрыли. Сельское кладбище пришло в полное запустение, и могила талантливой поэтессы из народа просто затерялась среди густых зарослей разнотравья и бурьяна...

Только и осталась в памяти некоторых земляков авторская поэтическая эпитафия слепой стихотворницы:

*Могил безмолвных посетитель!
Пошли твой мир в мою обитель,
Но сожаленьем и слезой
Мой хладный прах не беспокой.
Страшись тоски воспоминанье
В костях несчастной пробудить:
Вся жизнь моя была стенанье,
И мой удел был слезы лить.
Лишенная от детства света,
Терпела я и нищету;
И титлом славилась «Поэта»,
Переносила клевету.
Но все мгновенно полетело,
Как вихрь, промчались мои
дни...*

*Под сим крестом сокрыто
тело,
Крестясь, Доминику помяни!» □*

Евгения Гордиенко

«Танец возникает из Желания, или Необходимости. А не потому, что я думаю: ага, я хореограф, надо бы танцев добавить».

В этом предложении — она вся. Вся Пина Бауш. Полная понимания важности того, что делает, но в то же время не чуждая самоиронии, легкости и абсолютной самостоятельности в творчестве.

Ее трудно поставить в один ряд с великими хореографами двадцатого столетия, хотя, несомненно, именно там — ее место. Трудно, потому что ее постановки не были ограничены только лишь танцем. Спектакли? Это слово ближе, но спектаклям все же свойственна большая стройность драматургии. А Пина Бауш...Она просто рассказывала. То, что считала нужным рассказать, чем поделиться со своим зрителем. И использовала для этого те художественные средства, которые казались ей в данный момент более уместными. Она говорила так: «Для меня спектакль — это жизнь в самом простом значении слова. Она важнее всего».

Пина (тогда еще Филиппина) Бауш родилась в маленьком городке Золинген в земле Рейн-Вестфалия в 1940 году. Родители ее владели небольшим кафе, и Пина, по ее собственным словам, «выросла под столом». Чтобы девочка не скучала, ее отдали в балетную школу. Ей там сразу понравилось, тем более что единственная из всех она смогла легко выполнить вступительное задание: лежа на животе, коснуться ступнями головы. Преподава-

тельница удивилась такой гибкости и назвала ее «человеком-змеей». Сразу почувствовав вкус успеха, Пина с удовольствием ходила на занятия.

Вопрос о будущей профессии для нее уже не стоял. В пятнадцать лет она поступила в «Фолькванг-балет» — часть знаменитой «ФольквангшULE» — высшей школы, где учили музыке, живописи, сценической игре. Ее первым учителем был знаменитый Курт Йосс, известный

еще с тридцатых годов своим экспрессионистским антивоенным балетом «Зеленый стол».

По окончании «Фольквагеншуле» Бауш отправилась для завершения образования в Америку — в Джульярдскую школу. Ей прочили блестящую карьеру в американском балете, но ее позвал на родину Йосс, и

в 1962 году Пина вернулась, сразу став солисткой в «Фолькванг-балет» в городе Эссене.

Через несколько лет она почувствовала себя настолько уверенно, что решила попробовать свои силы в хореографии. Ее первый балет был поставлен в 1968 году и назывался «Фрагмент».

Уже через год она получила первую премию на международном конкурсе хореографов в Кельне. Однако зрители не принимали ее работы очень долго — ей часто приходилось видеть, как они покидают зал, хлопая при этом дверьми. Однако она не была бы Пиной Бауш, если бы ее останавливали такие вещи. Пина

упорно продолжала идти своей дорогой.

И были те, кто готов был ей в этом помочь. В 1973 году ей предложили возглавить балетный театр в небольшом городке Вуппертале, неподалеку от ее родного Золингена. И она стала ставить свои спектакли, не боясь таких, например, рецензий:

«Пина Бауш и ее театр танца показывают самое разрушительное зрелище, какое когда-либо можно было увидеть на немецкой сцене», — писала «DieWelt» о ее постановке «Семь смертных грехов». С ее «Весны священной» зрители просто убегали, не в силах вынести напора и страсти.

Но Пина продолжала ставить так, как считала нужным. Не давала интервью. Не старалась казаться лучше, чем есть, не желала что-то кому-то объяснять.

О ней говорили: «Эта высокая и худая женщина всегда ходит в темном, волосы затягивает в узел, лицо ее выглядит резковатым и значительным, а взгляд — самоуглубленным, как у пифии, знающей много больше других».

Любопытно, что ее работы — если просматривать их последовательно — стремятся от отчаяния к пьянящему чувству полноты жизни. Чаще художники двигаются в обратном направлении, но у Пины Ба-

уш и тут был свой путь. Она словно все больше понимала о том, что хотела рассказать, и это понимание наполняло ее уверенностью.

В своем театре она создавала новый сценический язык, не похожий на то, что существовало до нее. По сути, Бауш строила свою жизнь, свою биографию — своими спектаклями. О частной ее жизни известно так мало, что, кажется, будто саму Пину она совсем не интересовала. Но это не так.

На одном из семинаров она познакомилась с Рольфом Берцигом, сценографом, который стал ее мужем, сопостановщиком и соратником. Он умер рано, в 1980 году, а через год она родила сына от Роланда Кея и назвала в честь умершего мужа — Рольфом Саломоном. Какая

драма скрывается за этим простым перечислением событий? Любила мужа, но не успела родить ребенка от него? Влюбилась в другого? Кто знает, что там было. Но ясно одно — сценическая жизнь была важнее частной.

Кто-то сказал, что фраза «Еще немного вина, сигаретку, но только не домой» из спектакля «Вальсы» и есть кредо Пины Бауш. Она дома только на сцене своего театра, контракт на руководство которым она аккуратно, по-немецки, продлевала каждый год. И так тридцать шесть лет подряд. Словно жила на чемоданах, словно не хотела привязываться надолго к одному месту. Ее спрашивали: «Почему вы все еще в Вуппертале? Давно уже могли бы ставить в Париже, в Нью-Йорке».

Она отвечала, что да, это обычный, серый заводской городок. Что единственная достопримечательность в нем — подвесная монорельсовая дорога, с которой когда-то в реку свалился слон и тем слегка прославил город. Но Вупперталь живет обыкновенной жизнью, которая ей очень нужна. Она идет в театр и видит обычных людей. И понимает, что нужно войти в зал и создать что-то волшебное — именно для них.

Вупперталь Пина знала с детства — здесь жила ее тетка, к которой девочку отправляли, если возникала опасность, что Золинген будут бомбить. В коридоре всегда стоял упакованный рюкзачок с вещами и любимой куклой. Город действи-

тельно бомбили в 1944-м, и рюкзачок пригодился. Не с того ли времени Пина Бауш привыкла всегда быть немного наготове и продлевать контракт только на один год?

Все ее постановки затрагивают основные вопросы человеческого существования: любовь, тоска, страх, одиночество, детство, смерть... И ее балеты — это истории о живых людях, которым не обязательно надевать пачку и пуанты, чтобы рассказать о своей жизни. Она сама говорила: «Меньше всего я интересуюсь тем, как люди двигаются, меня интересует, что ими движет». Чтобы эмоции и движения были естественными, они не должны быть вторичными. Артист должен каждый раз про-

живать их — только так можно добиться правдивого исполнения.

Несмотря на многочасовые репетиции, в ее труппе не было жесткого балетного правила о том, что техника превыше всего. Важнее было другое — сумел артист донести эмоцию до зрителя или не сумел. И не так уж важно, надела ли балерина каблуки, курил ли артист на сцене или выгуливал собаку. Пина Бауш строила на подмостках корабля, вываливала артистов в грязь, наряжала мужчин в женские одежды и вообще — хулиганила на сцене как могла. Но это не было эпатажем ради эпатажа. Во всем в постановках вуппертальского театра был смысл. «Мои спектакли не растут от начала и до конца. Они растут изнутри — наружу», — и это самое точное определение того, как работала Пина Бауш.

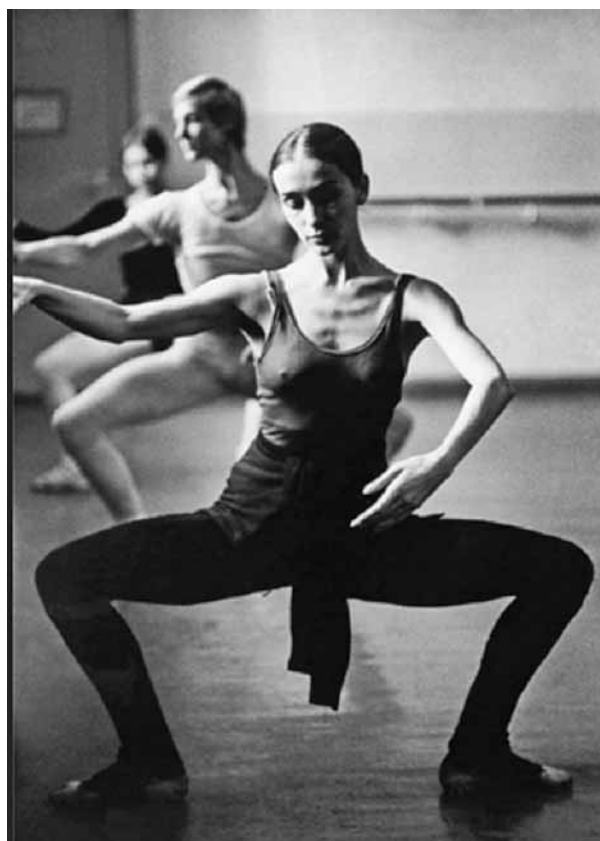
Многим это казалось абсурдным, но рано или поздно каждый спектакль собирался в единое целое, и становилось понятно, ради чего Пина делала его именно таким.

Необязательность демонстрации строгой балетной техники вовсе не означала, что артисты Пины ею не владеют. Когда уже в восьмидесятых Бауш перестали ругать за то, что она вольно обращается с классическими представлениями о балете, она оставила на память об этих временах сцену в спектакле «Гвоздики», где великий танцор Доминик Мерси стоял, потный, взъерошенный, в женском платье, расстегнутом на спине, и кричал в зал: «Ну, чего хотите? Пируэт? Гран жете? Да, пожалуйста! Еще чего? Антраша

сис? Да легко!» Они умели все. Но делали так, как говорила Пина.

А она позволяла себе в театре многое: то засыпала сцену глиной в «Весне священной», то сухими листьями — в «Синей бороде», то заполняла ее крокодилами в «Легенде целомудрия», то заставляла стульями в «Кафе Мюллер». Водопады, цветы, песок — все это и многое другое было на сцене в постановках Пины Бауш.

И ее танцовщики говорили. Вот только можно ли их все еще называть просто танцовщиками? Сама Пина не старалась дать всему определение. В какой-то момент она даже перестала использовать музыкальные и литературные произведения в качестве основы для своих постановок. Основой спектакля стал человек, артист, которому она на репетициях зада-

вала бесконечные вопросы. Ответом на ее вопросы становились актерские импровизации. Одна из танцовщиц, Жозефин Анн Эндикотт написала впоследствии в своей книге: «Вечные Пинины вопросы! Я не могу их больше слышать. Играть с чувствами — все равно, что играть с огнем». Пина же парировала: «Я никогда не спрашиваю о приватном. Ничего личного. Я спрашиваю об очевидном. Если танцовщик отвечает — это то, что имеем мы все. Просто не осознаем».

Она стала явлением своего времени. В фильме «Поговори с ней» ее цитировал сам Педро Альмодовар. Его герои смотрят спектакль Бауш «Кафе Мюллер» и рыдают на нем. И,

словно этого мало, он вставляет отрывки из «Мазурки Фого». Цитирует он Пину всего лишь с целью отобразить простую мысль: нет большего счастья, чем держаться друг за друга. И цитированием расписывается в том, что точнее Бауш об этом никто не сказал.

Много курила, пила слабый, разбавленный водой кофе, боялась летать. Что еще знали об этой женщине ее современники? Что у нее железное здоровье, она не ходила по врачам. Не желала тратить на них время. Чрезвычайно организованна. Говорили: что не в бюро Пины, то в ее голове.

Старела спокойно, красиво, позволяя природе забрать свое. Феллини, вдохновившись, снял ее в роли Слепой принцессы на обреченном корабле.

Никогда ничего не утверждала. Говорила «Может быть...» И далее следовало абсолютно очевидное, с чем не поспоришь.

Была аскетична. Зарабатывала много, жила бедно. Сама говорила: «Ну да, наверное, я хотела бы иметь квартиру побольше, что-то более милое. Но ни на что, что не касается работы, у меня нет сил».

В сентябре 2009 режиссер Вендерс собирался запустить в производство фильм о Пине Бауш. В июне ее не стало. Она узнала о диагнозе — рак — за две недели до смерти. Хотя некоторые говорят, что знала о нем с января, но молчала.

Ее труппа была на гастролях в Польше. И вышла на сцену. Ради нее. □

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

(продолжение)

22

Ленская земля встретила пассажиров, прилетевших из Якутска, полуденным, ярко горящим в высоком светло-синем небе золотисто-оранжевым солнцем и, как бы в противоположность ему, — порывистым, сильно дующим с севера, ветром. Он поднимал на свои невидимые, но сильные, упругие крылья сухой песок взлетно-посадочной полосы и, словно штопор, вкручивал его в солнечную высь, а на открытых головах пассажиров, как огромной пятерней, ерошил волосы, трепал и путал их. У женщин — вот проказник! — так высоко задирает платье, что оголялись ноги — и они, согнувшись, стыдливо поглядывая на мужчин, прижимали к коленкам вырвавшиеся из рук непослушные подолы.

Едва замолкли авиационные турбины, как в установившейся тишине стал явственно слышен шелест густой листвы, раскидистых, молодых берез, тополей и лип в палисаднике здания аэровокзала, за штакетным синим забором. В беспокойном воздухе, насквозь пропахшем керосином и выхлопными газами, кружились редкие, до срока пожелтевшие листья деревьев, слегка напоминающие бабочек, летающих на яркий свет таежного костра. У выхода на привокзальную площадь сгрудилась

разношерстная толпа встречающих, причем, последние — бесцеремонно подпирали первых, нетерпеливо и бесцеремонно толкая их локтями, но те были так охвачены радостью встречи с родными или знакомыми, что не обращали на это никакого внимания.

Анатолий Петрович с Марией, не без труда протиснувшись через многолюдье, увидели на автомобильной стоянке совхозный «уазик» и стоящего рядом с ним водителя Петра с поднятой вверх рукой, которой он словно бы говорил: «Я — здесь!» Подойдя к машине, Анатолий Петрович крепко пожал ему руку, а Мария — приветливо кивнула головой. Без суеты, но быстро заняли в салоне свои места.

— Ну что — домой? Или будем заезжать в сельскохозяйственное управление? — спросил директора Петр.

— Домой! — услышал в ответ.

Заведя двигатель и включив первую скорость, водитель вырулил на трассу. Тотчас яркий, солнечный свет ослепительно ударил в глаза Анатолию Петровичу — и он, недовольно поморщившись, отпустил до конца защитный козырек. Город проехали по объездной дороге, проходившей по водозащитной от весеннего паводка дамбе и, миновав пункт ГАИ, стали преодолевать крутой, не зря носивший якутское название «Шаман», километровый подъем. Двигатель натужно, монотонно, словно жалуясь, загудел, скорость упала. Однако, едва въехали на вершину, как дорога пошла ровно — и за стеклами снова замелькали, словно кадры длинной киноленты, могучие, ветвистые сосны с медными, золотящимися в солнечных лучах, стволами, от которых на дорожное полотно поперек ложились длинные, языкастые фиолетовые тени.

— Петр, теперь, когда встречных машин почти не попадается, можно и поговорить! — наконец нарушил молчание Анатолий Петрович.

— Вот и хорошо! А то я было уже начал подумывать, что у вас в Якутске что-то недоброе случилось — все молчите да молчите...

— Специально это делал, чтобы не отвлекать тебя на участке интенсивного движения. Или всего за три дня умудрился забыть о настоящей просьбе Марии — вести машину как можно осторожней?

— Как же забыл? Помню!

— Молодец! И можешь меня поздравить с назначением по всем статьям и с соблюдением всех формальностей директором!

— Поздравляю! А в районном управлении, да и в нашей совхозной конторе тоже, никто и не сомневался в этом! Поэтому кое-кому из главных специалистов сейчас ох как нехорошо!

— Ты мне об одном расскажи — новом главном агрономе.

— Кокорышкиной, что ли?

— О ней самой!

— Думаю, вы будете ею довольны! Старается! На главного инженера, можно сказать, как хорошая наездница, верхом села — и погоняет, и погоняет!.. Все ей кажется, что ремонтные работы по подготовке техники к уборочной идут слишком уж медленно! А вообще-то, что ваш выбор пал на нее, вызвало у старожилов недоумение!

— Это почему же?

— Так ведь еще до образования совхоза, когда ваш отец работал управляющим, она считалась одним из самых активных его противников, если не сказать жестче — врагов! Да вы и сами об этом должны знать!

— Знаю только по слухам! Значит — не имею никакого морального права мстить, хотя бы потому, что, во-первых, верно не ведаю о причине их серьезных разногласий, во-вторых, не зря же в народе говорят: «Кто старое помянет, тому глаз вон!..»

— Но, Анатолий Петрович, у этой известной поговорки есть и продолжение: «...А тому, кто забудет, — два!»

— Да я помню, помню и о ней! Но не буду придавать этому никакого значения до тех пор, пока на ее отношении к порученному делу сам лично не смогу убедиться в халатности или даже в подлости! Руководить, Петр, это тебе не дрова рубить!.. В таком архисложном деле для успеха нужна не физическая сила, а, прежде всего, умственная, да еще и нравственная! Объявить выговор или даже уволить работника — много ума не надо, а вот заечь в первую очередь сердца своих ближайших помощников необходимостью решения общего дела — даже и не знаю, сколько! Но, уверен, много, очень много!

Так за неспешным разговором и одолели за два часа с небольшим весь таежный, проложенный по лесистым сопкам да мшистым марям и через сбегаящие с верховий речки нелегкий путь. В поселок въехали в постепенно сгущающихся, все еще светло-синих сумерках, но вполне достаточных, чтобы рано включенный свет в окна домов был отчетливо виден. Всю дорогу Анатолий Петрович поглядывал на Марию, которая, утомленная перелетом, даже от сравнительно ровной езды быстро укачалась — и, положив голову на сумку, сладко то ли дремала, то ли в полной мере спала, но ее красивое лицо было расслаблено, губы слегка приоткрыты, длинные ресницы черной тенью лежали на бархатной коже гладких, лишь слегка тронутых румянцем, щек. От неожиданно раздавшегося свистящего скрипа тормозных колодок она открыла глаза, протерла их и слегка заторможено спросила:

— Уже приехали?

— Приехали, дорогая, приехали! — ответил Анатолий Петрович и вежливо продолжил: — Мария, ты пока одна заходи в дом, а я приду через

минуту-другую, нам с Петром еще немного наедине поговорить, поверь, об очень важном надо! Хорошо?

— Ну конечно! Только сумку не забудь!.. — И, пожелав водителю всего хорошего, она вышла из салона.

— Так что ты хотел мне сказать, когда вез в аэропорт? — тотчас спросил водителя Анатолий Петрович.

— А то самое, — словно ожидая этого вопроса, быстро заговорил водитель, — что, как шила в мешке не утаишь, так и в нашем небольшом водительском коллективе рано или поздно, но любая тайна вскрывается! Ваш давнишний недоброжелатель Сергей Мордосов совсем недавно по пьянке проболтался, что это он по просьбе бывшего главного агронома совхоза Хохлова гайки на переднем колесе ослабил! Представляете, какой конченный мерзавец! Я, как узнал о его преступном поступке, так сразу же и хотел ему по морде хорошенько съездить, да ведь слово вам дал — никаких действий самостоятельно не предпринимать!

— И совершенно верно поступил! Молодец! И впредь продолжай делать вид, что тебе ничего не известно!.. Знаешь, как говорится: сколько веревочке ни виться, а конец ей непременно будет!

— Слово даете?!

— Даю! Даже два!

Несмотря на то, что Анатолий Петрович, как обычно, лег в постель поздно, долго не мог заснуть... Сообщение водителя не застало его врасплох, но он скорее был склонен грешить на Бахтина, ведь пойти на крайние меры мог только человек, вконец отчаявшийся в достижении очень важной жизненной цели. Этим для главного зоотехника могло стать назначение директором — уже в который раз — не его, а другого, тем более что он первыми шагами в своей деятельности заявил о своем желании работать в совхозе долго. Но, надо же! — на проверку оказалось, что именно Хохлов решился встать на очень скользкий и опасный путь. Оправдать это тем, что он, семьянин, отец пятилетней дочери, получив по морде, затаил в душе страшную злобу, было бы делом неверным. Тем не менее он, а никто другой из директорских завистников, переступил разумную, по крайней мере, поддающуюся объяснению, черту... Значит, у него появилось какое-то более серьезное основание, возникла более важная причина... А вот какая именно? На этот вопрос Анатолий Петрович, сколько ни думал, ни гадал, ответа не находил... И чтобы, наконец, уснуть, прибегнул к испытанному средству — в душе усилием воли положился на время, которое, как известно, все расставляет по местам, всему дает и верный ответ, и верное обоснование к нему.

Утром, встав с первыми лучами рассвета, Анатолий Петрович отправился на работу с таким расчетом, чтобы до планерки проведать капуст-

ное поле — уж очень ему хотелось собственными глазами поскорей убедиться — насколько продвинулась в своем росте капуста. За ночь небо затянули волглые, темные тучи, подсвеченные снизу красно-золотистыми лучами. Едва ступил на тропинку, ведущую через лес к полю, как тотчас вокруг него залетали, занудили комары, так и норовя впиться в открытые участки тела. Отломив от куста можжевельника ветку, Анатолий Петрович стал ею отбиваться от гнуса, все ускоряя и ускоряя шаг.

Капустное поле открылось его взгляду враз и полностью. Несколько гусеничных тракторов с дождевальными установками, только что закончив ночной полив, мирно, как сонные коты, урча, выезжали с него в сторону гаража. В воздухе, не успев осесть, висела влажная взвесь. Проходя через нее, солнечные лучи переламывались — и от одного края до другого над полем перекинулась яркая радуга, восхищая своей красотой взгляд, радуя душу. Но сполна счастливым человеком Анатолий Петрович почувствовал себя, видя, что листовой аппарат капусты, разросшись, сомкнулся — и теперь поле представляло собой одно сплошное светло-зеленое море, которое от серебряного сияния капель утренней росы и ночного полива казалось жемчужным. Ну, совсем не верилось, что всего какой-то месяц назад от взгляда на напрочь заросшую сорняком капусту сердце болезненно сжималось — и, конечно же, умирала всякая надежда на щедрый урожай!

И все-таки директорскую душу тревожило опасение: хватит ли оставшегося до уборки времени, чтобы начавшиеся формироваться кочаны налились в полную силу? Что ни говори, но минимум, как на две недели рост капусты из-за сорняка был приостановлен, а время первых сильных морозов и снегопадов не отодвинуть. «Единственный выход, — думал Анатолий Петрович, — в сложившейся ситуации — это максимально сжать сроки рубки, чтобы начать уборку как можно позже, — и тем самым сполна выдержать вегетационный период созревания кочанов. В общем — снова идти, пусть на оправданный, но риск. А что — и пойду! Надо только умудриться свою первую уборочную провести на необычайно высоком организационном уровне. Но как это сделать? — вопрос, ответа на который пока нет, ведь я, образно говоря, стою перед широкой рекой, которую необходимо успешно форсировать, но мне, к великому сожалению, пока неизвестны места нахождения мостов и бродов!..»

В рабочий кабинет Анатолий Петрович вошел за целых полчаса до планерки. Этого времени ему с лихвой хватило понять по ежедневным сводкам, что заготовка грубых и сочных кормов не только вошла в плановый график, но даже перекрывала его. Как только специалисты заняли свои места, он, тепло ответив на их приветствия, поблагодарил нового главного

агронома за достойное начало деятельности, в результате которого силы и финансовые средства, затраченные на прополку капусты, не пропали даром, а сенозаготовка вошла в ту фазу, при которой возможно лишь дальнейшее увеличение темпов — и значит, в настоящее время необходимо всем специалистам, ответственным за растениеводство, сосредоточиться на подготовке к проведению уборочной кампании. После этого он, на удивление многих из присутствующих на планерке своих заместителей, сделал откровенное заявление:

— Уважаемые коллеги! Я, понимая всю сложность столь важного производственного мероприятия, должен сказать, что предстоящая уборочная для меня является первой, — значит, в отличие от вас я, честно говоря, необходимого опыта организации и проведения ее не имею! Поэтому прошу всех, в чьи обязанности входит определенная мера ответственности решения уборочных вопросов, в течение двух дней подготовить подробный — вплоть до почасовой деятельности! — письменный план их решения! На следующей планерке-совещании мы, основываясь на них, составим один — общесовхозный, с таким расчетом, такой задачей, чтобы во время уборки никаких неожиданных срывов не допустить! Тем не менее, я осмелюсь указать на необходимость в первую очередь внимание уделить подготовке помещений к приему и размещению рабочей силы из городских организаций и учебных заведений, а также ремонту всей уборочной техники — от копалок до сортировочных пунктов! Какие-нибудь вопросы, предложения в связи со сказанным мной у присутствующих товарищей есть?

— А как же, Анатолий Петрович! — тотчас негромко, но весьма уверенно отозвался главный инженер Слуцкий.

— Слушаю вас, Валерий Николаевич!

— Поскольку мое предложение займет немало времени и требует только вашего решения, то, чтобы не задерживать всех специалистов, я бы хотел высказать его вам в рабочем режиме!

— Хорошо! На этом совещание объявляю законченным! Желаю всем успешной работы над уборочными планами!

Главный инженер Слуцкий был родом из степного города Сальска. В нем и высшее техническое образование получил, и семьей обзавелся. И может быть, до сих пор, как говорится, жил-поживал бы да добра наживал, но когда единственная дочь Вера пошла в пятый класс, завязался у него служебный роман с одной молодой особой. Вскоре жена прознала об этом — и поставила вопрос ребром: или развод, или переезд подальше от ненавистой искусительницы. Поскольку Валерий Николаевич очень любил дочку, то ради сохранения семьи согласился на второе. Сначала

они обосновались в одном подсобном сельском хозяйстве где-то под Иркутском, но то ли у него, то ли у жены, имевшей экономическое образование, на новом месте с работой не заладилось — и Слуцкие перебрались вниз по течению величественной Лены аж на целую тысячу километров на север, в недавно образованный совхоз.

Это по времени совпало с переводом Анатолия Петровича в город на должность председателя районного объединения «Сельхозхимия» — но Валерий Николаевич, мужчина сорока с небольшим лет, ниже среднего роста, сухощавый, с темными волосами, со спокойным, исполненным мудрости глубоким взглядом карих глаз, хорошо ему запомнился, тем более что из других главных специалистов Слуцкий с самого начала работы выделялся взвешенностью и трезвостью суждений, самостоятельностью решений, готовностью отвечать за неудачи, в общем и в частности — вполне обоснованно знал себе цену.

Когда Анатолий Петрович остался с ним в кабинете один, то более изучающе, чем прежде, посмотрел в его умные глаза:

— Я слушаю вас, Валерий Николаевич!

— Спасибо! Предложение мое заключается в создании на постоянной основе механизированной бригады, состоящей из токаря, сварщика и слесаря высокого разряда, с целью механизации целого ряда трудоемких процессов, к примеру, связанных с уборкой капусты!

— Интересно! А за счет чего?

— Того же изготовления — сконструированных лично мной, разнообразных машин, приспособлений, аппаратов, конвейеров!

— Даже так! Здорово! Только где же вы раньше-то были? Почему до сих пор ни в одной отрасли не внедрились свои изобретения?

— Потому что вашему предшественнику они оказались не интересны!

— Понятно! Но осуждать его не будем! А лучше вы, Валерий Николаевич, объясните-ка мне подробно суть механизации уборки капусты, поскольку должен сказать, что сегодня утром я сам задавался вопросом: каким же образом максимально ускорить рубку этой очень важной для совхоза в финансовом плане культуры? — Говоря это, Анатолий Петрович имел в виду взятый в банке кредит под будущий урожай капусты.

— Охотно! — сказал главный инженер. — Из имеющихся у нас ленточных транспортеров и приемного бункера с помощью сварки построим разделочный конвейер. Посадим по обе его стороны два десятка женщин с топориками, чтобы они двигающиеся по ленте кочаны капусты, очистив от листового аппарата, перекладывали на параллельную, с которой они и будут сыпаться в подвешенные на кронштейны мешки, в свою очередь

по мере наполнения мужчинами заменяемые на новые. А уже затаренные при помощи железной иглы и зашитые шпагатом — складировать под навесом. А капустный лист можно, опять же при помощи транспортера, загружать на телегу, а лучше установить конвейер напротив силосной траншеи — и пусть он сразу закладывается на зиму в качестве высококаратинного корма для коров.

Непосредственно в поле капусту надо будет только срубить и загружать на самосвальный транспорт. А для того, чтобы уборку можно было продолжать и в дождевую погоду, необходимо построить из обыкновенного не обрезного теса еще один навес непосредственно над нашим рукотворным конвейером! Это, конечно, тоже финансовые затраты, но такие небольшие, что вряд ли скажутся на повышении себестоимости выращивания капусты. По скромным подсчетам, с внедрением моего изобретения производительность уборки капусты увеличится минимум в три раза! Но это только первый, так сказать, на скорую руку, шаг. На следующий год, если получится произвести планировку всех, занятой под капустой, пашен, то можно будет совершить и второй — запустить, вот уже несколько лет подряд стоящие без дела, такие дорогостоящие уборочные комбайны!

— Ладно, мечтать не вредно! Но слово даю, что в случае успеха первого шага второй обязательно сделаем! Только честно ответь: до уборочной успеешь претворить в жизнь свое изобретение?

— При условии срочного создания бригады и гарантированного финансирования всего объема технических работ — успеем!

— Тогда готовь соответствующий приказ, но прежде чем принесешь мне на подпись, согласуй его с главным экономистом!

— Спасибо за понимание, Анатолий Петрович! Можно идти?

— Подожди! Я хочу с тобой обсудить еще один вопрос! И возможно, тут же принять по нему решение!

— Слушаю вас! — сказал Слуцкий и устремил на директора пытливый взгляд.

— Успех уборки до заморозков картофеля на девяносто процентов зависит от ритмичной работы комбайнов. На этой неделе мы должны в «Сельхозтехнике» получить по министерской разнарядке несколько новых. Я недавно их смотрел — и убедился, что за последние десять с лишним лет они не претерпели хоть какого-нибудь усовершенствования, между тем некоторые агрегаты и узлы требуют усиления, которое, к счастью, возможно произвести даже в наших, не бог весть каких, мастерских.

— Анатолий Петрович! — вежливо, с живым интересом перебил директора главный инженер. — А спросить вас можно?

— Можно! Но в следующий раз прошу тебя набраться необходимого терпения, — прежде чем говорить самому, сначала выслушать своего начальника до конца! Договорились?

— Конечно! И, — пожалуйста, извините! Я поторопил события от искреннего удивления, что вы, — по образованию строитель, а в сельскохозяйственной технике разбираетесь детально! Откуда это у вас?

— Вы что, с управляющим Беченчинского отделения сговорились? Сначала он был немало удивлен моими агрохимическими знаниями, теперь вот ты — техническими! Но можешь не отвечать! Дело в том, что я свою трудовую деятельность на постоянной основе начал сразу после окончания школы-десятилетки. В тот же год осенью семнадцатилетним пареньком на период уборки картофеля был назначен машинистом комбайна, понятно — устаревшей модели, довольно изношенного. Опыта работы на нем я совершенно не имел! Набираться его пришлось через ремонт агрегатов, который на наших полях, отвоеванных у вековой тайги, и значит, изобиловавших палками, сучьями и корягами, случался каждый день да через день! Но поскольку я по характеру — максималист, то мне страшно хотелось за каждую смену не только выполнить установленную плановым отделом норму копки, но и значительно перевыполнить ее! Скажем, убрать картофеля с площади не полутора гектаров, а хотя бы с двух!

Если поломка комбайна происходила в конце рабочего дня и была мне под силу, то я просил тракториста оставить его на ночь у моего дома. Не переодевшись, на скорую руку ужинал и в уже сгустившихся до непроглядности густых вечерних сумерках приступал к ремонту того или другого вышедшего из строя агрегата. За неимением электрической переноски для освещения использовал обыкновенную восковую свечку, вялое пламя которой от моего неосторожного движения или порыва ветра часто гасло, но я упрямо вновь и вновь чиркал спичками — зажигал ее. Исправив поломку, я, с целью предотвращения выхода из строя другой детали, производил перетяжку всех гаек и болтов, при помощи которых к основной раме крепились механизмы, приводящие в движение агрегаты комбайна, смазывал солидолом цепи, в общем, работал, не считаясь со временем, до осознания, что по максимуму сделал все, что знал, до чего смог дойти своими мозгами. Да я сильно уставал, часто недосыпал, зато к концу уборочной досконально изучил комбайн, знал, как свои пять пальцев, все его слабые и сильные стороны! Это позволило на следующий год, проведя заранее в мастерских весь комплекс работ по усилению, регулировке, наиболее часто выходявших из строя агрегатов, убирать в смену по три и даже четыре нормы! Короче, стал ходить в передовиках!..

На пороге уборочной этого года я и подумал, что было бы неплохо на базе наших мастерских организовать и провести недельные курсы по изучению эксплуатации и ремонту комбайнов не только для механиков отделений, но и для машинистов. Это настолько важно, что я готов сам почитать несколько лекций и даже провести два-три практических занятия. Что вы так снова удивленно посмотрели на меня? Думаете, где я возьму время или будет ли мне, директору, удобно на время принять на себя функции обыкновенного преподавателя? Пусть это вас не волнует, ибо авторитет руководителя как раз формируется большей частью личным доверительным общением с рабочим людом!

— Коли так считаете, то я сегодня же подготовлю еще приказ и о создании ускоренных курсов механизации!

— Вот и добро!

...Вечером, за ужином, Анатолий Петрович спросил Марию:

— Ну, как тебе новый главный агроном?

— Это Виктория Николаевна?

— Ага!

— Да она с самого начала, как я только приступила в отделе к исполнению своих обязанностей, ко мне отнеслась доброжелательно! Очень хорошо отзывалась о твоём отце, мол, он пользовался большим уважением у рабочих — можно сказать, они за него всегда стояли горой!

— Интересно! Интересно! Ну а что же она говорит обо мне?

— Сегодня, когда вернулась с планерки, сказала, что ты представляешь собой спрессованный сгусток огромной волевой энергии, которая буквально волнами исходит от твоей быстрой речи, твоих резких движений рук с такой силой, что невольно душой заражаешься действием на выполнение поставленных тобой производственных задач...

— И ты с ней согласна?

— Более чем!.. И горжусь тобой! Мне прежде казалось, что я от природы очень энергичная, в состоянии увлекать за собой других, не зря же в институте была комсоргом. Но, встретившись с тобой, была словно накрыта с головой огромными волнами целеустремленности в достижении своей мечты, жадной братья за порученное дело со всей душой с обязательным доведением его до полного конца — и не то чтобы была смята, но точно восхищена тобой!

— Спасибо, дорогая, за теплые слова! И за ужин — спасибо, я очень вкусно поел! Перед сном немного погуляю по улице — хочу в глубоком одиночестве, как не раз бывало, попытаться найти ответы на все вопросы, что поставила передо мной уборочная кампания!

Но, с жадностью вдохнув свежего, прохладного, немного влажного воздуха, Анатолий Петрович в первую очередь не без грусти подумал:

«Интересно, сколько же пройдет времени от гордости жены до самой настоящей, жертвенной любви ко мне — месяц, полгода, год? А может быть, она никогда не полюбит меня по-настоящему, хотя бы уже потому, что слишком любит себя? Впрочем, разве это так важно мне, считающему, что главное — любить самому, чем быть любимым!.. Скорей бы родила мне ребенка, ведь без него семья — как не до конца убранное урожайное поле, уже почти без прошлого, но еще, как ни смотри, и без будущего, в любом случае — не полная...»

А на темно-синем августовском небосводе бесчисленные, ярко горевшие звезды, словно яблоки в саду, за лето созрели настолько, что казались прозрачно золотыми. Но от этого они не стали менее загадочными! Как прежде, словно магнит огромной силы, они манили и манили к себе взгляд и душу, как будто в самом деле могли каким-то чудесным образом в полном объеме предсказать не только завтрашний день, но и всю жизнь наперед — до конца! А надо ли? Скорей всего, нет! Ведь заранее зная о себе и людях, окружающих тебя, все, жизнь потеряла бы тот любознательный интерес, который и заставляет людей, надеясь на лучшее, жить каждый день если не как последний, то на полном пределе своих физических и духовных сил!

23

Райкомом партии было принято решение о начале уборки картофеля в совхозах с первого сентября. Однако пробная копка показала, что клубни в полной мере нальются на неделю раньше. Анатолий Петрович, понимая, что поскольку кредит взят под капусту, то необходимо как можно дольше тянуть с рубкой этой культуры. А чтобы она все же не ушла под снег, хорошо бы иметь возможность всеми силами совхоза враз навалиться на ее трудоемкую уборку. Это значило, что прежде необходимо во что бы то ни стало выкопать картофель на всей площади... Поэтому на расширенной планерке-совещании, с приглашением не только управляющих отделений, но и руководителей всех полеводческих бригад, по директорскому указанию план уборочной кампании был увязан с таким расчетом, чтобы уже к двадцать пятому августа все подразделения совхоза были готовы приступить к копке картофеля.

Когда Анатолий Петрович завершил свое выступление, в котором призывал руководителей подразделений отнестись в высшей мере ответственно к подготовке уборочной: не упустить ни одной мелочи, ибо она в условиях Крайнего Севера, способного преподнести печальные сюрпризы

в виде затяжных, обложных дождей или того хуже — неожиданных заморозков, может вырасти в неразрешимую проблему, — вдруг прорезался нагловатый голос хитрого, проницательного Бахтина:

— Я спросить хочу! Можно?

Анатолий Петрович, заранее зная, что ничего доброго главный зоотехник специально не скажет, тем не менее, даже не взглянув в его сторону, спокойно, даже буднично произнес:

— Конечно! Только по существу рассматриваемого вопроса!

— Спасибо! Будьте добры, ответьте прямо, уж не собираетесь ли вы в нарушение распоряжения райкома и в самом деле начать копку картофеля раньше строго установленного срока? И если это так, то не скажете, какими рабочими силами думаете начать уборочную кампанию? Ведь постановление райисполкома выделить в помощь совхозным рабочим учащимся городских профессиональных технических училищ вступит в силу не раньше первого сентября!

— Хотя к рассматриваемым сегодня вопросам, — ответил Анатолий Петрович, — ни вы лично, ни возглавляемая вами служба никакого отношения не имеет, я все-таки отвечу на них так, как считаю необходимым. Во-первых, хороший руководитель — не тот, кто сломя голову бросается выполнять спущенное сверху распоряжение, а тот, кто исключительно в интересах дела не боится брать на себя ответственность! Да и, в конце концов, победителей не судят! Во-вторых, не потребовались бы никакие учащиеся со стороны, если своевременно были бы пущены в работу, а не стояли под открытым небом, ржавея и разворовываясь по частям, дорогостоящие капустные комбайны!

— И все-таки! — никак не унимался Бахтин. — Я понял, что уборку картофеля придется начать своими силами! Так?

— На ваш вопрос отвечу вопросом: а что в этом плохого?

— Ну, понимаете, каждый работник совхоза должен делать свое дело! К примеру, слесарь — ремонтировать технику, а таскать мешки...

— В таком случае потрудитесь объяснить: почему учащиеся из города должны не постигать азы любимившейся им профессии, а работать на уборке картофеля или рубке капусты?

— На свой вопрос вам, Анатолий Петрович, лучше попытаться получить ответ у первого секретаря райкома партии!

— Ошибаетесь! Ох, как вы ошибаетесь! Поскольку заработную плату за производство сельскохозяйственной продукции исправно получаем мы все, здесь сидящие, — и только! Послушал я вас — и тотчас вспомнил так называемых руководителей, которые дешевым разглагольствованием пытаются заработать хоть какой-нибудь авторитет среди своих коллег. Недавно

о таких товарищах, извините, которые мне совсем не товарищи, я, вспомнив юность, написал стихотворение «Болтуны». Думаю, для всех присутствующих будет весьма полезно его внимательно послушать.

И Анатолий Петрович, повернувшись к окну, за которым виднелся частный огород с разросшейся буйно картофельной ботвой, правда, уже темно-зеленой, даже начавшей желтеть, что свидетельствовало о начале увядания, и чеканя каждое слово, словно с клубной сцены, начал повышенным голосом читать: «Вновь правду о дельцах не скрою.../ Приняв сегодня на словах,/ на самом деле меж собою/ они его разносят в прах./ И, видимо, понять не в силах:/ как это можно позволять/ судьбу их прямо в коллективах,/ открыто, миром всем решать./ Но мы-то знаем: все им ясно,/ и даже больше, чем другим,/ но эта гласность, эта гласность — / она как суд извечный им!/ Они не сеют и не пашут,/ дома не строят, хлеб не жнут,/ они с трибун руками машут/ да речи-лозунги плетут./ Одно и скажешь: прохиндеи,/ а если проще — болтуны,/ взобравшиеся к нам на шею,/ увы, без пользы для страны!»

Едва закончил читать стихи, как Бахтин тотчас обиженно, в суматошном крике чуть ли до небес вихрем не взвился:

— Вы сейчас нанесли мне жестокое оскорбление! Я буду жаловаться!

— Сколько угодно — это ваше право! Тем более — надо еще разобраться, на что у главного зоотехника уходит больше рабочего времени, а именно — на работу или на писание всяких доносов! И не смотрите на меня так удивленно! Повторяю: доносов, о которых мне прекрасно известно! И я обязательно разберусь! Ну а пока — не забудьте с завтрашнего дня немедленно приступить к выполнению приказа о комиссионной приемке во всех отделениях заскирдованного сена! А то заготовители кормов из-за вашей, скажу так, нерасторопности, не успеют вовремя прийти полеводам на помощь!..

Через два дня Анатолий Петрович, верный известной народной поговорке: «Доверяй, но проверяй!», с целью ознакомления, как идет на местах подготовка к уборочной, начал, где на моторке, где на «уазике», управляемом Петром, объезжать все отделения — от самого ближнего Наторского до самого дальнего Беченчинского. Но везде, к сожалению, должен был снова и снова убеждаться, что одно дело — принять до мелочей рассмотренный производственный план, и совсем другое — успешно претворять его в жизнь. Если в каком-то звене не хватало денег, то в другом — запасных частей, а где-то просто механикам и бригадирам не хватало глубокого знания дела. Одни проблемы Анатолию Петровичу удавалось успешно решить на месте, в отделении, другие — строгим озадачиванием по телефону главных специалистов управления срочными

решениями неожиданно возникших вопросов, а вот для полного снятия третьих, порой самых сложных, требовалось мчаться по тряскому, пыльному, гравийному шоссе в районный центр, где чаще всего приходилось заезжать в «Сельхозтехнику».

Она находилась сразу за каменным, высоким забором, разделяющим и «Сельхозхимию», не в специально построенных, а приспособленных под ремонтные мастерские, гаражи и склады старых, огромных и теплых помещениях, в которых во времена строительства производственных мощностей алмазной промышленности в городе Мирном хранились завезенные в летнюю навигацию по Лене все необходимые строительные материалы и механизмы. Пристроили только из щелевых бетонных блоков к торцу одного новоявленного гаража двухэтажную контору управления с окнами, выходящими на улицу Транспортную, за которой текла красавица Лена. Директором с самого создания организации вот уже на протяжении десяти лет бессменно работал Наумов Петр Иванович, мужчина сорока лет, среднего роста, с начальственным животиком, при этом с сухощавым славянским лицом, на котором выделялись своей природной мудростью вдумчивые сине-голубые глаза, а тонкие губы говорили о сильном, волевом характере. Петр Иванович заслуженно пользовался авторитетом как у совхозного директорского корпуса, так и у районного партийного начальства, ибо к порученному делу, к нуждам хозяйств и обслуживающих предприятий относился с пониманием и душой. Именно поэтому неоднократно выдвигался на должность заместителя начальника управления сельского хозяйства по механизации, но каждый раз вежливо отказывался, аргументируя свое решение тем, что он до мозга костей практикующий инженер. И действительно, мог, образно говоря, с закрытыми глазами не только умело и быстро собрать двигатель, но и отладить его на выдачу максимальной мощности, при этом еще и расходуя минимум горючего!

Кабинет, который он занимал, был строго прямоугольной формы, небольшой: в нем смогли разместиться лишь длинный стол совещаний да прилегающий к нему — рабочий, на котором стояло несколько телефонов и аппарат внутренней громкой связи. Стены были аккуратно обшиты древесно-стружечными плитами, замешанными на смоле и покрытыми в несколько слоев переливающейся в свете олифой. С невысокого беленого потолка свисала обычная трехрожковая люстра с закрытыми, матовыми плафонами. Вдоль правой и левой стен стояли в длинный ряд стулья с обтянутыми дерматином сиденьями.

Можно было сказать, что с первого дня знакомства между Анатолием Петровичем и Наумовым сложились устойчивые, не то чтобы дружеские, но вполне доверительные отношения, позволяющие многие производ-

ственные вопросы решать по-деловому — четко и быстро, а главное — грамотно! И в тот подготовительный период к уборочной, едва Анатолий Петрович зашел в кабинет к управляющему «Сельхозтехники» с целью выпросить сверх лимита, установленного министерством, дефицитных запчастей для картофелеуборочных комбайнов и электродов, между ними с первых слов завязался обстоятельный, доверительный разговор, в ходе которого Наумов произнес:

— Слышал, что ты решил механизировать обработку капустных кочанов, смонтировав для этого из ленточных транспортеров целую конвейерную линию! Это замечательно! Как и то, что для уборки картофеля закупил у меня целых десять комбайнов. Но с этим добрым делом встает и серьезный вопрос: а как будешь управляться с сортировкой клубней, которые только в одном центральном отделении хлынут потоком сразу от пяти комбайнов и трех навесных копалок?

— Имеющимися сортировками!

— Хорошо! Только их производительных мощностей хватит на безостановочную работу всего двух, максимум, трех комбайнов!

— Если это действительно так, то что ты предлагаешь?

— Я еще три года назад завез из Якутска самый настоящий сортировочный комплекс мощностью аж в сто тонн за смену! Этого с лихвой хватит для уборки картофеля одновременно с площади двадцати гектаров! Но ни один из директоров, которым я предлагал приобрести этого гиганта, на покупку его не согласился — чудаки, да и только!

— А, может, просто твой чудо-комплекс совхозам не по карману?!

— Да, ничего не скажешь, стоит он прилично! Но ведь и отдача от него огромная! У тебя, Анатолий Петрович, в районе самые большие картофельные площади, хорошо зная твой характер, уверен, что ты его еще больше увеличишь — так покупай, слово даю, не пожалеешь! Или я хоть когда-нибудь советовал не по делу, не по совести, без перспективы?..

— Нет! Но твое предложение настолько неожиданно, что было бы хорошо экономически все плюсы и минусы просчитать!

— Считай! Только моргнуть глазам не успеешь, как уборочная кампания ко двору твоего совхоза на вороных подскочет!..

— Это точно!

— В таком случае...

— В таком случае — беру сосватанный тобой комплекс! Но на двух непременных условиях! Первое — это в рассрочку! Второе — ты к началу уборки картофеля своими силами смонтируешь комплекс непосредственно рядом с хранилищами, чтобы можно было еще и полностью механизировать засыпку всего семенного материала!

— Согласен! Да как поступить иначе, если я еще и денег на монтаже да и на перевозке деталей сортировки заработаю!

— Вот и хорошо! Вот с этим я тебя и поздравляю!

Анатолий Петрович снова на директорском «уазике», чей спидометр за последнее время намотал не одну тысячу километров, понесся в обратную сторону, но не домой. Несмотря на то, что уже вечерело, он решил заехать по дороге в Батамайское отделение, чтобы собственными глазами убедиться — оправдался ли его риск: еще в самом начале директорства он под свою ответственность, письменно закрепленную, взял из местной колонии на должность управляющего молодого уроженца заполярного морского порта «Черский», выпускника заочного зоотехнического факультета Якутского университета, осужденного на три года за участие в коллективной драке со смертельным исходом, Геннадия Семеновича Корякина, тридцатилетнего, сухощавого, ниже среднего роста, со смешанной пополам русской и якутской кровью. На совещании по подготовке к уборочной кампании — то ли потому, что от природы был немногословен, то ли от того, что продолжал слишком стесняться своей судимости, — он не проронил ни слова, но, выходя из кабинета одним из последних, уверенно посмотрел в глаза директору, как бы говоря, не переживайте, мол, я вас не подведу!

Батамайское отделение отличалось от других в первую очередь высокими надоями коровьего стада, насчитывавшего двести пятьдесят голов, и такой природной сложностью, как невозможность применять на уборке картофеля комбайны из-за сильно засоренной пашни речным галечником, приносимым в каждое весеннее наводнение вместе с огромными льдинами. Поэтому вынужденно приходилось обходиться на уборке картофеля одними прицепными копалками, что было очень экономически затратно, трудоемко, ибо требовало за каждым агрегатом закреплять до пятидесяти рабочих для собирания клубней в мешки и бригаду грузчиков в количестве десяти человек, которые в конце рабочего дня до ночи со всего убранного поля стаскивали и грузили в тракторные телеги мешки, предварительно накрепко завязав их шпагатом.

Анатолия Петровича молодой управляющий встретил, как и договаривались по телефону, у сельского клуба, еще в первые послевоенные годы рубленного в лапу из сосновых, кондовых бревен, и в этот год временно разделенного деревянной, тесовой перегородкой на две половины — женскую и мужскую, тесно заставленные железными двухъярусными кроватями. В старом помещении остро пахло древесной смолой и сухим сеном, набитым в матрасы и наволочки. Была готова к приему городской рабочей силы и столовая, представляющая собой крытый тесом и рубероидом вы-

сокий навес, под которым в два длинных ряда стояли сколоченные из стружанных досок длинные столы и лавки. Для приготовления пищи у воинской части, охраняющей заключенных колонии, были взяты в аренду походные, на резиновом ходу, вместительные котлы. Под тесовым навесом, защищенным от частых осенних дождей рубероидом, стояли ровно в ряд полностью отремонтированные копалки, очищенные от ржавчины, с приводными цепями, жирно отливающими солидолом в электрическом свете, падающем от фонарей-прожекторов, закрепленных на столбах по всему периметру технической бетонной площадки.

Работами, проведенными для успешной уборки картофеля, Анатолий Петрович остался доволен, но ему еще очень хотелось посмотреть и капусту, однако темень сгустилась настолько, что в двух шагах ничего не было видно, — и он не без тревоги спросил:

— Геннадий Семенович, а как, по-вашему, наливаются вилки?

— А куда они денутся? Полным ходом! Да и разве иначе может быть, когда сильных лесных пожаров в этом году не было — солнечного света хватало, полив производим два раза в неделю, а вчера еще раз капусту подкормили калийными удобрениями!

«А управляющий-то и в самом деле толковый! Было бы хорошо, если бы он и после окончания невольного срока остался работать в совхозе, набрался бы опыта — и, глядишь, через год-два лучшей замены, чем он, Бахтину не нашлось бы! А то ведь может запросто получиться так, что райком снова, образно говоря, шило в мешке, а не грамотного, порядочного человека на должность главного зоотехника предложит — и никуда не денешься, согласишься со спущенной сверху, как по разнарядке, аховой кандидатурой...» — подумал Анатолий Петрович, а вслух спросил Геннадия Семеновича:

— Ты просил согласия вызвать к себе семью! И что — вызвал?!

— Конечно, сразу, как вы на это дали добро! И жена с дочкой уже прилетели. Алена, так зовут супругу, ужин приготовила, ждет вас в гости!

— Подкрепить силы, да после тяжелого, затянувшегося рабочего дня было бы, и правда, совсем не лишним! Но, как сам понимаешь, время больно уж позднее! Зайду как-нибудь в другой раз. А в этот — передавай своей распрекрасной Алене от меня поздравление с прибытием на ленскую землю! — сказал на прощание, крепко пожимая руку управляющему, Анатолий Петрович.

Едва он сел в машину, как Петр спросил:

— Поедем в объезд или напрямик — в подъем?

— Ну зачем время, которого и так до ночи кот наплакал осталось, без толку терять? Конечно, — напрямик!

— Я так же подумал!

Петр, включив передний мост, уверенно вывел «уазик» на двух-километровую дорогу с глубокими песчаными колеями, ведущую по крутому, лобастому склону на самый верх сопки, где проходила соединяющая Ленск с Ньюей, за многие годы езженная-переезженная по производственной и личной надобностям, гравийная трасса. Фары, включенные на дальний свет, выхватывали из кромешной темноты лишь стоящие вдоль обочин вековые, меднокорые, с густыми кронами сосны да редкие можжевельниковые кусты. Но Анатолий Петрович знал, что вокруг на сотни километров простирается труднопроходимая тайга, со стелющимся сплошь ковром сочным оленьим мхом, из которого вот-вот должны начать выглядывать белые грибы, но с коричнево-черными шляпками. Сбирать их было одно удовольствие. Только вряд ли этой осенью из-за работы, которой невпроворот, удастся выкроить хотя бы полдня, чтобы вдоволь порадовать грибную душу.

«А все-таки, как здорово провели бы мы с Марией ближайшее воскресенье! — подумал Анатолий Петрович. — С утра пораньше, когда еще на нижних ветках деревьев белесый, густой туман, как клочья медицинской стерильной ваты, висит повсюду в лесу, а солнечный золотистый свет, радужно озаряя верхушки, пятнает хвойные тропинки, вьющиеся между могучими стволами, где-нибудь на полянке устроили бы привал, сложили бы у корневища огромной разлапистой лиственницы рюкзаки с продуктами — и с одними ведрами, налегке, лишь вооружившись острыми ножами, побрели бы по бору, вглядываясь и вглядываясь в мох, один за другим находя и срезая любимые белые грибы, от одного прикосновения к которым на душе светлеет, да настолько, что хочется негромко, пусть про себя, но всласть петь.

К обеду немного притомившись, но с верхом наполнив ведра лесным даром, вернулись бы на полянку, где я из сухого хвороста быстро развел бы языкастый костер, вспыхнувший жарким вертлявым пламенем, словно исполняющим какую-то языческую пляску древних якутов, вскипятил бы воду, а Мария на впрок взятом с собой куске материи разложила бы продукты — и мы с огромным удовольствием на чистом, пропитанном терпким запахом хвои, прохладном воздухе подкрепили бы силы бутербродами, запив их горячим чаем. Красота — да и только!

Потом дражайшая супруга, уперевшись спиной о могучий ствол, вытянула бы свои стройные, но натруженные ноги, а я, удобно, как на подушку, положив на них голову, разлегся бы и, блаженно чувствуя, как Мария то нежно гладит меня по волосам, то игриво накручивает их на палец, смотрел бы и смотрел в высокое синее небо. К этому времени солнце перевалило бы через свой экватор, прогрел воздух настолько, что его можно

было вдыхать всей грудью до легкого головокружения от чистейшего озона. Он оказывал бы на душу успокаивающее действие — и мысли, словно перистые облака в вышине, снизу позолоченные золотистыми лучами, поплыли бы ровно, как будто в жизни нет ни тревожных забот, ни горестных печалей... А где-то в глубине чащи щедрая кукушка, усевшись на самый высокий сук, наобещала бы целый короб счастливых лет жизни. И хоть я понимал бы, что она безответственно напропалую врет, все равно мне было бы ох как приятно...»

— Анатолий Петрович! — вдруг почему-то неожиданно тоскливо раздался голос Петра. — Пока вы были погружены в свои размышления, мы с вами уже почти и приехали!

— Да?! Но это же хорошо!

— Согласен! Только с такой работой жена меня скоро точно из дома выгонит или на развод подаст!

— Что так?!

— А подумайте сами: на кой ляд я ей нужен, если вот уже неделю, причем, каждый день подряд приезжаю домой за полночь, когда она уже давно спит, а уезжаю на работу, когда даже признаков ее пробуждения не видно!

— Уж не хочешь ли ты, уважаемый, признаться, что свои супружеские обязанности не выполняешь в полной мере?! — в меру шутливо спросил водителя Анатолий Петрович.

Но тот на полном серьезе воскликнул:

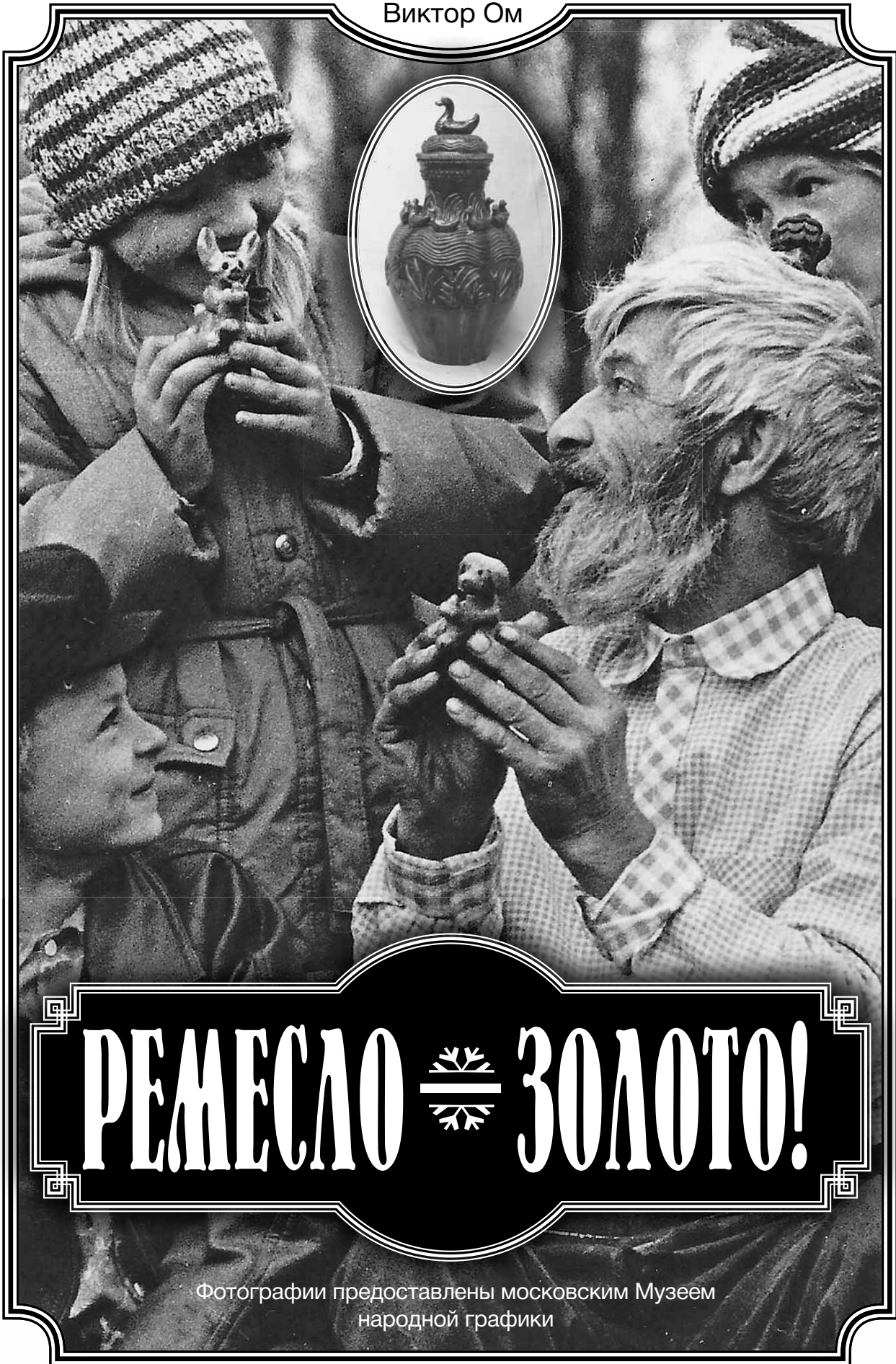
— Вот-вот! Я был бы рад, но — когда?!

— Ох, и не говори... У меня, честно говоря, такая же история — последнее время только чувствую тепло, исходящее от тела жены, да слышу ее сладкое сонное дыхание. Но ведь тот бешеный рабочий ритм, который я задал нам обоим, — временный! И продиктован он исключительно заботой о нуждах рабочих, государства, наконец! И потом, уверен, что наши дорогие женщины если даже нас не поймут, то в обязательном порядке простят, — не глупые же...

— Анатолий Петрович, как порой говорят наши поселковые старики, от времени словно обросшие, как пни густым мхом, мудростью: ваши справедливые слова — Богу аж прямо в уши!.. □

Продолжение следует.

Виктор Ом

РЕМЕСЛО ЗОЛОТО!

Фотографии предоставлены московским Музеем
народной графики

...Удивительно, но я не слышал об этом мастере до той памятной встречи... А случайной зацепкой стала небольшая черно-белая фотография, которая выпала из стопки цветных и лежала, чуть в сторонке от других, на столе директора Московского музея народной графики Виктора Петровича Пензина.

Я прямо впился в фотографию, на которой запечатлелся мужичок... заросший, какой-то игрушечно-маленький и такой светло-улыбчивый — глаз не оторвать!.. Вспомнились «мужички-лесовички», вырезанные из дерева скульптором Сергеем Коненковым, какие-то мультяшные гномики, и внутри меня разлилось неожиданное волнение, будто перед глазами ожила картинка из далекого детства.

Мужичок был в клетчатой рубашонке, в светлой кофте, а на голове его вихрилась белая копна непокорных волос. Такой же белой и чудно торчащей была и борода. Словом, весь его облик, напоминающий что-то сказочное, почему-то вызывал добрую усмешку...

И еще — вдруг показалось, что из той маленькой фотографии — 9 на 12 — лился свет... Мужичка окружали дети, державшие в руках игрушки. Он тоже двумя руками обхватил какую-то игрушку и, ласково глядя на них, улыбался...

— Это кто, Виктор Петрович? — схватив со стола фотографию, спросил я.

— Ну, маэстро, таких, как Тимофей Никитич, нужно знать в лицо.

Он же настоящий гений! Как же так? Мы активно занимаемся популяризацией знаменитых народных промыслов, пишем статьи, книги, устраиваем выставки изумительных работ, восхищаемся народными умельцами, изучаем их наследие — и вдруг приходит человек, мимо которого, оказывается, все наши усилия пролетают как... Сам знаешь, как! — насупился Пензин и замолчал. Помню, очень неловко почувствовал себя, но Виктор Петрович вдруг снова заговорил, на этот раз вполне доброжелательно: — Ну, это, конечно, не грех, как говорится, — не знать... Главное ведь — стремление узнать, вот ключик истинного бытия. — Он вздохнул и продолжил: — Давно уже укрепилось ложное представление, что деревенский житель — вообще «темный», «невежественный», «забитый», что он пассивен, апатичен и скован во всех своих действиях и помыслах. Ну а если вдруг оказывался активным — его «записывали» в «кулаки», с которыми потом споро так и разделались — раз и навсегда! Революционным безжалостным вихрем... Случилось же так, что в своем высокомерном отношении к деревне, к крестьянам, к их возможностям, иные деятели, хотя и провозглашали себя на каждом перекрестке выразителями народных интересов, оказались в одной «когорте» с худшей частью надменных аристократов или ограниченных чиновников старой России, презрительно поджимавших язвительные

губки в адрес простого деревенского мужика. Но были и другие предшественники этой презрительности к деревенским соплеменникам. «Выбившиеся» из деревни новоиспеченные горожане, устроившиеся лакеями в домах богачей и чиновников, или половыми в трактирах... Нарочно называю именно эти профессии, так как лишь худшая часть перебравшихся из деревни или села в город занимала подобную позицию. И именно они с лакейской бесцеремонностью называли «деревенщиной» всякое проявление отсталости от сиюминутной городской моды...

На малой моей родине, в Пензенской области, есть небольшое село — Абашево. Село хоть и не большое, но имеет глубокие исторические корни. Оно стало, можно смело утверждать, гордостью нашего края!

Именно здесь процветал уникальный народный промысел — абашевская игрушка! И я, как патриот родного края и радетель о русском народном искусстве, плюс еще и директор Московского музея народной графики, не смог обойти вниманием абашевских мастеров. И теперь смело скажу, что приобретенные работы создали в музее совершенно неповторимую ауру... Приходи через два дня и — все сам увидишь...

Я, естественно, не поленился и пришел. В музее ремонт был в разгаре, повсюду рабочая суета, целые горы опилок и материалов, и вообще — сплошной хаос... В ожидании Виктора Петровича я остановился у окна, на подоконнике которого теснились абашевские игрушки, и вдруг замер, мгновенно оказавшись далеко-далеко, в своем босоногом детстве... Вокруг меня шумел базар, а я вместе с мамой притих у прилавка возле старушки-мастерицы, продававшей свистульки.

Я опробовал каждую, сколько духу хватало. Свистели они все по-разному, и фигурки их тоже были неповторимы и разнообразны: то птичка, то курочка, а то и петушок...

Вот и теперь, уже весь седой, я точно так же стоял у окна и чуть потеряно разглядывал абашевские поделки, изумляясь тому, какой неповторимый и жизнестойкий свет излучали эти игрушки — насыщенный, глубокий, чарующий! Оно, это све-

чение, от чистого духа передается, потому что закладывается при создании каждой работы прямо из сердца влюбленного в жизнь мастера и передается зрителю — от сердца к сердцу, от души к душе. Иначе, если бы этой магии искусства не было, мы видели бы

только глиняную лепную форму и обычную покраску...

Не было бы ни спонтанно вспыхивающего нежданного волнения, ни какого-то особенного просвет-

ления, и, конечно, не было бы главного — несказанной радости!

Исчезли окрики рабочих, рабочий шум — все исчезло... Я очутился в магической реальности сказки... среди причудливых форм кувшинов, птиц, конников, сеятцев... Вот они особенно поразили — так и вспыхнули в сознании образы ван-гоговских сеятелей — вечная тема!

«...Эта выставка обогатила меня новыми художественными впечатлениями! Я убежден, что всякое истин-

ное искусство возникает и развивается на основе традиций фольклора, создаваемого народом, а народ никогда не ошибается». Хуано Мартарелл — Валенсия, Испания».

Привожу только одну запись, самую точную и адекватную. А вообще записей благодарных посетителей музея оказалось так много, что привести хотя бы малую часть не представляется возможным.

— Итак... постараюсь подробнее рассказать об абашевском промыс-

ле и мастерах, — вдруг раздался голос появившегося Виктора Петровича. Он подошел к окну, стал поглаживать большие изумрудно-синие крылья орла — работа Тимофея Зоткина... Немного помолчал, затем неторопливо продолжил: — Абашево — село старинное, с глубокими древними корнями... Так, например, в 19 веке оно стало ведущим гончарным центром всей России! А возникновению здесь именно гончарного промысла способствовали залежи огнеупорной глины в окрестностях села.

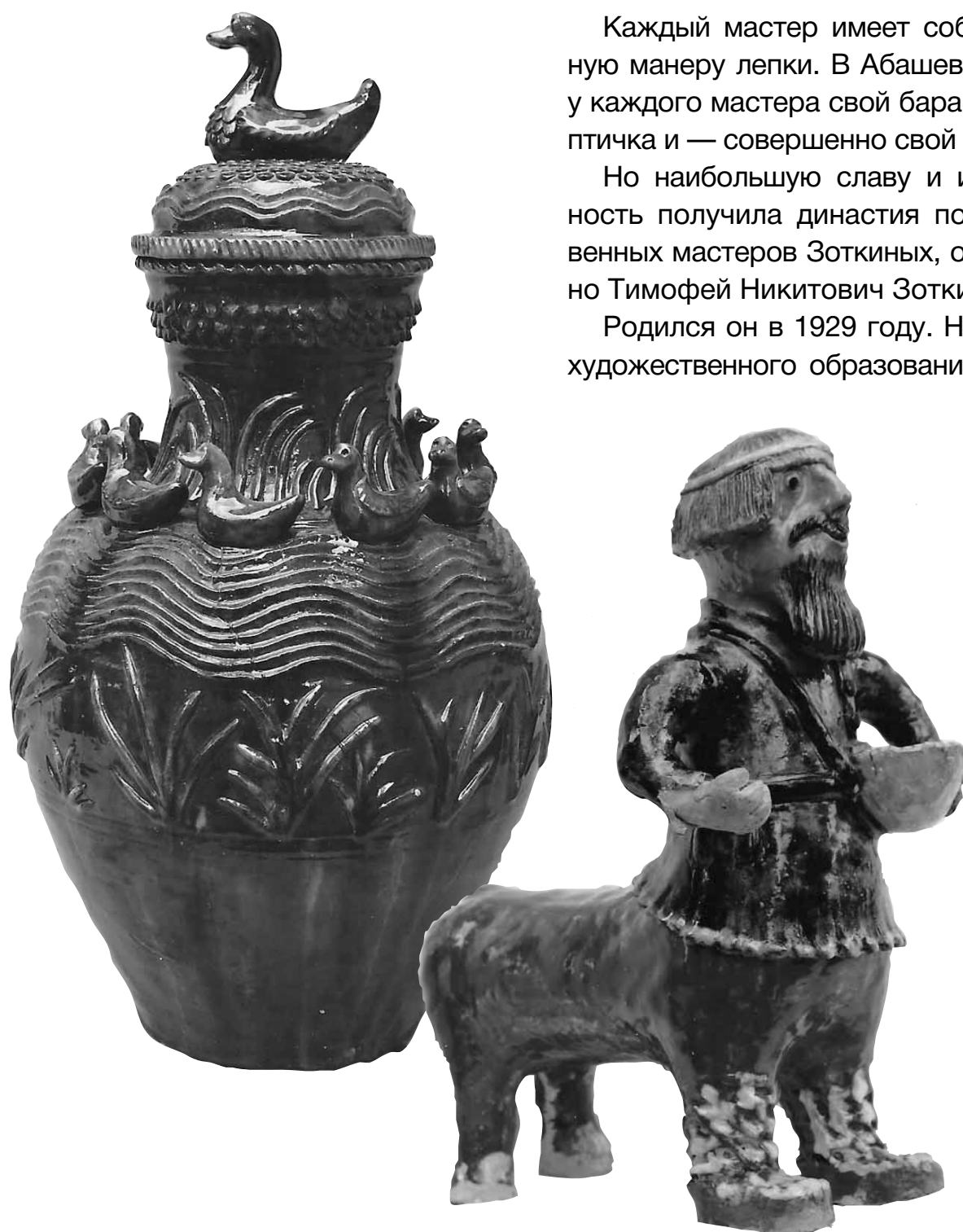
Вообще, история села — это, прежде всего, история нескольких династий абашевских мастеров, потому что изготовление игрушки передавалось из поколения в поколение. Поселение это в Средневолжском крае в своих истоках определяется археологическим понятием — «абашевская культура», по названию села Абашево — первого места раскопок, начатых еще в 1925 году. Три кургана с 11-ю погребениями... Вновь открытая миру культура имела свои яркие и своеобразные черты. Особенно выделялась керамическая, типичная для абашевской, — круглодонные колоколообразные сосуды с отогнутым венчиком и шарообразные, с закругленным дном и с характерным орнаментом: зигзагообразные и косые линии, ромбы, соединенные углами, заштрихованные треугольники. Эта абашевская керамика свидетельствует о высоком уровне пластической культуры. Датируют ее II-м тысяче-

летием до н. э. Археологи и ученые предполагают, что абашевская культура произошла из исторического массива средне-днепровских племен и связана с соседними культурами эпохи бронзы.

Вообще, абашевская культурная традиция бронзовой эпохи сыграла большую роль в последующей истории всего Поволжья и Приуралья. И все же, при наличии различных фактов и находок, тайна ее происхождения все еще не раскрыта. Но генетически с ней связана именно народная пластика села Абашево. Здесь, вместе с традиционной гончарной посудой — корчаки, горшки, кувшины, рукомойки, — лепили игрушку! Эти игрушки поражают в первую очередь каким-то особым, мощным и реалистическим чув-

ством всеобщности всего Живого Мира. Мотивы их традиционны: это всадник, барашек с птичкой, конь, курица, опять же барашек, козел, олень, коровка... И каждому животному соответствует абсолютно свой тип рогов. Округлые — для барана, саблевидные — для козла, в нарядный цветущий куст превращены рога оленя. Женскую фигурку венчает кокошник старинной формы или островерхая шапочка восточного типа. Густой слой непрозрачной красной, зеленой и синей краски сглаживает несколько тонкий рельеф лепной формы и делает игрушку яркой, броской, радостно-задорной! Звонкую эту раскраску стали применять с 1930-х годов. До этого игрушка была глазурованной и больше походила на скопинскую... Не-

Каждый мастер имеет собственную манеру лепки. В Абашеве тоже у каждого мастера свой баран, своя птичка и — совершенно свой олень!

Но наибольшую славу и известность получила династия потомственных мастеров Зоткиных, особенно Тимофей Никитович Зоткин.

Родился он в 1929 году. Не имея художественного образования, этот

хватка материала для глазури заставила мастеров перейти к цветной раскраске, что выражало любовь к яркому, открытому цвету, появившемуся, прежде всего, в народном костюме этих мест, в росписи деревянных и прочих изделий.

мастер-игрушечник был принят в Союз художников СССР. Прецедент для советских времен — просто фантастический!

Лепить маленький Тимоша стал раньше, чем великий Моцарт играть... Композитор начал играть

и сочинять в четыре года, а наш герой — в три!

Тут уместно вспомнить и о том, как осуществлялась на деле та зоткинская преемственность, о которой так много говорят... Дед рассказывал, как приобщал своего «унучка» к «прекрасному». Очень поучительно...

«Гляжу, чтой-то мой малец день не садится за рабочий стол, а приходит домой, ну, что лимон отжатый. Спрашиваю тихохонько: «Ты чем жа два дня занималси?» Сурьезно спрашиваю, без хаханек да шуток. Унучек и «колется»: «А я, деда, в футбольную команду записалси — буду центрфорвардом!» «Каким таким... цертимфобадом?» — переспрашиваю я. А у него аж щечки зарделися: «Девяткой буду, деда, в самой середке футбольного поля... и забивать буду — ды так, што влатарю тольки и останется ушами мотать!..» «А ты не забыл, что тебе дедуня про ремесло ды профессию будущую сказывал, а?» «Ой, деда, ты тольки про энто и талдычишь... надоело уже — сиди да сиди за столом, как арестант какой...» «Ну, разлюбезный, чую, без хорошей «подкладочки» ты не понимаешь. А ну, подь сюда!»

Взял я своего родного унучка за ворот рубахи, и на топчан... Содрал портки, и к стенке. Схватил пяток добрых лозинок березовых (они на такой случай заготовлены были) и давай шмалять по заднице во весь опор. А еще, чтоб покрепше запамя-

товал, кричу: «Ремесло — золото! Ремесло — золото! Ремесло — и хлеб с маслом, и водица со хмельком! А все ж таки — золото!»

Похныкал, похныкал мой унучек, но больше не пошел на тот футбол, а стал серьезно учиться... И погляди, ноне — мастерюга, ды ишо какой! Вот и вся преемственность! — И старик рассмеялся, потрясая своей роскошной рыжей бородой...

А потом грянула Великая Отечественная...

И Тимофей старался помогать своей семье, как только мог... Лепил

дудочки на продажу. В свои неполные двенадцать лет сумел повторить игрушки отца, а в пятнадцать уже участвовал в районном смотре художественной самодеятельности со своими оригинальными поделками и был отмечен грамотой.

А далее — как и у всех советских людей тех трудных, послевоенных лет — учеба в школе, служба в армии. Когда вернулся домой, снова принялся за свое искусство. Влюбился в Анну из рода Кузовниковых, женился. Пошли детишки — их оказалось много — семеро! Детей он любил безмерно, эта радость для его души была сродни радости, которую доставляло искусство...

Вообще-то Тимофея всегда тянуло к глине, и это, наверное, «заветный ключик» к разгадке его особого дара. Он очень тщательно, с огром-

ным вниманием и потаенной радостью изучал и познавал наследственное мастерство, да и вообще — много и азартно учился. Давно известно, что такой безудержной способностью и жаждой к учебе в любом возрасте обладают только истинные таланты. Ведь узнать, познать, научиться и созидать самому — это и есть двигатель прогресса во всех сферах жизни человека.

Так и наш герой, Тимофей Никитович Зоткин, мог заниматься своей работой бесконечно... Трудился истово, с душой. А открытие в Беднодемьянске (Спасске) керамической фабрики, заметно возросший интерес к глиняным поделкам народных мастеров еще больше стимулировали его безудержную страсть.

И вскоре разлетелась о нем народная молва, как о новом выдающемся мастере-игрушечнике.

В 1973 году в селе Абашево, где жил Зоткин, тоже появилась своя мастерская на 100 кв. метров... И работа закипела! В том же году областной краеведческий музей закупил у мастера игрушки и рабочий инструмент для экспозиции.

А в семидесятых годах к мастеру Зоткину уже пришла настоящая слава. С триумфом прошли его персональные выставки народного гончара в Пензе и области. Были выпущены художественные альбомы, различные журналы и газеты публиковали о его творчестве обширные материалы. Из-за рубежа последовали приглашения участвовать в выставках. Работы мастера теперь

находятся даже в «самом главном музее мира» — Лувре!

Тимофей Никитович Зоткин скончался в 1988 году. В память о знаменитом мастере в ноябре 2008 года в селе, где он прожил всю жизнь, на его доме была установлена мемориальная доска. Этот «поклон» Народному Художнику свершил директор Московского музея народной графики Виктор Петрович Пензин! И не только инициатива была его, но и исполнение...

Вот как он написал об этом в своей статье «Искусство, рожденное народом»: «Думаю, вполне понятно, почему именно мною была проявлена инициатива по установлению памятного знака, который, кстати, был

изготовлен не на бюджетные деньги, а на мои, кровные».

Да-а... этот человек — сам изумительный мастер, отдавший почти всю жизнь служению народному искусству, — не мог остаться равнодушным к другому мастеру — коллеге, к уникальному источнику света, творчества и мастерства, которые излучали его работы...

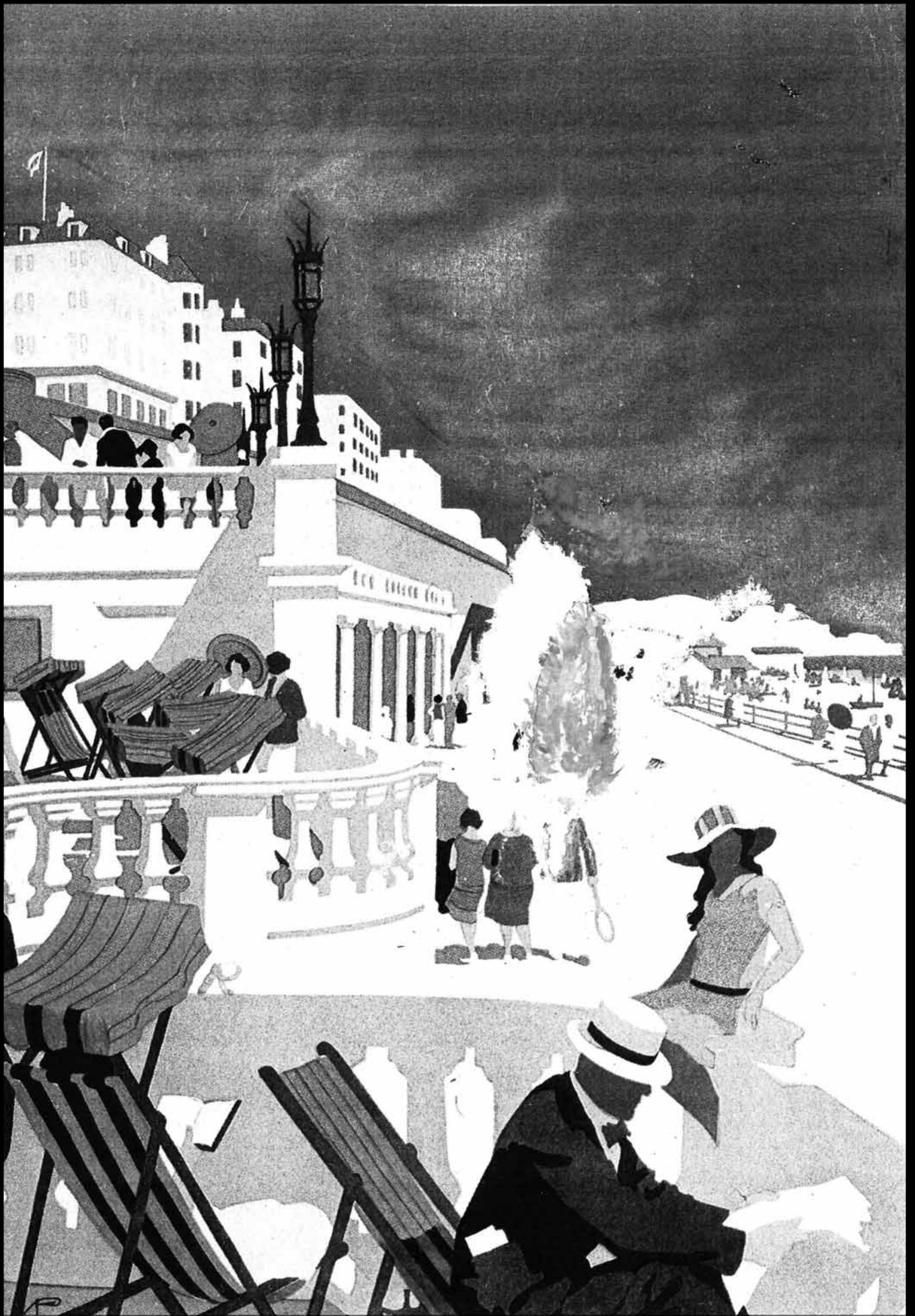
Виктор Петрович долго молчал, а потом как-то горестно усмехнулся и, вздохнув, сказал:

— Уходя из дома Зоткиных, я услышал неожиданные слова снохи Тимофея

Никитовича, Натальи: «Никто бы и не вспомнил отца за все двадцать лет, если бы не Пензин...» — И тут же добавил: — Это не для печати, так, просто Жизнь!

Слова были остро разящей правдой, но очень обидной и тягостной... Ну, почему, почему люди «мгновенно» забывают откровения своих гениев? Ну, почему материальные заботы и бесконечная суета всегда оказываются впереди духовных? Неужели это на всю оставшуюся Вечность?.. □

Ольга Гаврилина

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОНАШКИ

*Все совпадения с настоящими именами и реальными событиями случайны
и являются фантазией автора.*

ГЛАВА 1

Труп, завернутый в зеленую пленку, лежал на том же месте, за стеной. Внутри здания было холодно. Стояла гнетущая тишина. Он прислонился к шершавой колонне, перевел дыхание. Все, это последний шаг. А потом я выйду отсюда и вернусь в свою повседневную жизнь.

А получится жить, как всегда?..

Он осветил фонарем, сорвал пломбу, открыл основной кран и заглушку. Услышал, как газ, посвистывая под давлением, заполняет генератор, и включил форсунки. Надо разогреть печь.

Оборудование было старое, почти никакой автоматики, не говоря уже о компьютере.

Температура дошла до девятисот восьмидесяти градусов.

Пора!

Взвалил труп на тележку, подвез к отверстию и открыл заслонку. Труп никак не хотел двигаться внутрь. С большим трудом удалось переместить тело, не прибегая к автоматической закладке.

Как бы самому не сгореть!

Захлопнув дверку, он прильнул к «глазку».

Журнальный вариант.

Пленка мгновенно оплавилась и исчезла, руки и ноги, захваченные огненным вихрем задвигались, как будто отбиваясь, труп дернулся и стал подниматься. Объятый пламенем корпус взмахнул руками, как бы прося пощады.

Ему показалось, что глаза открылись и посмотрели на него сквозь жар огня.

Это были ее глаза! Те, которые уже столько лет снились ему!

Он отпрянул от дверки...

Лола лежала в огромной гидромассажной ванной, с бокалом шампанского в руке и наблюдала, как пузырьки мыльной пушистой пены лопаются на ее коже. Необыкновенное ощущение контраста между теплой обволакивающей водой с маслом жасмина и веселящим прохладным напитком, опускающимся в желудок, приводило ее тело в приятное состояние невесомости.

Она считала, что ей здорово повезло в жизни. Не умоляя твердости своего характера и необыкновенной работоспособности, она понимала, что без ее величества Фортуны никогда не стала бы тем, кем ей удалось стать. А стала Лола одной из самых известных журналисток Италии, имеющих, к тому же, две собственные программы на пятом канале итальянского телевидения!

Если бы мама не привезла ее подростком в Италию, если бы ее не заметили на телестудии, если бы она не смогла разыскать и взять свое первое интервью у любовницы капитана затонувшего лайнера, если бы, если бы, если бы... этот список можно было продолжать и продолжать. А если бы она не встретила Капелини? Но какое отношение он имеет к ее карьере? Да никакого! Кроме того, что СМИ не устают перемалывать придуманные ими же подробности оглушительного романа главного сыщика страны и популярной журналистки, усугубляя тем самым необыкновенное внимание зрителей к ее особе.

Лола поднялась в полный рост, и вода полилась тонкими струйками с разгоряченного тела, а пена сваливалась кусками. Не выпуская из рук бокала, перешагнула через бортик, поставила ноги на пушистый ковер и не удержалась, посмотрела на себя в огромное зеркало, занимавшее всю стену.

Кто же может устоять перед такой красотой? Она всегда с долей юмора относилась к своей внешности, но иногда на нее находило... Подтянутое и стремительное, как торпеда, тело, длинные волосы с высветленными прядями, как будто выгоревшими на солнце, высокая, небольшая, по итальянским меркам, грудь...

Она давно так не радовалась своему отражению! Не выпуская бокала из рук, прошла по коврам и взмахнула ногой и даже попыталась сделать пируэт. Мягкий ковер не давал покрутиться, как ей хотелось, и она пере-

шла на мраморный пол ванной, не спуская глаз со своего отражения, но тут же со всей силой грохнулась на мокрый мрамор, стукнувшись, к тому же, головой о зеркало.

Вот черт! Лола почувствовала, как на затылке взбухает довольно большая шишка. Но это было еще не все! На запотевшей поверхности зеркала тараканьими лапками разбегалась трещина! Только этого еще не хватало — теперь перед Капелини придется отчитываться! Она не представляла его реакции и, не признаваясь самой себе, откровенно испугалась, как набедокуривший маленький ребенок.

Она все еще находилась в полной его власти, и самое ужасное, что, привыкала к этому состоянию, оно ей начинало по-своему нравиться.

Вот уже несколько месяцев они жили на два дома, что Лолу вполне устраивало, так как Никола, бывало, по несколько дней находился на работе, а Лоле совсем не хотелось ночевать одной в огромной вилле, окруженной заросшим садом, и она возвращалась к себе.

Ее совершенно не тяготило данное положение дел, тем более что это был ее выбор. Вот и на этот раз, вернувшись через сутки, Капелини не застал Лолу на своей вилле и сразу позвонил ей.

— Лол, ты что обиделась, что я дома не ночевал?— спросил он с тоской в голосе, словно уже знал ответ. — Я же тебя предупредил.

— И не думала обижаться, мне у себя работается лучше, — весело ответила Лола. — Приезжай ко мне, я уже салат нарубила, сейчас мясо пожарю.

— А соус я сам сделаю, когда приеду. Целую! — сказал Никола и неожиданно добавил: — Лол, мне с тобой так легко!

Уже через двадцать минут из домофона послышался сигнал открываемых ворот — Никола приехал!

Лола заметалась по ванной, опять поскользнулась, но на этот раз удержалась, схватившись за бортик, накинула на себя полотенце, и тут в дверь постучал Капелини:

— Можно войти?

— Сейчас, секунду подожди, только оденусь, — крикнула Лола, сдерживая порывистое от напряжения дыхание.

— Скажешь тоже, «оденусь», зачем? Все, я захожу!

Он ворвался в ванную, обнял ее, крепко прижимая к себе, и сразу нащупал огромную шишку на затылке.

— Боже мой!— Никола отодвинул Лолу и посмотрел ей в глаза: — Боже мой! Да как же ты умудрилась, бедная моя

— Вот так, поскользнулась... Хотела пируэт сделать, — угрюмо ответила Лола.

— Пируэт? Зачем? — Он осторожно взял ее на руки, зарылся лицом в длинные волосы, понес в спальню и бережно уложил на кровать: — Лежи тихо, я сейчас тебе компресс сделаю.

— А с зеркалом, даже не знаю, как получилось... — виновато проговорила Лола.

— Нашла о чем волноваться. Забудь! Завтра же мастера вызову, пусть мерку снимет, — сказал Капелини и начал гладить ее по волосам. Незаметно для себя Лола задремала.

Проснулась она от телефонного звонка.

— Да, — сказал в трубку Капелини, который, оказывается, все это время сидел рядом. — Я этими делами больше не занимаюсь, беру в руководство отдел по борьбе с терроризмом... Так обычное же дело, разбирайтесь своими силами. Ну, все понятно, только ко мне это теперь не имеет никакого отношения.

— Как себя чувствуешь?— спросил он, увидев, что Лола проснулась.

— Хорошо, — ответила она и тут же добавила: — Так ты в другой отдел уже успел перейти?

— Да буквально на днях. Там, чтобы в суть дела войти и разобраться во всем, нужен еще месяц безвылазной работы. Так что я тебе надоесть своим присутствием не успею.

Никола засунул руку под одеяло и медленно провел вдоль разогретого ванной и сном тела Лолы. В голове еще крутились вопросы, которые она хотела ему задать, но прохладная рука сделала круг, неудержимо проползла вверх и властно захватила затылок. Лола увидела перед собой зачарованные глаза Николы...

Капелини в фартуке стоял у плиты и готовил соус к спагетти, а Лола не удержалась и начала поедать салат. Она с удовольствием хрустела листьями латуги, но вдруг вспомнила, о чем собиралась спросить Капелини:

— А этот звонок, он из какого-то отделения полиции? Что-то произошло неординарное, раз тебе позвонили?

— Да в том-то и дело, что ничего неординарного. Пропал молодой парень, вот уже как неделю. Его отец когда-то построил сеть офисных зданий для моего отца и представился в отделении Искии как близкий друг всей нашей семьи и, в частности, мой. Ну, они и не замедлили позвонить. — Никола слил воду со спагетти, и вывалил их в скворчащий соус. — Как же я ненавижу эти представления с родственными связями!

— А что там с этим парнем, просто пропал? — осторожно спросила Лола.

Лола опасалась, что когда-нибудь ее интересы пересекутся с интересами Капелини, но теперь, когда он стал главным по борьбе с терроризмом, это становилось практически невозможным.

— Да, уже больше недели, если я правильно понял.

— А почему до сих пор родственники молчали? Что, и не искали даже?

— Почему не искали? Искали своими силами. Но парень молодой, первые три дня никому на ум не пришло, что может произойти что-то нехорошее. Отец думал, что у подружки или у друзей загулял, а когда хватился и начал обзванивать всех, выяснилось, что он не только нигде не появлялся, но ни с кем и не связывался за это время.

— Понятно, — задумчиво протянула Лола.

Никола с удовольствием поедал спагетти и, казалось, отвечал машинально. Вдруг, не донеся вилку до рта, он поднял голову и спросил:

— Уж не хочешь ли ты заняться расследованием этого дела и сделать о нем репортаж?

— А почему бы и нет? — Лола решила, что лукавить не стоит.

— Вот черт! Стоит на секунду забыть, что ты известная журналистка, и вот результат!

— А ты не забывай! И потом, я не пойму, в чем проблема, раз ты теперь с криминалом не связан.

— Да нет никаких проблем, — вздохнул Никола, вытирая рот салфеткой. — Только об этом деле еще СМИ не разнюхали, а я...

— Считай, что уже разнюхали.

— Уже догадался. Вовремя я на террористов переключился, а то бы сталкивались с тобой постоянно по работе.

«Это точно, — подумала Лола, — это он сейчас такой спокойный и расслабленный, а ведь мог и запретить заняться этим случаем. Надо Дане дать наводку, пусть разузнает все получше, наверняка у нее в отделении полиции Искии есть свои люди, тогда и решим коллегиально, стоит ли заниматься этим расследованием или нет».

— За твою новую должность! — подняла она бокал.

— Какая же ты у меня хитрющая! — засмеялся Капелини и поцеловал ее где-то в районе уха.

ГЛАВА 2

Лола стояла, облокотившись на перила парома, и смотрела на бившиеся о высокий борт волны. Тяжелые, налитые облака были готовы вот-вот истечь промозглым дождем, пронизывающий, резкий ветер, казалось, добирался до самых внутренностей...

На короткой летучке в офисе они обоюдно решили, что возьмутся за дело Енцио Бротто, так звали пропавшего молодого человека, и, в таком случае, необходимо ехать на Искию.

Дана была простужена, и Лола оставила ее на канале, наказав держать связь по телефону с отделением полиции и с ней. А Стефано позвонил сегодня рано утром и хриплым умирающим голосом сообщил, что не спал всю ночь, что, скорее всего, чем-то отравился, поэтому сможет подъехать только завтра.

Лоле не хотелось ехать одной, а точнее, ей вообще не хотелось никуда ехать. Первый раз в жизни она пожалела, что не может остаться.

Ее предупредили, что на острове, где на некоторых поворотах не могут разъехаться два обычных автомобиля, несмотря на не сезон, возможны проблемы с парковкой, лучше передвигаться на маленькой машине. И Лола взяла «смарт» канала, к которому все никак не могла приноровиться из-за игрушечных колес, совершенно непривычных габаритов и необычайной незащищенности, которую она ощущала, сидя внутри этого странного изобретения, называвшегося машиной.

Портовый городок был на редкость обшарпанный, фасады домов с облупленной, когда-то радовавшей яркими цветами, а теперь поблекшей, штукатуркой смотрели в сторону моря, балконы, завешанные простынями, трепыхавшимися на сильном ветру, казалось, вот-вот оторвутся и улетят вместе с бельем. Вдоль мола покачивались старенькие рыбацкие лодки.

Приехав в порт и остановившись недалеко от причалов, Лола вышла из машины и, подойдя к кассам, взяла билет на паром.

Он уже был на месте, и из него, дребезжа по настилу, медленно выезжали прибывшие с Искии автомобили. Она встала в хвост очереди и, когда та двинулась, мягко нажала на газ. Заехав на паром и поставив машину, Лола поднялась на верхнюю палубу. Она решила пойти в бар и выпить чашечку горячего кофе, чтобы согреться.

Устроившись так, чтобы в окно был виден уже появившийся вдали остров, Лола потягивала густой напиток и размышляла.

Про Енцио Бротто было известно совсем мало — только то, что он уехал с острова учиться в Рим, получил там диплом гостиничного хозяйственника и, пройдя годичную практику, остался работать в Риме, периодически приезжая в отпуск на Искию, где и пропал через две недели после своего последнего приезда на остров. Само исчезновение, по-видимому, произошло во время вечеринки с друзьями, где они отмечали какой-то местный праздник, после которого парень так и не вернулся домой. Отец начал разыскивать Енцио по-настоящему совсем недавно, и если и сделал заявление о пропаже сына, то только на местном неаполитан-

ском телевидении, центральным же каналам об этом деле ничего не было известно.

Вся история с исчезновением выглядела не очень убедительно для двадцатипятилетнего парня, который мог загулять где угодно, если бы не установленная информация о том, что с острова он не уезжал.

Первое, что сделала полиция, это проконтролировала записи видеокамер с портов и паромов, курсировавших за прошедшую неделю, и достаточно уверенно подтвердила Дане, что Енцио, должно быть, все еще находится на Искии.

Сразу напрашивался вопрос — куда мог запропасться парень, если он не уезжал с острова? Свободному от работы и располагающему деньгами молодому человеку делать здесь совершенно нечего. Разве что задержался в доме у одной из своих девушек, которых, по сведениям Даны, у него было множество. Но почти девять дней безвылазно, не подавая признаков жизни! Это казалось нереальным... Да и отец уже обзвонил всех его потенциальных любовниц, но все безрезультатно...

— Привет! — прервал размышления Лолы звонкий детский голос.

Около нее стоял большеглазый мальчишка лет восьми и крутил в руках модель красной «Феррари». Она тут же вспомнила Капелини, его кривоносы и такой же красный автомобиль, и сердце ее защемило.

— Лола с пятого канала! — утвердительно проговорил мальчик и сразу закричал во весь голос: — Папа! Папа, иди сюда! Здесь твоя любимая вездущая, Лола!

— Ну что ты кричишь на весь паром! — подошел к нему мужчина, взял сына за руку и потянул в сторону. — Извините, — кивнул он Лоле.

— А ты на острове живешь? — обратилась она к малышу, решив не терять зря время.

— Да! Мы живем на Искии, и в школу я здесь хожу. — Мальчику удалось выдернуть руку, и они с отцом остановились, разглядывая Лолу.

— Так ты уже совсем большой! — улыбнулась она.

— А вы, наверное, по поводу исчезновения Бротто Енцио к нам на остров едете? — вступил в разговор мужчина

— Да, вы совершенно правы. А вы с ним знакомы? — поинтересовалась Лола.

— Лично нет, но в лицо знаю. Хотя сейчас его уже все в лицо знают, показывали его фотографию по местному телевидению.

— А, это тот дядя, которым меня мама пугала! — вытаращил и без того большие глаза мальчик.

— Как пугала, почему? — насторожилась Лола.

— Говорила, если я ее слушаться не буду, буду убегать с ребятами, меня тоже в замок утащат, как и его!

— Да глупости все это, — перебил его отец.

— А замок здесь при чем? — В Лоле начал просыпаться азарт. Может, и не так все банально в этой истории, как она изначально себе представляла.

Она слышала, что на отдельном островке, соединенном насыпной дорогой с самой Искией, находится необыкновенной красоты замок, названный Арагонезским по фамилии одного из его хозяев.

— Да это легенда старая, а может, и не легенда вовсе, так, для туристов придумали, — как-то неуверенно ответил мужчина и присел на рядом стоящее кресло.

— Садитесь, садитесь, — подбодрила его Лола. — Так какое отношение имеет пропавший Енцио к замку?

— Только то, что он пропал в ночь, когда монахиня должна была забрать к себе самого красивого парня. Ну вот, вроде, как и забрала, парень-то исчез.

— Пожалуйста, расскажите мне эту легенду, — заторопилась Лола, увидев, что остров неумолимо приближается.

— Папа не умеет, вы лучше маму попросите, она нас на машине встречает, мама страшно рассказывает! — встрял ребенок.

— А, так ты напугать меня хочешь! — улыбнулась Лола мальчику и снова обратилась к мужчине: — Если можно, самую суть коротко, а то испугаете меня, так что я ночью не засну на вашем острове.

— Вот какая тетя трусиха, хуже меня! — обрадованно заявил малыш, не выпуская из рук машинку.

— Я на Искии родился, но никогда раньше про эту легенду не слышал, а появилась она где-то года три-четыре тому назад, когда наши гостиницы, которые работали весь год, начали окончательно прогорать. Вот и придумали праздник Монашки, который стали отмечать в марте. Когда-то, очень давно, кажется, в пятнадцатом веке, на маленьком островке напротив Искии в монастыре существовал орден Святой Клариссы. Надо отметить, что орден славился очень строгими, а порой и странными правилами. Так вот, якобы, туда, в этот монастырь одна очень известная и богатая семья отдала дочку, которая влюбилась в молодого то ли садовника, то ли конюха. Девушка не захотела жить без любимого и бросилась в море с крепостной башни, а парень сразу после ее смерти тоже пропал, и найти его так и не смогли. Вот, собственно, и все. Возможно, что-то похожее и произошло, вот и придумали, что молодая монашка раз в год, в день своей смерти, появляется на стенах монастыря и зовет своего пар-

ня, что и воплощают на празднике. Пускают кого-нибудь из местных женщин или девушек посимпатичнее погулять по монастырской стене в монашеской одежде. Свет устанавливают особый, даже музыку дают какую-то заунывную, которая аж по всему порту разносится. В лавках продают сувениры монашек, на площади, напротив замка устраивают танцы, а в ресторанах подают вино под названием «Любовь Монахини». Но зато на праздник туристы приезжают из Неаполя, а то и из самого Рима! Да, самое главное забыл! В этом году решили добавить, что она в эту ночь парня себе выбирает и с собой уводит.

— Так на празднике девушка действительно выбирала парня или нет?

— Ну да! По монастырской стене прогулялась под музыку, в таком голубоватом освещении, а потом вниз спустилась на дорогу и к порту прошла на площадь. А там уже выбрала парня, в круг его вывела и танец с ним станцевала, а потом общие танцы начались. Если честно, здорово получилось! Да и туристам понравилось. Только вот парня-то после этого больше никто и не видел.

— Так она Енцио в круг вывела?! — ахнула Лола и почему-то ярко представила печальную девушку в одежде монашки, танцующую в призрачном свете с высоким парнем на приморской площади под протяжную музыку.

— Вот именно!

— А кто этим всем занимался, не знаете?— задала последний вопрос Лола, так как паром, снизив скорость, уже заходил в порт.

— Наверное, артистов каких-то приглашали и аниматоров, кто организовывал, точно не знаю, скорее всего, через мэрию...

— Вон наша мама — видишь, видишь! — потащил отца к выходу мальчик.

— До свидания, — попрощался мужчина, еле сдерживая напор сына, рвущегося вперед.

— Спасибо за рассказ, — ответила Лола и тоже пошла на нижнюю палубу, где оставила свою машину.

Забравшись в нее, она стала ждать, когда паром окончательно пришвартуется, и можно будет выезжать на пристань.

ГЛАВА 3

Франческа проверила двери и начала закрывать ставни — две разлапистые ветки на кривом гранатовом дереве, которые качались и били по окнам, отец спилил еще вчера, и их небольшой садик вдруг стал выглядеть голым, а кусты роз и олеандра как будто сжались и тихо напряглись в ожидании ненастья.

Приближалась гроза, и отец, скорее всего, не вернется домой, останется на работе до утра. Франческа не хотелось ночевать одной, да еще во время такой непогоды, и она набрала номер Грации:

— Привет, ты же сегодня не работаешь, кажется?

— Нет, а что? — Грация что-то ела, в трубке слышался чавкающий звук пережевываемой пищи. — Подожди секунду, пирог проглочу.

— Ты уже ужинаешь, что ли? — удивилась Франческа, — рано же совсем.

— Да нет, мама пирогов напекла с абьетой (вид травы типа щавеля, но не с кислотой, а с легкой горечью), вот я и не смогла удержаться, один схватила. А ты куда пропала, почему на звонки не отвечаешь?

— Никуда я не пропала, — ответила Франческа, не желая объяснять подруге, в каком состоянии она пребывала всю неделю после праздника. — Приходи ко мне, поужинаем вместе и грозу переждем. Отца до утра не будет.

— Это можно, — согласилась Грация, — только родителей предупреджу, что у тебя на ночь останусь.

Франческа положила трубку и задумалась. Что же делать?! Что?! Отец сказал, подожди, не паникуй раньше времени, но прошло уже больше недели! Боже мой, почему все так получилось?!

Она снова и снова с горечью вспоминала подробности того дня и той ночи, восстанавливая события. А ведь она так радовалась, когда ее выбрали для роли Монашки, так гордилась! И неслась в замок, уже зная, кого пригласит на танец, благо право выбора оставили за ней.

Франческа вздрогнула, услышав громкую мелодию телефона.

— Тебя больше в полицию не вызывали? — сразу, без всякого приветствия, спросил грубый мужской голос.

— Нет пока, — односложно ответила Франческа.

— Ключевое слово «пока». Мы надеемся, ты помнишь, что мы тебе помогли?

— Конечно, да и папа говорит, что...

— Ты что, все отцу рассказала?! — заорали по ту сторону трубки.

— Да, — виновато прошептала Франческа. — Я испугалась, что...

— Да ты ненормальная совсем! — В трубке кричали уже несколько голосов: — Что делать будем? — Она все отцу разболтала! — А вот это уже полный капец!

Она сама бросилась к отцу, как только он вернулся с работы, и, когда он обнял и усадил ее на диван, глядя тяжелой рукой по растрепанным волосам, всхлипывая и сбиваясь, поведала ему обо всем.

Они всегда были очень близки — отец и дочь, а маму, сбежавшую от них на север Италии с приехавшим отдохнуть и подлечиться на Искию предпринимателем из Ноале, они уже давно простили.

Ни у кого не было такого заботливого, понимающего и, в то же время, мужественного и храброго отца!

Лучано работал начальником пожарной охраны на Искии и приравнивался по статусу к карабинерам и военным, участвовал не только в тушении пожаров, которые являются напастью жарким итальянским летом, но и в разборе завалов и помощи жителям при землетрясении, даже вместе с полицией разыскивал пропавших или убитых. Несмотря на замкнутость, Лучано уважали и любили на острове...

Домофон крикнул и зашелся визгливой трелью.

— Все,— сказала Франческа, — потом поговорим, — и повесила трубку, в которой еще были слышны возмущенные голоса.

Она подошла к окну — у калитки стояла Грация.

— Заходи! — Франческа нажала кнопку домофона.

— Привет!— крикнула Грация с порога и бросилась обнимать подругу. Ну, как ты? Новостей о Енцио никаких? — Она положила на стол сверток: — Вот, пирогов с абьетой принесла, еще теплые. Я слышала, у тебя побывала полиция. Что спрашивали? Какие-то соображения есть, куда он подевался?— Она тарыхтела, не останавливаясь. — Видела, какое небо уже сизое? Сначала сказали про порывистый ветер, а теперь уже ураган обещают! Ты все хорошо закрыла? Еще одну лампу зажги, а то темновато с закрытыми ставнями. Прибавится твоему отцу работы после грозы!

Франческа невольно улыбнулась — Грация с ее неукротимой энергией всегда действовала на нее благоприятно. Они были такие разные! Восемнадцатилетняя Франческа, тоненькая и высокая, с волнистыми черными волосами и распахнутыми глазами удивленного звереныша, но с вполне твердым и устоявшимся характером, и Грация — старше на пять лет, с прической, напоминающей лошадиную гривку, приземистая, сбитая, как кобылка, громогласная, постоянно находящаяся в состоянии влюбленности, немного безалаберная и чуть бестолковая.

— Ну, так что? Расскажи, о чем с полицией говорила! — Грация вернулась к основной теме. — Получается, что ты последняя Енцио видела?

— Наверное, я, — тихо ответила Франческа. Зачем скрывать то, что полиция и так уже знает. Да и сама Грация наверняка догадалась, что они с Енцио ушли вместе.

— И?.. — не отставала Грация.

— Что, и? Погуляли и разошлись, — нахмурилась Франческа.

— И все? Что, не поцеловались даже? Никогда не поверю! Говорят, Енцио с места не сдвинется, если не будет уверен, что нечем поживиться.

— Почему же, поцеловались, — произнесла Франческа и опять подумала, что врать на пустом месте не стоит. — А больше ничего. Он был сильно пьян, а ты знаешь, что я пьяных терпеть не могу.

— Знаю, знаю, только помню и то, что он тебе очень нравился.

— Как нравился, так и разонравился, — опустил голову, пробурчала Франческа.

— Что, прямо так сразу? И не интересно тебе, что с ним случилось, куда девался? Или ты его, как Монашка, к себе утащила? — Грация засмеялась, как всегда, громогласно и басовито. — Сегодня полиция собак-ищеек на площадь привозила, я сходила, хотела посмотреть, но зря притащилась — перегородили все, близко не подойти, а издали толком ничего и не разглядишь.

— А я не знала, что уже и с собаками искали! — забеспокоилась Франческа.

Как же так, отец ничего не сказал! А он не мог не знать! Обещал ведь обо всем узнавать у полиции, там он свой человек, не должны бы от него такие мероприятия скрывать.

— Так ты видела что-то или нет? Вышли на след?

— Кстати, там твой отец был, можешь у него спросить, он тебе все подробно расскажет, а я...

— Как отец! Ты ничего не перепутала? — не удержалась Франческа.

— Нет! Что я, твоего отца, что ли, не знаю! Стоял, правда, вдалеке, разговаривал с начальником, а потом со всеми с площади ушел за собаками.

— Так, значит, взяли след, — задумчиво произнесла Франческа. — А куда собаки повели, не видела?

— По набережной, через лимонный сад и, кажется, к церкви, а дальше не разглядела. Может, к кладбищу, а может, навверх к дороге. Спешили очень, чтобы до дождя успеть.

Франческа поежилась — страх и чувство вины крутились, как два змееныша, возвращая ее мысли к той ночи и к тем событиям...

Ветер завывал все сильнее, дождь лил нескончаемым потоком, но камин весело потрескивал, а соус, который мешала Грация на большой сковородке, издавал такой умопомрачительный запах!

Франческа быстро расставила тарелки и бокалы, положила вилки и ножи, побросала салфетки.

— Не будем хлеб на решетке жарить, просто оливковым маслом польем, — сказала Грация, врезаясь ножом в хрустящую корку свежего хлеба.

Усевшись, наконец, за стол, они приступили к поеданию моллюсков.

Обмакивая ломоть в жгучий помидорный соус, и запивая его прохладным белым вином, Франческа все равно никак не могла отделаться от поселившейся в ней тревоги. И только выпив еще бокал и чуть запынев, немного успокоилась и забыла про ощущение вины и страха, так мучавшие ее все эти дни.

ГЛАВА 4

Лола доедала сорбетто, вспоминала прошедший день и смотрела на угрюмый замок, застывший на скалистом фундаменте напротив гостиницы.

Огромные лохматые волны заливали дорогу, соединяющую Искию с замком, бились о высокие мрачные стены, и казалось, что крепость вырастает прямо из моря. Дождь уже перестал молотить по стеклам, а превратился в единый водный поток, скатывавшийся по застекленным окнам ресторана. Гром громыхал, ходя кругами, то приближаясь, а то, удаляясь, оповещая о себе далеким раскатистым гулом. Молнии вспыхивали одновременно в разных концах неба, всполохами освещали средневековые стены Арагонезского замка и его суровые башни.

Сегодняшний день прошел не очень удачно. Не успев отъехать от причала, Лола получила сообщение от Даны, что на площади, где проходил праздник, полиция начинает розыскные мероприятия. Рванув в нужном, как она думала, направлении, она запуталась и оказалась на тупиковой площадке где-то в районе Монтаньяне. Навигатора на этой машине не имелось, а задавать нужные параметры на телефоне, чтобы доехать до места, она просто поленилась, сочтя, что на небольшом островке в любом случае не заблудится. Потеряв, как минимум, полчаса, Лола прибыла на площадь, когда собаки уже махали хвостами далеко на набережной. Бросив машину прямо за знаком «Стоянка запрещена», она полетела им наперерез.

Ищеек было две, тормознув и принявываясь в конце лимонного сада, они побежали дальше, пока не закрутились на небольшом пяточке перед кладбищем.

— Что бы это значило?— вслух спросила Лола, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Как что? След потеряли! — ответил паренек лет шестнадцати, который также наблюдал за происходящим. — Или он здесь и закончился, след-то!

Лола несколько раз щелкнула простеньким фотоаппаратом, который ей выдал Стефано и, на всякий случай, сделала еще несколько фотографий на телефон.

Площадка, где остановились собаки, находилась перед самым входом на кладбище. Это был небольшой садик, засаженный высокими кипарисами и мелкими стриженными кустами, с утоптаным пяточком в центре, переходящим в дорожку, ведущую на кладбище.

Проследив, как ищейки запрыгивают в полицейский фургон, Лола вернулась к своей машине, поставила ее на платной стоянке и решила прогуляться по площади.

Небо совсем почернело, бары и магазины были пусты, а в центре стояла оставленная после праздника уже почти разобранная сцена.

Лола зашла в одну из многочисленных лавок, продающих сувениры.

— А вот и Монашка, — сняла она с полки небольшую фигурку в белой одежде и вытянутыми вперед руками, как будто молящую о чем-то.

— Берите, всего пять евро, — подошла к ней пожилая хозяйка лавки, с длинной цепочкой на шее, на которой болтались и бряцали разнокалиберные шарики и колечки. — Что-то лицо мне ваше знакомо. Вы у нас недавно не отдыхали? — спросила она, откровенно разглядывая Лолу.

— Да нет, я журналистка с пятого канала, возможно, вы меня...

— Ну да, конечно! — всплеснула руками хозяйка. — Я всегда вашу программу смотрю, когда время есть! Как вы в горах оказались, когда там убийства одно за другим, страшно, наверное, было! А из России какие интересные репортажи давали! Тем более что к нам много русских туристов приезжает, и мы теперь знаем, как они у себя на родине живут!

— А про пропажу Енцио вы что-нибудь слышали? — осторожно спросила Лола.

— А, про Енцио! Конечно! Мы всю ночь во время праздника были открыты, так что отойти не могли. Я здесь с мужем работаю, — пояснила женщина, — но так как лавка на площади находится, я видела, как Франческа, которая Монашку изображала, пригласила Енцио, как они танцевали, а потом вместе с площади ушли.

— Как уходили, вы сами видели?

— Ну да. Заметила, как они в сторону набережной направились, а там, кто их знает, может, дальше пошли, народу было много, они так за толпой и скрылись. Уже потом мы узнали, что с тех пор Енцио никто не видел. Не надо было эту легенду на свет вытаскивать, ох, не надо! Конечно, парень непутевый, но все равно жалко.

— А вы знаете, что с ним случилось?

— Я что? Я ничего не знаю, а говорят всякое... — нервно затеребила цепочку женщина.

— Вы, понятно, не в курсе, а другие что говорят?

— Кто что... да и Енцио этот, не любили его у нас.

— Так что могло с ним случиться, если он всего лишь пошел прогуляться с девушкой? У вас на острове наверняка все друг друга хорошо знают.

— Знать-то знают, только разве это поможет, если Монашка уже решила, — покачала головой женщина и вдруг с какой-то злостью добавила: — В море надо искать, в море!

Лола сразу почувствовала себя неуютно в маленькой полутемной лавчонке и, быстро попрощавшись, вышла на улицу. Самое странное, что в следующих двух барах и в магазине почти слово в слово повторили рассказ хозяйки сувенирной лавки, так же ссылаясь на мистическую Монашку и ожидая ее возвращения в замок.

«Надо поговорить с девушкой, с которой ушел Енцио, — рассуждала Лола, сидя на застекленной террасе ресторана. Не нравятся мне эти слухи вокруг Монашки — сами придумали легенду и сами начали бояться, галиматья какая-то... Но, с другой стороны, бояться есть из-за чего, парень-то пропал, да еще на небольшом островке».

Официант уже давно порывался закрыть широкие ставни, но все еще медлил, справедливо рассудив, что перед самым носом клиентки, уставившейся на замок, этого делать не стоит. Наконец он не выдержал и наклонился к ней:

— Я закрою ставни, вы не будете возражать? Это уже становится опасно.

Лола согласно кивнула, и он потянул за шнур — крайняя створка медленно поехала вниз. Она встала из-за стола, все еще не отводя глаз от разбушевавшейся стихии, мазнула прощальным взглядом по толстым стенам крепости и... замерла — на самом верху, на краю широкой стены стояла, покачиваясь от ветра, фигура в белой развевающейся одежде.

— Монашка! — невольно вырвалось у нее.

Молния, как будто по заказу, вспыхнула над самой башней, и фигура протянула руки в мольбе.

— Где Монашка?! Что вы там такое увидели?! — Официант бросил шнур и подскочил к Лоле.

— Да вон же! — указала она рукой, но на стене уже никого не было. Только вода струилась по окнам, и хмурый замок грозно стоял посреди моря, среди высоких волн, бешено бившихся о толстые стены.

Официант странно покосился на нее и пошел закрывать ставни.

«Что это было, что?! — судорожно думала Лола. — Не могла я перепутать, не могла! Пусть ветер и дождь, но когда молния озарила всю крепость буквально на три секунды, я ясно видела фигуру с простертыми вперед руками!»

Неясная тревога подступила к самому горлу, и ей вдруг так захотелось, чтобы Никола был сейчас рядом, погладил по голове, успокоил...

Зайдя в свой номер, Лола опять посмотрела на крепость. Замок находился прямо перед ее окном. Черт подери, что же происходит?! Может, позвонить в полицию?

Она никогда не стеснялась заявлять даже о самых сумбурных и неясных случаях, справедливо считая, что любое, даже самое несуразное, на первый взгляд, сообщение, может помочь следствию. Но такое! Монашка на стене замка! А главное, постояла и пропала, как будто ее там и не было! Лола все никак не могла отвести глаз от зловещего замка, выступающего из моря...

ГЛАВА 5

Когда Лола открыла глаза, дождь уже закончился, робкое солнце пробивалось сквозь все еще тяжелые облака, и замок уже не казался таким зловещим. Быстро позавтракав, все на той же террасе и с тем же, обслуживающим ее вчера официантом, она поехала встречать Стефано.

— Ну что, как ты здесь? — сразу спросил он, выходя первым с паромом. — Мне твой Капелини звонил, велел тебя одну никуда не отпускать, так что будем ходить, как сросшиеся близнецы. — Он поправил аппаратуру, перекинул сумку из руки в руку и взял Лолу под руку, чего никогда раньше не делал.

По дороге она рассказала ему о Монашке и о том, что видела ее на стене замка, потом решительно добавила:

— В общем, так, сейчас бросаешь сумку в номер, и идем в замок, надо разобраться, что это было. А еще надо поговорить с Франческой, которая танцевала с Енцио и, возможно, последняя видела его. В зависимости от полученной информации, свяжемся с каналом, и будем решать, выходить в прямом эфире или в записи, как приложение к новостям. С отцом Енцио подождем встречаться, пока сами хоть в чем-то не разберемся, а потом...

— Подожди, не тарахни! Не много ли для одного дня? Да и других журналистов я здесь не вижу, не лучше ли побольше интересного материала подобрать, а потом как громыхнуть им в новостях!

— Так я же сказала — «в зависимости от полученной информации».

— А с Монашкой этой совсем неплохо, наш народ мистику любит! Даже если это чушь полная.

— Какая чушь, если я своими глазами видела!

— Да я в этом не сомневаюсь, только кому придет в голову ночью по стене крепости расхаживать?

— Да еще во время грозы! — напомнила Лола.

— Но мы же не полиция в конце концов, мы не обязаны все выяснить и всех поймать, нам, главное, захватывающих фактов побольше, и чтобы народ смотрел и удивлялся. Помнишь, какого страху навели в местечке Платерно, когда там самовозгорания происходили? А какую передачу сделали «Гиены» (программа на итальянском телевидении) и какой рейтинг оторвали?! Сколько было домыслов и догадок! Сначала вся Италия, с подачи церкви, думала, что загораются квартиры грешников, и что на деревню наслано что-то вроде порчи, потом журналисты «наехали» на военную базу, располагавшуюся поблизости, обвиняя в излучении неизвестных доселе волн, подвергающих возгоранию жилища поселка!

— А оказалось все очень просто! Полиция схватила не вполне нормального парня, который развлекался тем, что поджигал обивки диванов и стульев квартир и домов жителей Платерно, — подхватила Лола.

— Вот именно! Так что Монашке твоей должно быть какое-то элементарное объяснение. Только я бы пока на нем не настаивал, а заинтриговал бы зрителей этой историей.

— Посмотрим...

Они подъехали к гостинице.

— Да, неплохо! — Стефано вылез из машины и подошел к краю обрыва, напротив которого возвышался Арагонезский замок. — А замок действительно хорошо виден и недалеко совсем, — добавил он, разглядывая неприступные стены. — Так в каком месте Монашка появилась?

— Вон там, с краю, рядом с башней, — указала рукой Лола. — Иди, клади вещи, я тебя здесь подожду, — подтолкнула она Стефано к входу гостиницы.

— Подождешь?.. Капелини не разрешил тебя одну даже на минуту оставлять.

— С каких это пор просьбы Капелини ты воспринимаешь, как приказы? Разве не я твой начальник? Иди, давай!

— Ладно, я быстро, — кивнул Стефано и запрыгал вниз по ступенькам.

Через пятнадцать минут они уже подъезжали к портовой площади, от которой шла дорога прямо к замку.

— Пешком до крепости дойдем, — сказала Лола, въезжая на парковку.

Они подошли к сувенирным лавкам, из которых многие были закрыты. Перед другими возились люди с метлами, очищая подход от нанесенной за ночь грязи и отгоняя воду.

— Добрый день! — увидела Лола вчерашнюю женщину. На этот раз на ней не было бижутерии, ее заменял ярко-лимонный платочек, завязанный под самое горло.

— А, это вы! — подняла голову женщина, облокотилась на ручку метлы и внимательно посмотрела на Стефано.

— Здравствуйте, — поздоровался он. — Досталось вам ночью, но жертв, кажется, нет, как я слышал?

— Да вроде нет. Никого деревом не придавило и оползнем не засыпало, слава Богу! А вы ничего нового про Енцио не узнали?

— Про Енцио — нет, а вот Монашку видели, — ответила Лола.

— Вы Франческу имеете в виду, которая Монашку изображала? — заметно напряглась женщина.

— Нет, настоящую, на стене замка и в белой одежде, вчера во время грозы, — выпалила Лола, не отрывая глаз от хозяйки лавки.

Та выронила метлу, которая плюхнулась в самую лужу, и с округлившимися глазами прошептала:

— Я так и знала!

— А что, что вы знали?! — подскочила к ней Лола.

— Да ничего! — зло бросила женщина и, повернувшись, зашла в лавку, даже не попрощавшись.

— Чего это она? — обескуражено произнес Стефано. — Вроде как разозлилась.

— А черт ее знает, здесь все такие чудные, особенно, когда начинаешь задавать вопросы про Енцио.

— Ну, на вопросы, положим, не каждый любит отвечать, только необычно как-то, что рядом с Неаполем народ такой зашуганный и неразговорчивый.

— Вот-вот, это и меня удивило, — сказала в ответ Лола.

По мокрой каменистой дороге они подходили к замку. Стоящий на застывшей лаве, он полностью закрывал блеклое солнце и вблизи казался еще огромнее.

Кассы были закрыты, ворота тоже, лифт, по которому можно было подняться на стены, не работал.

— Ну, вот и приехали! — сказал Стефано и стукнул в окошко кассы. — Смотри, сегодня нормальный рабочий день, а все закрыто. Не иначе твоя Монашка всех так напугала.

— Хорошо, если просто напугала, — покачала головой Лола. Предчувствие чего-то нехорошего стало подбираться к горлу. — В ворота постучи, должен же здесь быть кто-нибудь, — предложила она. — Возможно, после грозы убираются и не слышат.

Стефано направился к воротам.

В кармане у Лолы вдруг пикнул мобильный — Дана сообщала, что полицейские, отследив весь путь Енцио, после того как он ушел с праздника,

обнаружили следы драки в кустах в конце лимонного сада, правда, бескровные — всего лишь помятая трава и сломанные ветки, а далее на пяточке перед кладбищем парень будто испарился. Полиция пока не сделала окончательного вывода. Она провела анализ распечаток телефонных звонков и сообщений Енцио, но ничего подозрительного не обнаружила. Никаких угроз или предостережений. Телефон полностью отключился в два часа восемь минут, и больше не подавал признаков жизни. Это, примерно, через час после того, как Енцио ушел с Франческой.

В конце Дана написала, что с отделом полиции Искии у нее налажен контакт, и даже оставила телефон своего знакомого полицейского, на всякий случай.

Стефано тем временем устал долбить в дверь и недовольно проговорил:

— Нет никого! Что будем делать?

— Подожди, подожди! — За воротами послышались шаркающие шаги. — Тихо! Послушай, идет кто-то! — прошептала Лола.

— Кто там? Сегодня все закрыто! Да и расчищать начнут только завтра. Послезавтра приходите! — крикнул через стену старческий голос.

— Мы — журналисты с пятого канала телевидения! Нам срочно надо посетить замок! Откройте, мы вам покажем удостоверения!

— Не нужны мне ваши документы, все равно никого не пущу! — прокаркали из-за стены.

— То есть как?! — опешила Лола.

— А вот так! Да и грязь здесь по колено, вы в своих кроссовочках светленьких не пройдете! — язвительно произнес старик.

— А за мои кроссовки не беспокойтесь! — выкрикнула Лола и повернулась к Стефано: — Как он их увидел? Подглядывает где-то.

— Чего подглядывать-то, у меня глазок специальный, — услышал старик. — До свидания!

— Вот черт, не хочется день терять! — в сердцах бросила Лола.

— Пришли ведь уже к замку, — согласился Стефано. — Нам действительно очень нужно осмотреть крепость! — попытался вразумить он старика.

— Я бы и музей заодно посетила, здесь такой необычный Музей пыток! — неуверенно добавила Лола.

Шаги за стеной начали удаляться.

— Подождите, не уходите! Я сейчас позвоню в полицию! — Лола открыла номер полицейского, оставленный Даной.

Шаги остановились и затихли.

— Наш канал сотрудничает с вашим начальником полиции Асканио Боссети! Он в курсе, что мы ведем журналистское расследование!

— Ты что?.. — дернул ее за руку Стефано.

— Тс-сс-с! — Лола приложила палец к губам. — Молчи!

— Полиция полицией, а касса у нас не работает, — проскрипел голос сторожа.

— Так мы вам заплатим, а билеты нам не нужны!

Они услышали, как человек за стеной приблизился к входу и зазвякал ключами.

— Вот, так! — прошептала Лола.

— С Асканио Боссети, говорите, сотрудничаете?

В воротах показался бородатый старик, лицо его было словно вырублено из скалы, на которой стоял замок, фигура, темная и сутулая, соответствовала облику самой крепости. Он благосклонно взял деньги у Стефано и пропустил их внутрь.

— А что вы смотреть собираетесь, если не секрет?

— Сначала, вон ту стену, которая от правой башни отходит. А дальше — по ходу.

— А, ну-ну...

Лоле показалось, что сторож усмехнулся.

— Хорошо, что он про твою аппаратуру ничего не сказал, значит, спокойно можно снимать, — тихо сказала она.

Стефано вынул камеру из чехла и приготовился к съемке. Они стояли перед входом в каменную арку, которая шла в неосвещенный туннель и где-то наверху выходила наружу, пробиваясь вдали неярким лучом. Пол, состоящий из неровных широких камней, был засыпан мокрой землей, нанесенным песком и мелкими ракушками. Посередине тек маленький ручеек еще не пересохшей дождевой воды.

Они услышали, как заскрежетал ключ в замке.

— Это что, он дверь закрыл?! — испугано спросил Стефано.

— Ну да, они же сегодня не работают.

— А как мы потом выйдем?

— Ну что ты как маленький, в самом деле, старик здесь живет, скорее всего, работает сторожем. Когда понадобится, зайдем к нему и попросим открыть дверь.

Они стали подниматься по коридору, стараясь наступать на подсохшие островки грязи. Песок и ракушки скрипели под ногами, отдавая гулким эхом под арочными сводами.

Стефано снимал все подряд.

— Я ни на Искии, ни в замке никогда не была, зато посмотрела в Интернете — здесь несколько церквей, бывшая тюрьма, пара залов с временными экспозициями, Музей оружия и Музей пыток. Но сначала пойдем обследуем место, где я Монашку видела, — сказала Лола.

— А ты про Енцио не забыла? Или тебя это видение в белой одежде совсем из колеи выбило? С отцом парня еще не пообщалась?

— Думаю, пока не стоит его трогать. Он уже сделал заявление неаполитанскому телевидению по поводу пропажи сына, а во время праздника его даже на острове не было.

— Ты считаешь, что исчезновение Енцио как-то связано с появлением Монашки?

— Внутренний голос говорит, что да, связано. Не зря же парень пропал прямо во время праздника.

— Если учесть, что у тебя с внутренним голосом, обычно, все в порядке, то надо рыть в двух направлениях. Одно, в сторону самого Енцио, а другое — в сторону Монашки. Смотри-ка, — вдруг поднял камеру Стефано, — а вон там ресторанчик наверху. Представляю, какой оттуда вид на Искию и на море!

— Нам в другую сторону, а ресторан, к счастью, не работает, — сердито проговорила Лола и, глядя на неширокую стену, задумчиво добавила: — Кажется, где-то здесь я Монашку видела. А тут вполне можно стоять. Вот сейчас и попробую! — закинула она ногу.

— Не вздумай, как только залезешь, голова сразу закружится.

— А я все-таки залезу! Дай мне руку, а потом за щиколотки поддержи.

— Но зачем, Лол?!

В два приема Лола забралась наверх и медленно разогнулась, крикнув Стефано:

— За ноги бери и держи крепче!

Внизу билось темное море, горизонт закрывал высокий зеленый остров с гостиницами и домами, возвышающимися друг над другом, на площади все еще возились маленькие фигурки людей, очищая подход к магазинам и лавкам.

«Интересно, а меня кто-то из них видит? Надо бы потом узнать», — подумала она и стала слезать со стены.

— Ну, как ощущение? — спросил Стефано, когда Лола была уже на земле.

— Даже не представляю, как здесь можно во время грозы находиться и вниз не слететь. Если бы ты меня не держал, я бы распрямиться не смогла, так бы и осталась на четвереньках сидеть.

— Вывод?

— Человек, который сюда залез ночью во время дождя, был своего рода профессионалом, возможно, цирковым артистом. Больше ничего на ум не приходит. Мистику я исключаю. Ладно, пора возвращаться, только спустимся уже другим путем.

Они обошли оливковый сад и, войдя в следующий туннель, зашагали вниз, обходя лужи и грязевые наносы.

— Все-таки не зря мы сходили. Я, не попробовав, не догадалась бы, что это так трудно — стоять на стене крепости. А если учесть стихию, которая бушевала вчера, то...

— Человек рисковал жизнью! — вставил Стефано.

— Но ради чего?!

Вдруг от колонны в конце коридора отделилась черная тень и выскользнула из туннеля.

— Видел?! — Лола вцепилась в плечо Стефано.

— Да!

Они, не сговариваясь, побежали к светящейся солнечными лучами дальней арке.

— Что-то здесь происходит странное! — Стефано первый оказался на площадке перед часовней.— Куда он мог подеваться? — заглянул он в маленькую церковь.

Лола подошла к небольшой колонне, которой заканчивался проход.— Смотри-ка, здесь углубление! Вот тут и прятался человек! — Она зачем-то потрогала холодные камни.

— Значит, за нами кто-то следил! — испугано проговорил Стефано.

— Так здесь кроме сторожа никого вроде нет ... — задумчиво проговорила Лола. — Или это он и был... или здесь кто-то еще скрывается.

— Монашка! — вскрикнул Стефано.

— Только без глупых выдумок, пожалуйста! — строго сказала Лола, хотя неприятное чувство тревоги неожиданно вернулось к ней. А кто сказал, что это был мужчина? В промелькнувший тени пол человека разглядеть было невозможно.

— Ну а старику мы зачем нужны? Тем более он сам сказал, что один тут. Он же должен понимать, что мы не дураки, если увидим кого, сразу на него подумаем. — Стефано нервно закрутил ремень видеокамеры в руках.

— А мест, где можно притаиться, здесь полно. Все эти полуразвалившиеся и не отреставрированные церкви, темные коридоры, площадки с закоулками, — рассуждала вслух Лола.

— Лол, хватит уже, что-то мне и так тошно, пошли отсюда! Время уже второй час, а мы еще не пообедали!

— Со сторожем надо поговорить. Да и в Музей пыток я хотела заглянуть.

— Какой еще музей! Он-то зачем тебе понадобился?!

— Быть в крепости и не посмотреть пыточные приспособления?!

— Здесь без всяких пыток по голове дадут где-нибудь в очередном коридоре, и все, исчезнем, как Енцио!

— Не преувеличивай, никто же не дал пока. Да и музей рядом с выходом находится, попросим старика открыть, заплатили же за билеты.

Они зашагали вниз по лестнице. Яркое солнце совсем не грело, ветер становился все сильнее, нагибая редкие деревья и со свистом врываясь в длинный туннель

— А вот он Музей пыток! — Они подошли к тяжелой закрытой двери, и Лола тут же дернула ее.

— Ну, ясно же, что закрыто! — потащил ее в сторону Стефано. — Чувствуешь, какой ветрище! Как бы опять дождь не надуло!

Они были уже у последнего прохода, когда перед ними вырос сторож:

— Закончили осмотр? Нашли, что искали?

— А почему вы думаете, что мы что-то искали? — поинтересовалась Лола.

— Вы вроде сами сказали, или мне показалось? — неприятно усмехнулся старик, борода его вздрогнула.

«И что он все время щерится?» — подумала Лола, присматриваясь к старику и прикидывая, откуда он вышел.

— А вы здесь один находитесь, или еще кто-то есть в замке? — осторожно спросила она.

— Сейчас один. Я здесь живу, мне хозяева квартиру выделили. А в рабочие дни здесь много народу. Начиная с кассира, служителей музеев и выставочных залов, официантов и повара ресторана и заканчивая садовником. — Он говорил медленно и четко, отделяя одно предложение от другого. — Я вижу, у вас аппаратура профессиональная, обычно у нас не запрещено туристам снимать, а вот журналистам... даже не знаю. Будете замок по телевизору показывать?

— Будем, — честно ответила Лола.

— Как бы мне от хозяев не попало, — с сомнением посмотрел на камеру старик.

— Но отчего же? Это для вас ведь реклама, — возразила она.

— За рекламу, знаете, какие деньги платят?! А мы вас бесплатно покажем, — встрял Стефано.

— Ну-ну, посмотрим, — хмыкнул сторож.

— А этой ночью вы ничего странного не заметили?

— Нет, я во время дождя вообще сплю хорошо, — опять ухмыльнулся старик.

— Не могли бы вы нам Музей пыток открыть, очень хочется посмотреть, — попросила Лола.

— Сейчас, подождите, — сказал сторож и скрылся за незамеченной ими, обросшей вьюном дверью.

— Ну, зачем тебе эти орудия измывательства, — занял Стефано, — обедать же пора.

— Ты о чем-то другом кроме еды можешь думать?! — рассердилась Лола.

Через минуту старик вернулся с ключами и с серой тряпкой в руке.

— Идите за мной, — кивнул он.

Они вернулись к музею, сторож открыл высокую дверь, пропуская их в зал, зажег свет и буркнул:

— Налево — выставка оружия, а направо — пыточный зал.

— Это же надо так сказать, «пыточный зал»! — проворчал Стефано, стараясь, чтобы его не услышал старик. — Не нравится он мне, ох, не нравится!

Музей был совсем небольшой, Стефано постоянно подталкивал Лолу вперед, и они обошли его очень быстро.

Настоящих орудий пыток в экспозиции было не так уж и много, в основном, на стенах висели старинные рисунки, изображающие все эти приспособления — от самых простых до самых изощренных. Осмотрев все имеющиеся экспонаты, Лола и Стефано вышли во двор.

У ворот сторож чистил лопатой площадку перед входом в замок.

— До свидания! — попрощался он, открывая им ворота.

— Сегодня в замке никого кроме вас нет? Мы правильно поняли? — на секунду задержалась рядом с ним Лола.

— Правильно, правильно, — хмыкнул старик, вставляя ключ в замочную скважину. — Заходите еще!

— Спасибо, нам вполне достаточно одного посещения, — ответил Стефано и потянул Лолу к дороге.

ГЛАВА 6

Грация ушла на работу, а отец, скорее всего, появится только вечером.

Франческа включила телевизор на полную громкость, чтобы слышно было во всех комнатах, и начала мыть посуду, оставшуюся еще со вчерашнего ужина.

Непогода, которая, казалось, обошла городок стороной, все-таки принесла несчастье. Утром, когда все убытки, нанесенные грозой и ветром, были подсчитаны, и народ занялся расчисткой дорог от упавших деревьев, перевозкой покореженных машин и уборкой грязи, нанесенной потоками дождя, выяснилось, что хозяин одного из ресторанчиков погиб, погребенный под обрушившейся крышей своего заведения, на которую спустился земляной оползень.

Жители острова, и так озабоченные проблемами, оставленными непогодой, окончательно помрачнели, а местное телевидение, забыв о пропаже Енцио, без перебоя показывало работу полиции и пожарников по расчистке острова.

После ухода Грации Франческа, оставшись одна, опять впала в отчаяние.

Она влюбилась в черноглазого, спокойного, так не похожего ни на кого Енцио еще маленькой девочкой, скорее это было детское обожание, но с течением времени оно не оставляло ее, а переросло в первую девичью любовь, с невинными и захватывающими снами и фантазиями.

Енцио же не только не обращал на нее никакого внимания, хотя они жили недалеко друг от друга и были знакомы с самого детства, а относился к ней с холодной насмешливой вежливостью, что, как ей казалось, не оставляло ей ни единого шанса.

Лучано был ужасно недоволен, узнав, что Франческа так и не оставила свою затею во что бы то ни стало обратить на себя внимание Енцио, когда тот вернулся на Искию после окончания университета и годичной практики в одном из известных столичных отелей. Но никогда напрямую плохо не говорил о парне, стараясь подвести ее правильному решению, неназойливо убеждая примерами и наводящими фразами.

Франческа знала, что семью Енцио Бротто недолюбливали на Искии, а самого парня даже не считали за местного. Когда много лет назад в автомобильной катастрофе погибла мать Енцио, Лаура, поговаривали, что его отец, сидевший за рулем, был пьян, поэтому мало кто из островитян по-настоящему соболезновал убитому горем Карло. Франческа была еще маленькая, но картина плачущего навзрыд взрослого мужчины, только что потерявшего жену, навсегда осталась в ее памяти.

Она хорошо запомнила этот день, как вытаскивали черную покореженную машину, докатившуюся до самого моря, как дрожал и тарачил глаза худенький Енцио, еще не отошедший от шока, и как, придя домой, ее отец сел в кресло и просидел так весь вечер, не двигаясь и не произнося ни слова. А когда маленькая Франческа, измученная нависшей тишиной, спросила: «Пап, ну что ты так? Ведь это не наша мама умерла!» — он вдруг притянул ее к себе, и Франческа почувствовала, как в его груди что-то дернулось, заклокотало, и на ее маковку упала горячая капля.

Посуда была вымыта, пол подметен. В саду тоже полный порядок. Она остановилась перед экраном телевизора — на переднем плане давал интервью начальник полиции, а на заднем Лучано с группой пожарных подставляли балку под готовым обвалиться куском крыши.

— Ой, папка! — обрадовано вскрикнула Франческа и тут же вздохнула, вспомнив, что сегодня ее ожидает еще один непростой разговор с отцом.

Она уже решила, что пойдет в полицию — ну и что, что не рассказала все сразу! Ничего страшного, просто испугалась! Это с каждым может случиться! Даже если отец опять возьмет ее под свою защиту и постарается успокоить и отговорить, она уже решила! И хотя Енцио оказался совсем не таким, как она столько лет подряд представляла себе в своем воображении, придется рассказать все, как было.

Франческа опять взглянула на экран — Лучано залез под завал, державшийся на одной балке, за ним двигались двое пожарных, несущих носилки.

Так это тот ресторан, где под оползнем хозяин погиб! — догадалась Франческа. — Но почему отец вперед полез, он же начальник давно, мог бы просто руководить, и все. Вон как Боссети, стоит себе спокойно, интервью дает, а полицейские работают!

Неожиданно зазвонил домофон. Франческа подошла к окну, откинула занавеску — перед домом стояли высокий темноволосый мужчина и девушка, показавшаяся ей знакомой. Когда она приоткрыла дверь и высунула голову, мужчина тут же вскинул видеокамеру, которую она раньше не заметила. Наверное, дом перепутали, успокаивая себя, подумала Франческа.

— Привет! Это ты — Франческа, которая Монашку на празднике изображала? — крикнула светловолосая девушка.

— Я, — обескуражено ответила Франческа.

— Можно поговорить с тобой? Выйдешь сюда, или мы зайдем?

Неужели это связано с пропажей Енцио? Или это отголоски праздника, и у нее возьмут интервью как у главной героини? Но разум подсказывал, что к празднику это не имеет никакого отношения. Франческа узнала журналистку с пятого канала, она занималась только криминальными расследованиями. Сердце забило скачками, и первым ее желанием было убежать и спрятаться.

— Я сейчас выйду! — крикнула она и, захлопнув дверь, тихо опустилась на стул.

Что же делать? Отца нет рядом, посоветоваться не с кем. Понятно, что разговор коснется исчезновения Енцио. Затаиться дома? Подождут, подождут, да и уйдут... Нет, правильнее будет повторить все, что она уже сказала полиции!

Франческа одернула бежевый свитер, переодела домашние шлепанцы на короткие мягкие сапожки, быстро налила воды, сделала два глотка, остальное плеснула на руки и провела ладонями по волнистым волосам. Сразу почувствовав себя увереннее, вышла на крыльцо.

— Проходите в сад! — Она открыла калитку и подвела гостей к столу, стоявшему под гранатовым деревом.

Когда они сели за стол, журналистка достала блокнот и ручку и повернулась к девушке:

— Ну что, расскажешь нам про праздник?

— А какой вы имеете в виду? — уточнила Франческа, изобразив на лице полную наивность.

— А что, их у вас тут много? — с сарказмом спросила журналистка.

— Самый главный — Святой Анны, когда инсценируют пожар, произошедший когда-то давно в замке. Потом фестиваль неаполитанской песни на острове проводят, потом...

— Нас интересует праздник Монашки, где ты изображала главную героиню, — прервала ее Лола.

— А, ну да, конечно. Когда меня выбрали на роль Монашки, я очень обрадовалась и репетировала целую неделю, так как там совсем не просто по стене ходить.

— Так ты прямо по стене замка ходила, или это как-то по-другому было сделано?! — сразу заинтересовалась Лола. Она вспомнила свою попытку залезть на стену и ветер, подкосивший ее ноги и чуть не столкнувший ее в море.

— По стене, конечно! — с гордостью заявила Франческа. — Только мне лонжу прикрепили под одежду, и двое полицейских меня страховали, да и место выбрали самое широкое.

— А где это широкое место находится?

— Если отсюда на замок смотреть, то слева с самого края.

«А я монашку видела, справа, где стена узкая и даже стоять было страшно», — подумала Лола.

— А мы-то в другую сторону ходили! — вдруг воскликнул Стефано.

— Об этом потом поговорим, — оборвала его Лола. — Вот походила ты по стене, спустилась на дорогу, вышла на площадь и пригласила на танец Енцио. Так было запланировано, или ты сама его выбрала?

Вот и подобралась к самому важному, сердце Франчески гулко стукнуло.

— Да, сама, — ответила она, изо всех сил стараясь скрыть волнение.

— А почему, можешь объяснить?

Ответ они еще с отцом заготовили для полиции, так что Франческа просто повторила заученное и постаралась это сделать естественно:

— Случайно так получилось. Своих местных не хотела, к тому же организаторы праздника намекали мне, что, мол, из туристов пригласи кого-нибудь. А тут увидела Енцио, он хоть и родился здесь, и в школу ходил, а как в Рим уехал, так в чужого превратился, вот я и решила его выбрать. Вроде свой, да не совсем...

— Вы с ним потанцевали и вместе ушли, насколько я знаю, после чего его никто больше не видел.

Хитрющая эта журналистка! А уставилась как! Как будто и впрямь допрос ведет, а не интервью берет!

— Вы прошли по набережной, завернули в ближайший переулок и направились к лимонному саду. Так?

Так она, и правда, что-то знает, запаниковала Франческа. Откуда ей известно, что мы через сад проходили?

— Ну да, вроде... — прошептала она и, не выдержав, опустила глаза.

— Пересекли сад, вышли к церкви... Направились к кладбищу, — тем временем продолжала Лола, — и вот здесь, между кладбищем и церковью, что-то произошло. Что?! — впилась она взглядом в девушку.

— Но мы с Енцио только по саду погуляли, а потом я домой пошла, — сдержанно ответила Франческа.

— Одна? — не сдавалась Лола.

— Одна. Он был очень пьян, даже провожать не пошел, если бы я сразу это поняла, то ни за что не пригласила бы его на танец.

— А дома ты тоже одна была? — Лолу не оставляла уверенность, что девушка что-то скрывает.

— Нет, с папой, он как раз с работы вернулся.

— Хорошо, спасибо. Смотри наш репортаж по розыску Енцио, там и твое интервью покажем, — сказала на прощание Лола, многозначительно переглянувшись со Стефано.

Как правило, молодые девушки готовы на многое, только бы оказаться на экране телевизора, но Франческа не проявила никакого интереса, и вопрос, который правомерно ожидала Лола: — «А когда покажете?» — так и не был задан.

ГЛАВА 7

Стефано компоновал материал, а Лола связалась с каналом и в двух словах объяснила ситуацию.

— Выходить в прямом эфире пока не вижу никакого смысла, так что сбрасывайте репортаж, покажем в приложении к вечерним новостям, — назидательно говорил режиссер, которого Лола сильно недолюбливала. — Все-таки два слова скажи перед началом — о ночной стихии и о том, как жители при помощи полиции и пожарников с ней справляются.

— Хорошо. — Она и сама собиралась это сделать.

— А про Монашку — совсем неплохо, мне даже нравится. Ничего страшного, что не удалось заснять, как она появилась, своими словами

расскажешь, тебе поверят. Только свяжи это с пропажей Енцио, иначе уподобишься передаче «Новости из потустороннего мира».

Лола и с этим была вполне согласна, так что на этот раз спорить и отстаивать свою точку зрения не пришлось.

— Если события будут развиваться и заинтересуют зрителя, мы тебе техников вышлем для прямого эфира, — благосклонно добавил режиссер.

Первый кусок репортажа Лола провела еще на площади, перед тем как пойти обедать, хотя ей и стоило большого труда уговорить Стефано провести съемку. Она коротко рассказала о последствиях ночной бури, разразившейся этой ночью на острове, и плавно перешла к поиску Енцио и к интервью, которые им удалось взять.

Вторую часть они решили посвятить замку и сделали все, можно сказать, не выходя из номера гостиницы, благо балкон смотрел прямо на крепость. Лола начала с повествования о легенде, поведав о празднике и главной героине Франческе, не забыв про Енцио и его исчезновение тем же вечером, и, наконец, эмоционально рассказала, как была поражена, увидев Монашку на стене крепости.

— Ну что ж, очень миленько. — Стефано уже перекинул все на компьютер и просматривал материал.

— Но не более того, — покачала головой Лола. — Как-то не закончено...

— Закончено будет, когда Енцио найдем и про Монашку все выясним.

— Тоже верно, — не очень уверено согласилась Лола. — Знаешь что, вставь все-таки тот момент, где я на стене стою, чтобы зритель прочувствовал, как там можно ночью во время грозы продержаться.

— Я же тебе сразу сказал, что хороший кусок, а ты — «да нет, не надо, место, где я Монашку видела, покажем, и хватит». Теперь вот придется все менять, да и текст тоже.

— Ладно, не ворчи, всего несколько фраз наложим, это не сложно, — урезонила его Лола.

Стефано, наконец, оторвался от компьютера и отправился в бар, «пожевать перед ужином», а Лола решила пересмотреть кадры, записанные на скрытую камеру, спрятанную внутри сумки, которую она всегда брала с собой во время расследований. Это были три куска — со стариком из крепости, в саду у Франчески, и разговор с хозяйкой лавки на площади.

Все они по-своему казались ей подозрительными — сторож пугал неприятными усмешками, не говоря уже о слезке, с которой они столкнулись внутри замка, и в которой Лола совершенно уверилась, пересмотрев запись. Франческа, на первый взгляд располагающая к себе, однозначно

вела какую-то свою игру и что-то недоговаривала, да и хозяйка лавки вела себя, по меньшей мере, странно.

Закончив просмотр, она выключила компьютер и тоже спустилась в ресторан. Стефано небось совсем оголодал, ожидая ее к ужину!

В дверях ресторана ее встретил импозантный мужчина:

— Добрый вечер и добро пожаловать на Искию!

Наверное, хозяйин гостиницы, сообразила Лола.

— Очень рады вашему приезду. Прекрасный репортаж, очень интригующий, очень! Меня зовут Убалдо Мерлини. А вы — Лола с пятого канала, если не ошибаюсь?!

— Не ошибаетесь, — ответила Лола, чувствуя, что настроение как-то сразу улучшилось.

— А с вашим коллегой мы уже познакомились. — Мужчина развернулся, указывая на Стефано, сидевшего за барной стойкой.

Тот слез с высокого стульчика и подошел к ним, не переставая хрустеть орешками, которые держал на блюдечке.

— Ну что, на ужин! — бросил он в рот очередной орех и открыл перед Лолой дверь в ресторан.

Убалдо проводил их до столика.

— Если позволите, я вас сам обслужу, у нас сегодня отличный ризотто с омаром и кальмары на гриле.

— Только, пожалуйста, порции побольше, — попросил Стефано.

Когда хозяин удалился, Лола, наклонившись к Стефано, сказала:

— А ты его про Енцио и про праздник не выпросил поподробнее?

— Почему же, выпросил, конечно. Енцио он знал мало, да и по возрасту тот ему в сыновья годился, а вот с отцом его сталкивался по работе. Недолюбливают их семью на острове, несмотря на то, что у Енцио здесь мать погибла.

— А как погибла, не знаешь?

— В автомобильной катастрофе. Енцио тогда лет двенадцать было, не больше.

— Жаль парня. И куда он мог подеваться?..

Тут в дверях кухни с запотевшей бутылкой белого вина в руках показался хозяин, за ним следовал официант с полным подносом, на котором лежали тарелки с салатом из морепродуктов и еще чем-то вкусным.

— Вот это я понимаю, ужин! — воскликнул Стефано.

— Вино — в подарок от заведения. — Убалдо обвязал белоснежной салфеткой горлышко бутылки и аккуратно разлил напиток по бокалам.

— Выпейте с нами, — предложила Лола, надеясь выведать еще что-то про автомобильную катастрофу, в которой погибла мать Енцио.

Он тут же поставил третий бокал, присел за столик и вежливо поинтересовался:

— Ну, как вам у нас на острове, понравилось? Конечно, вы в такой неудачный момент попали. Я тут вашему коллеге рассказывал о наших проблемах. — Он поднял бокал и посмотрел на просвет: — Хорошее вино выдалось, солнца в прошлом году было много.

— Вы Стефано про автомобильную катастрофу говорили, в которой мать Енцио погибла, а как это произошло и где? — сразу перешла на интересующую ее тему Лола, ей совсем не хотелось выслушивать о трудностях гостиничного хозяйства и производстве вина на острове.

— Произошло это совсем недалеко, больше десяти лет назад. Вы этот отрезок дороги наверняка проезжали, когда из порта ехали. Высокое такое место над морем и узкое. Они всей семьей из Неаполя домой возвращались, а путь только один...

— Так в машине были отец Енцио, его мать и он сам?

— Да, именно так. Парень почти сразу из открывшейся двери в кусты выпал, а Карло с Лаурой аж до моря докатились, пока машина на камни не села. Когда их вытащили, Лаура была уже мертва. Такое несчастье!

— А, правда, болтают, что Карло был нетрезв за рулем в тот вечер?

— Не знаю... У нас много на этот счет потом спорили, но я только одно могу сказать, если бы Карло и посадили за ДТП в пьяном виде, Енцио без матери и без отца остался бы. Так что ... — Убалдо замолчал и задумался. Потом снова наполнил бокалы и произнес: — Давайте лучше за вас выпьем и за всех журналистов в вашем лице!

Они выпили. Вино было легкое и приятное.

— Я понимаю, конечно, что вы приехали в связи с исчезновением Енцио, но про Монашку тоже не забывайте, — снова заговорил хозяин заведения.

— Посмотрим, — сдержанно ответила Лола. — Я хоть и видела фигуру в белом на крепостной стене, до сих пор не могу понять, что это было, и зачем там кому-то, рискуя жизнью, расхаживать. Может, полиция заинтересуется этим случаем после нашего репортажа. Самой мне, честно говоря, не хочется их по поводу Монашки беспокоить.

— Полиция?! При чем здесь полиция?! — испуганно заговорил Убалдо. — Кому она помешала, эта фигура! Или убила кого?! Да и вообще, с приведениями лучше не связываться!

— Так это у вас на острове все в один голос кричат, что Монашка Енцио забрала, вот и делайте вывод! — довольно резко сказала Лола.

— Какой вывод?! При чем здесь Монашка?! — возбужденно воскликнул хозяин.

— Нам бы такое и в голову не пришло, — поддержал Лолу Стефано, — а здесь вся Иския гудит: «Монашка парня утащила!»

— Ну, я не знаю... — окончательно растерялся Умбалдо. — А что, это так важно?

Действительно, чего я к нему пристала? — подумала Лола. — Но почему такая реакция? Что-то не понравилось ей в поведении Умбалдо — тема Монашки приводила его в сильное беспокойство.

— Ну что же, вы сидите, на замок любуйтесь, официант в вашем распоряжении, а я пойду, пожалуй. Спокойной ночи! — Хозяин поднялся и быстрым шагом направился в сторону кухни.

Лола и Стефано, как по команде, посмотрели на крепость. Большая лимонная луна висела над самым замком, превращая его в сказочный суровый дворец, поблескивающий влажными от волн стенами.

— Красиво! — сказал Стефано, кладя в рот дольку апельсина. — Представляю, каков он в подсветке во время праздника. А если еще прелестная девушка наверху прогуливается! Понимаю, почему сюда туристы из других городов приезжают. Надо бы ночью крепость заснять, и вообще я бы от темы Монашки подождал уходить.

Они допили вино и разошлись по номерам.

В течение дня Лола перекинулась несколькими сообщениями с Николой и теперь, в тишине и спокойствии ночи, предвкушала, как услышит его утомленный и ласковый голос.

Она прилегла на кровать, взяла телефон, но, перед тем как нажать «Капелини», бросила взгляд на замок и остолбенела, загипнотизированная невероятным зрелищем — на освещенной полной луной крепостной стене белела женская фигура.

— Стефано!! — сдавленно воскликнула Лола и стукнула в стену, благо их номера были рядом. Ей почему-то казалось, что, заори она в полный голос, Монашка, услышав крик, не удержится наверху. — Стефано! Смотри, Монашка на крепости!!!

— Вижу! — послышался испуганный возглас, за ним топанье ног и стук чего-то об пол.

Это он со страху аппаратуру уронил, догадалась Лола, бросившись на балкон.

— Снимай!! — крикнула она Стефано, наставляя дрожащими руками фотоаппарат, который захватила с собой перед отъездом на Искию.

Фигура в белой одежде стояла, разбросав руки, как будто готовилась к полету. Вдруг она вздрогнула и пошла вперед.

Господи! Там невозможно ходить! Да она упадет!

На смежный балкон выскочил Стефано с камерой:

— Черт! Черт! Что это!?

— Снимай уже!!!— завопила Лола.

Монашка все двигалась вперед, как будто плыла по воздуху, а Лола, вспомнив, что стена там сильно сужается, опустила фотоаппарат и в ужасе застыла.

Фигура остановилась, накренилась вперед, готовясь к прыжку, еще и еще... Лола ойкнула... А Монашка, сорвавшись со стены, уже летела вниз, все так же раскинув руки.

Раздался громкий всплеск, и море приняло в свои объятия белую фигуру.

— Надо спасателям звонить! — тихо проговорила Лола, не ожидавшая такой развязки.

— Лучше сразу в полицию, они сами разберутся, кого на место вызвать, да и проверят все заодно.

— Да, да, ты прав. У меня где-то телефон местного начальника есть, Дана прислала.

Лола быстро нашла номер и судорожно начала нажимать кнопки.

— Подожди секунду, — остановил ее Стефано, — тебе ничего странным не показалось?

— Господи, да тут все странно! Но человек-то в море упал!

— Посмотри, как она по стене идет. Так люди не ходят! — задумчиво произнес Стефано, разглядывая заснятые кадры.

Лола ничего не ответила, нашла в мобильнике координаты полицейского и решительно набрала его номер.

— Добрый вечер, извините, что так поздно, — начала она.

— Да, я вас слушаю и, кажется, я вас узнал. Вы — Лола, журналистка с пятого канала.

— Совершенно верно, мне ваш телефон Дана передала.

— Я знаю. Что-то случилось?

— Да, буквально минуту назад мы наблюдали, как женщина в белом сорвалась со стены крепости.

— Что?! Монашка?!

«Да они все здесь с ума посходили!» — промелькнуло в голове у Лолы.

— Женщина, одетая в светлую одежду, — не без язвительности в голове уточнила она.

— Вы на машине?— быстро спросил полицейский, наконец, реально оценив происходящее.

— Да, — ответила Лола.

— Подъезжайте на площадь перед замком, укажете нам точное место, где это случилось.

— Пошли!— Лола схватила куртку. — Оторвись уже от камеры! Время терять! — прикрикнула она на Стефано.

ГЛАВА 8

Лучано сидел перед телевизором и допивал красное вино.

Франческа давно спала в своей комнате.

Когда он пришел с работы, дочка ждала его. Они разговаривали долго, и этот разговор отнял у Лучано последние силы. Бедная неопытная девочка! Она не представляет, чем все это может обернуться!

Он так и не смог уговорить ее подождать еще. А с другой стороны, чего ждать, если ничего уже не изменишь?

Начальник полиции был другом детства Лучано. Проходя практику после университета в разных городах, они на какое-то время потеряли друг друга, но, вернувшись на Искию, возобновили юношескую дружбу, так что Лучано старался держаться в курсе всего расследования, версии которого от него и не скрывали. Зная, что пока полиция не обладает ничем конкретным, он не опасался за Франческу.

Его раздумья прервал резкий телефонный звонок.

— У тебя рабочий катер на ходу, я надеюсь? — даже не поздоровавшись, сразу спросил начальник полиции Асканио Боссети.

— Да. А что случилось?

— Да Монаш... — запнулся Боссети, — женщина со стены замка только что бросилась. Надо на катере подъехать, а наш как раз на профилактику сегодня поставили.

— Да...Я понял... — Лучано мгновенно вскочил с кресла. Сердце в груди тревожно заколотилось.

— Так что с катером, дашь? — спросил Асканио.

— Я сам в порт приеду и позвоню дежурному. — Лучано провел ладонью по вспотевшему лбу. — Встречаемся на площади.

Бросив машину перед магазином, Лола и Стефано подбежали к уже приехавшим полицейским.

— Асканио Боссети, — представился подошедший к ней полицейский. — Итак, что вы видели? А главное, где?

— Вот купол церкви монастыря, — показала рукой Лола. — Справа от него на стене появилась женщина в белом, потом двинулась...

— Все понятно, — прервал ее Боссети. — Ждите нас здесь, у меня к вам еще есть вопросы. На катер! — повернулся он к группе полицейских.

— То есть как, ждите здесь?! — возмутилась Лола. — Мы с гостиничного балкона видели, там ракурс совсем другой, могли и ошибиться! — схирила она. — Надо бы поближе.

— В этом нет никакой необходимости, — приблизился к ним какой-то человек в штатском и, повернувшись к Асканио, сказал: — Я, пожалуй, с вами поеду.

— Зачем, Лучано? Ты третьи сутки уже работаешь! Отдыхай! — похлопал его по плечу Боссети.

Они стояли, переговариваясь, и как будто забыли про Лолу.

— Пошли! — потянула она Стефано за руку.

— Куда? Нам же сказали ждать!

— Тихонько проберемся на катер, не выгонят же.

— Может, и не выгонят, а вежливо попросят уйти.

Катер был на ходу и урчал, покачиваясь на волнах, несколько полицейских уже сидели внутри.

Лола уверенно поднялась по шаткому настилу и, как ни в чем не бывало, весело поздоровалась с ними:

— Добрый вечер!

— Добрый! — вразной ответили полицейские, видимо, не зная, что журналистам было указано ждать на берегу. — Проходите, садитесь!

Не успели Лола и Стефано усесться в самый темный угол, как на катер поднялись Боссети с женщиной в штатском. Как им объяснили, это был начальник пожарной охраны. А также отец Франчески, вспомнила Лола, присматриваясь к невысокому человеку с усталым лицом.

Море было достаточно спокойное, и она подумала, что, если женщина не разбилась о камни, возможно, ее еще можно спасти.

Катер встал ровно напротив выступающего из-за стен купола. Черная вода спокойно плескалась о борт, фары катера и фонари полицейских высвечивали темную гладь моря, но ничего похожего на человеческую фигуру видно не было.

— Алло! Прием! — проскрипел в рации чей-то голос.

— Прием! — подняв ее к уху, ответил Боссети. — Ну-ну... Я так и знал. Спал, ничего не слышал, ничего не видел.

«Это он про старика из крепости! — догадалась Лола. — Как же я про него забыла! Но если старик сказал полиции, что спал, то нам нечего и подступаться. — Она вспомнила бородатого сторожа, удивительно похожего на саму средневековую крепость. А ведь там за ними однозначно следили! — Ничего, ничего, вот вернемся на землю, я все полиции расскажу! Как он мог ничего не видеть, если вход в замок только один! Как Монашка могла войти? Кто ее впустил?»

Они подъехали к самой стене. Все сгрудились у края борта и молча смотрели на волны, тихо лизавшие крепостные камни. Поняв, что с катера ее уже никто не высадит, Лола осмелела и заметила полицейскому:

— Здесь течение есть какое-нибудь? От него тоже многое зависит. Может, человека отнесло далеко в сторону.

— Течение есть, и мы его учитываем, но начинать все равно надо с места падения, — ответил Боссети.

Прошло более часа. Они уже второй раз объезжали замок — сломанное весло, несколько пластиковых бутылок, какие-то палки, засевшие в водорослях между камней, вот и все, что можно было разглядеть в ночном море.

Стефано изо всех сил старался быть незаметным, да и Лола начала чувствовать себя неловко — неужели зря полицию побеспокоили?.. Но они не могли ошибиться! Оба видели, как женщина упала в море! — отгоняла она от себя наседающие сомнения.

Так ведь есть еще и фильм! Хотя Стефано и дрожал от страха, что-то же ему удалось снять! Недаром он все бубнил, что люди так не ходят!

— Стоп! — вдруг крикнул начальник пожарной охраны и резанул рукой воздух, как шашкой. — Смотрите, вон там!

За высоко выступающим острым камнем мелькнуло что-то белое.

Мотор катера взревел и резко сменил направление. Подъехав вплотную, они увидели мокрую ткань, зацепившуюся за выступ камня.

— Вытащить вещдок! — скомандовал Боссети. — Только не крюком, а то порвете.

Один из полицейских нагнулся за борт и подцепил большими щипцами белую материю. Сразу стало понятно, что она имеет форму длинного платья или рубашки. Дав стечь воде, Боссети положил ткань в большой целлофановый пакет, который тут же запечатал.

— А сама женщина где? — прошептал Стефано.

— Возможно, она уже в воде освободилась от неудобной и тяжелой одежды, — предположил рядом сидящий полицейский.

— А может быть, течение с нее платье стянуло или за камень зацепило, — задумчиво проговорил начальник полиции.— Лучано, а ты как думаешь? — обратился он к пожарнику, который не отрывал напряженного взгляда от моря.

— Скорее всего, она об эти выступы ударилась, так что сама вряд ли могла одежду снять, — ответил тот.

Лола заметила, что пальцы Лучано, вцепившиеся в борт катера, побелели от напряжения.

— Что значит, «сама не могла снять»? — испуганно проговорил Стефано.

— То, что, ударившись, она умерла, а, как ты понимаешь, мертвое тело раздеться не может, — тихо сказала Лола.

— Какие ты всегда ужасы говоришь! — пробормотал Стефано.

— А ты глупых вопросов не задавай! — отрезала Лола.

Со стороны порта показались две моторные лодки с местными рыбаками, видимо, выехавшими на помощь. Одна сразу крутанула вокруг замка, другая остановилась рядом.

— Нашли кого? — крикнули с лодки.

— Пока только одежду! — ответил Лучано.

— Здесь под водой сплошь скалы из застывшей лавы, вы на катере близко не подъедете!

Словно подтверждая эти слова, дно катера вдруг затрещало.

— Эй! Сдавай назад! — скомандовал Асканио.

— Мы здесь все проверим, наша должна проехать! — прокричал рыбак.

— Договорились!

Катер дал задний ход и благополучно выбрался в открытое море.

Не приближаясь к камням, где уже крутилась лодка с местными рыбаками, они проверили весь квадрат места падения женщины, прошлись вдоль берега и еще раз объехали замок.

Становилось все холоднее, и Лолу пробирал озноб. Она очень боялась увидеть мертвое тело, хотя изо всех сил тарачила глаза на черные волны, которые вздымались все выше.

— Водолазов придется вызывать, — сказал Боссети. — Только они завтра с утра не успеют из Неаполя подъехать...

— А теперь чего им спешить! Разницы никакой — с утра приступить или днем, — заметил полицейский, державший пакет с выловленной белой одеждой.

— Все! Завтра утром другая группа выйдет на поиски. А на сегодня хватит, — скомандовал Боссети, — поворачивай в порт!

Все притихли, кто-то выключил фонарь, и только начальник пожарной охраны продолжал внимательно вглядываться в темноту моря.

Ответив на все вопросы Боссети, которых, к счастью, было немного, и не забыв рассказать про слезку, которую они заметили в замке, Лола и Стефано вышли на площадь.

Несмотря на позднее время, народу здесь прибавилось, стояли группками и тихо переговаривались между собой. Журналисты с неаполитанского телевидения брали интервью у миловидной востроглазой женщины. Лола и Стефано подошли поближе.

— А потом Монашка встала, закачалась и — к-а-а-к прыгнет! Я сама все видела! — Для большей убедительности женщина округлила глаза, которые у нее и так были большие.

Лола заметила, как оператор взял крупный план — такие глаза грех не показать. Значит, на этот раз не одни мы Монашку видели, подумала она.

— Так она прыгнула или случайно упала? — спросил журналист.

— Ее толкнул кто-то! — подал голос стоявший здесь же седой мужчина. — Качалась — это точно, а потом как полетит!

— Как вы слышали, — повернулся журналист на камеру, — многие видели Монашку, но упала ли она сама, или ее кто-то толкнул, мнения свидетелей расходятся.

— А к нам никто и не пристает с вопросами, — тихо произнес Стефано.

— А чего зря приставать? Не трудно же догадаться, что все интересное для себя придержим, а то, что мы одежду нашли, им давно известно. Чтобы у неаполитанского телевидения, да не было своих людей в полиции!

— А еще у меня пленку утащили, которую я для теплицы купила! — потянула на себя микрофон остроглазая женщина. — У нас такие вещи обычно не воруют. Профессионалы виллы чистят, это да, а по мелочи никто ничего не трогает, все же свои. Вот я и подумала, что что-то здесь не то!

— Розы! Ты своей клеенкой уже всем мозг вынула! — укоризненно проговорил седой мужчина.

— Не клеенку, а пленку для теплицы! — обиделась Розы. — Вот кому она нужна, кому?!

— Ну, не Монашке же! — сказал журналист и сделал знак оператору отключить камеру.

— Мне теперь придется в Неаполь ехать, покупать. А стащили как раз в ночь, когда праздник был на площади. И Енцио пропал, и пленка моя.

— Очень удачная логическая цепочка — Енцио, клеенка и Монашка, — попытался вырвать микрофон из цепких рук Розы журналист. — Вам бы в полиции работать.

— Не клеенка, а пленка! — упорно повторила она. — Когда нас по телевизору будете показывать?

— Так показали уже! — хохотнул журналист. — Но наверняка в утренних новостях повторят, — успокоил он расстроившуюся, было, женщину.

— А где вы живете? — выступила вперед Лола.

Розы оценивающе посмотрела на нее, но тут же узнала:

— Лола с пятого! Здорово! А почему не снимаете? — указала она на Стефано с камерой, забыв про заданный вопрос.

— Да мы уже сняли все, что надо. Так все же, где вы живете?

— Вон там, напротив кладбища. — Роза показала вверх, где в свете луны просматривались черепичные крыши домов, стоящие на склоне один над другим.

Лола тут же вспомнила, что ищейки потеряли след как раз перед кладбищем, и поинтересовалась:

— А вы сами в ту ночь что делали?

— Работала, пока туристы не разошлись. У меня тут джелатерия (магазин мороженого) маленькая, на набережной, — пояснила Роза, — под утро только закончила. Пока убралась, двери закрыла, домой в четвертом часу вернулась.

— А пленку-то когда украли?

— Вот тогда и украли. Как с праздника Монашки вернулась, а пленки уже и нет.

— Лол, нам еще с каналом связываться и репортаж готовить, — потянул Лолу в сторону Стефано.

— А вы ее прямо на улице бросили? — Лола и сама не понимала, что ее так зацепило.

— Рядом с входом положила, в саду. Правда, калитка у меня на ключ не закрывается, но никогда ничего не пропадало...

— Все, большое спасибо, — торопливо проговорил Стефано и потащил Лолу к машине. — И чего тебе эта клеенка сдалась? Нам к эфиру надо готовиться! Третий час уже!

— Не клеенка, а пленка, — машинально поправила его Лола.

Репортаж был полностью готов, а Лола все просматривала кадры с падением женщины.

Стефано оказался прав, говоря, что «люди так не ходят» — Монашка плыла по воздуху! Так двигаются приведения в фильмах, покачиваясь в развевающейся одежде!

Лола не знала, как объяснить это зрителю, поэтому не дала никаких комментариев — пусть сами решают, на что это больше похоже!

Увеличив фокус, ей удалось рассмотреть глаза — они были большие, немигающие, бесстрастно пронизывали черноту ночи и ярко выделялись на темном лице Монашки.

Момент падения был зафиксирован Стефано совсем неплохо — вот она остановилась, покачиваясь, нагнулась еще ниже, всматриваясь в морские волны, и вдруг, как будто окончательно решившись, прыгнула вниз и полетела, разбросав руки. Никто ее не толкал, сама упала, заключила Лола.

Единственное, что ее смущало — это уход расследования в мистическую колею, а такая реалистичная деталь, как находка одежды бросившейся в море женщины, на самом деле, только подчеркивала фантастичность происходящего.

Лола напомнила зрителям о пропаже Енцио, отметила, что пока его следы, кроме тех, что закончились перед кладбищем, так и не найдены.

— Хватит медитировать над материалом, отправляй на канал, и спать! Завтра тяжелый день, — сказал Стефано.

Лола и сама знала, что завтра придёт технический отдел, чтобы была возможность выходить в прямом эфире, а рано утром обещала пожаловать Дана, так что спать оставалось часа четыре от силы.

Уже лежа в постели, она прочла сообщения, которые ей прислал Капеллини, написала ему несколько ласковых слов в ответ и погрузилась в сон...

ГЛАВА 9

Проснулась Лола от громкого стука в дверь. Телефон свалился с тумбочки и тарахтел, кружась на полу.

Она проспала все на свете!

— Эй! Лола! У тебя все в порядке?! — надрывался за дверью встревоженный голос Даны.

— Да! — Она вскочила с кровати, схватила не замолкавшую трубку и открыла дверь.

Дана влетела в номер, из-за ее спины выглядывал Стефано.

— Сегодня утром полиция обнаружила труп женщины! — возбужденно сообщила она. — К камням прибило, возле порта! Первый канал прибыл в полном составе! Одевайся быстрее! Поехали!

Труп женщины! Наконец-то все станет ясно!

Они быстро загрузились в машину, взвизгнув тормозами новенькой «тойоты», на которой приехала Дана, и рванули в порт.

На площади перед ними предстала знакомая до боли картина — журналисты металась между местными жителями, которые прочувствовали, наконец, свою значимость и с удовольствием отвечали на вопросы, два автобуса с антеннами находились поодаль, полицейский катер виднелся в порту, а в центре толпы стоял начальник полиции Асканио Боссети.

— Добрый день! — подходя к нему, поздоровалась Лола.

Он тут же представил ей своего заместителя Мауро Борго, сказал, что со всеми вопросами пусть обращаются к нему, а сам быстрым шагом направился к стоянке автомобилей.

Борго Лола помнила еще с прошлой ночи, на катере он сидел напротив нее и приветливо объяснил, что человек, пришедший с Боссети, и есть начальник пожарной охраны.

— Труп обнаружили сегодня утром около девяти, недалеко от порта в прибрежных камнях. Мы утренний рейд уже закончили и на стоянку возвращались, вот тогда и увидели что-то белое прямо у самого берега.

— Уже известно, кто эта женщина? — с волнением спросила Лола.

— Пока нет...но...

— Что?!

— Документов при ней не найдено, но, скорее всего, она не местная. Не хотел давать непроверенную информацию, но с вами не поспоришь, — улыбнулся Лоле Борго.

— А как продвигается расследование по делу Енцио?

— Ведется работа на основании следов, обнаруженных собаками, восстанавливаются все передвижения Енцио, начиная с праздника. К сожалению, мобильник парня полностью пропал из зоны приема около часа ночи и, скорее всего, был уничтожен. А по поводу Монашки, слухов и легенды, мы знаем, что Енцио ушел с праздника с Франческой, которая изображала Монашку, и не более того. Она вернулась домой, а парень пропал. Как это соединить с утонувшей женщиной?

— Но женщина и есть Монашка, я сама видела, как она бросилась со стены замка! — не выдержала Лола. — Во всяком случае, она была одета во все белое, что напоминало праздничную одежду сестер ордена Святой Клариссы!

— Единственное, что я могу сказать, это то, что, возможно, кто-то использует легенду в своих целях, — покачал головой полицейский, попрощался с журналисткой и зашагал по площади.

А ведь это мысль! Он совсем не глуп, этот Мауро, почему мне это раньше не пришло в голову? — подумала Лола и повернулась к Стефано:

— Возьми общий план площади, и на этом закончим, а я с Мауро хочу без камер поговорить.

Она подошла к полицейскому, когда он уже открывал дверь машины, и попросила:

— Подождите секунду! У меня к вам буквально несколько вопросов. И, если можно, сядем в машину, чтобы коллеги нас не увидели.

— Конечно, — кивнул он и открыл перед Лолой дверцу автомобиля.

— Во что была одета женщина, когда вы ее обнаружили? — усевшись на пассажирское сиденье, задала она вопрос.

— В белую шерстяную кофту и джинсы, — ответил Мауро.

— Значит, эту рубашку она надевала сверху! — ошеломленно проговорила Лола.

— Возможно, — внимательно посмотрел на нее полицейский и неожиданно добавил: — Видели мы ваш последний репортаж, оказывается, вы смогли снять падение Монашки. А ведь не сказали ничего!

— Не до этого было, — схитрила Лола.

— Начальник будет ваш материал запрашивать.

— Да ради Бога! Я вам его хоть сейчас покажу!

— Да что с того, если я один посмотрю! Нам надо его с экспертами спокойно разобрать.

— Нет проблем, конечно, дадим, по первому же требованию полиции.

— Вот и хорошо. — Мауро всем своим видом показывал, что разговор закончен.

— Большое спасибо, — открыла дверцу Лола.

В этот момент у Мауро зазвонил телефон, и он приложил трубку к уху. Лола насторожилась и не стала пока вылезать из машины.

— Когда? Прямо сейчас?! Еду! — коротко отчеканил Мауро.

— Что случилось? — не удержалась Лола.

— Франческа пришла в полицию и дает показания, — быстро проговорил он. — Все, извините, больше не могу разговаривать. — Он дождался, когда Лола выйдет и захлопнет дверцу, и газанул с места.

ГЛАВА 10

Франческа сидела в участке полиции в кабинете начальника.

Стул был жесткий, с прямой неудобной спинкой. Неимоверно болел затылок, то ли от страха, то ли от напряжения. Привыкшая к отцовской поддержке, она с трудом заставляла себя сконцентрироваться.

Народу в кабинет набилось много, и Франческа чувствовала, как любопытство витает в воздухе.

И чего им всем надо? Совсем не так она представляла себе свой приход в полицию, надеясь, что удастся поговорить с одним начальником.

Всех присутствующих она хорошо знала: Асканио Боссети, начальник полиции и приятель отца, обычно улыбчивый и приветливый, а сейчас такой официальный и серьезный, два брата-погодки Гризанти, не намного старше самой Франчески, с деловым видом наблюдавшие за допросом и не задавшие еще не одного вопроса, толстый полицейский за компьютером, которого она тоже знала в лицо, но не помнила, как зовут, и, наконец, подъехавший заместитель Боссети Мауро.

— А почему ты нам все сразу не рассказала? — Начальник смотрел строго, и сердце Франчески сжалось.

— Неловко мне было. Вы же знаете, какой у нас народ, потом такого наплетут, не отмажешься, — вздохнула Франческа. — Тогда еще все были уверены, что Енцио загулял где-то, ну, я и подумала, что, возможно, это не так уж и важно.

— А Енцио не жалко было, он же вроде тебе очень нравился?

Она вздрогнула и опустила глаза.

— Жалко... только Енцио совсем не такой оказался. Я когда поняла, что его после никто не видел, решила прийти в полицию. Но ребята позвонили, и я обещала им, что буду молчать.

— Так они звонили тебе?! А что хотели? С этого места поподробнее, — повысив голос, требовательно проговорил Мауро, и Франческа пожалела, что пришла одна.

После разговора с отцом она немного успокоилась, но сейчас опять начала чувствовать себя предательницей.

— Звонили несколько раз, даже угрожали. Требовали, чтобы я никому ничего не рассказывала.

— А твой отец знает всю эту историю? — Боссети так смотрел на нее, что душа уходила в пятки. Никогда раньше она не замечала у него такого взгляда.

Вот как раскалывают преступников! И не отвертись, хочешь — не хочешь, а все расскажешь!

— Да, вчера весь вечер с ним говорили.— Франческа опять опустила глаза, боясь, что они поймут, что она все выложила отцу в ту же ночь.

— Ну, так что? Тянуть нечего, забирать надо парней! — подал голос один из братьев Гризанти.

— Непонятно только, куда они могли труп спрятать? — обратился к начальнику второй брат.

— Как труп?! Что, обязательно труп?! — Франческа вцепилась в стул с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

— На эту тему потом поговорим, — зыркнул на Гризанти Асканио и, повернувшись к девушке, с улыбкой протянул ей протокол: — Распишись вот здесь и свободна пока. Отцу привет передавай. Молодец, что сама пришла!

— Собаки все указали правильно, — задумчиво проговорил Мауро, — а куда девался Енцио с пятачка перед кладбищем, нам должны рассказать трое друзей — Анжело, Леонардо и Дарио.

— Ну что, по коням?! — заспешили братья Гризанти.

Чтобы избежать нападков журналистов, собравшихся толпой перед участком полиции, Франческу вывели через задний вход, где ее уже ждал отец.

Всю дорогу они молчали, и только, войдя в дом и не снимая куртки, он сел перед холодным камином и спросил:

— Ну, как ты?

— Не пойму, еще не пришла в себя.

Последняя фраза полицейских о трупе застряла в мозгу. Она представляла себе что-то подобное, ведь не испарился же, действительно, Енцио, и не утащила же его, на самом деле, Монашка. Но, когда слово «труп» официально произносят в полиции, относительно знакомого тебе человека! Оно как будто материализовалось и обрело реальную картинку, от которой Франческу бросало в дрожь.

А кто эта женщина, которая ходила по стене замка, и чье тело обнаружили сегодня утром? И какое отношение она имела к пропаже Енцио?

Она вспомнила, как страшно было стоять, там, наверху, даже со страхующей ее лонжей, как луч прожектора слепил глаза, и казалось, что за ним черная пустота и ветер. А женщина ходила по другой стороне, где стена еще уже!

Франческа видела репортаж этой настырной журналистки и те жуткие кадры с падением Монашки. Почему-то сразу становилось понятно, что это не фальшивка, что все происходит по-настоящему, и внутри Франчески навсегда засело ощущение изумления и пронизывающего страха.

А что, если у них в замке, и правда, появилась своя Монашка, как в том озере Лохнесское чудовище?! Но она же упала и утонула! А вдруг появится еще одна?!

Невразумительные мысли путались, захлестывая одна другую.

Франческа, несмотря на свои восемнадцать лет, мало верила в приведения и потусторонние силы, и то, что ее размышления заплыли в русло загадочного и сверхъестественного, говорило только о том, что она находилась в состоянии полной растерянности и страха.

— Пап, а полиция ребят заберет? — села она рядом с Лучано.

— Думаю, да. Надо же выяснить, куда Енцио пропал. — Он ласково провел рукой по волнистым волосам дочери. — Поговорят и отпустят, если они ни при чем.

— Пап, а Гризанти еще что-то про труп говорили, — прошептала Франческа и, склонив голову ему на плечо, придвинулась еще ближе.

— Как про труп?! Они что, уверены уже, что его убили?! — Отец даже привстал с дивана. — И ребят подозревают?

— Я так поняла. Только потом полицейские меня из кабинета выпроводили, и я больше ничего не слышала.

— Не похожи они на убийц, — покачал головой Лучано. — Конечно, парни хулиганистые, кажется, даже с приводами в полицию, но чтобы убить... Хотя... — Он задумался.

В комнате неожиданно взвизгнул домофон, и Франческа вздрогнула.

— Кто там? — испугано спросила она, подняв трубку.

— Это я! Открывай! — раздался голос Грации.

Она стремительно влетела в дверь, гривка ее волос стояла дыбом, и, не успев отдышаться, выпалила:

— Трех парней забрали — Анжело, Леонардо и Дарио! С сиренами повезли! Прямо, как бандитов!

Франческа почувствовала себя настоящей предательницей.

— Ничего, в полиции разберутся, — проговорил Лучано.

— А тебя, значит, отпустили. — Грация оглядела комнату, как будто ища следы обыска. — А зачем ты в полицию пошла, не все рассказала в первый раз?

— Ну да, испугалась, — с вызовом тряхнула головой Франческа.

— А меня почему обманула? — насупилась Грация. — Я же спрашивала тебя, что и как, а ты...

— Слушай, Грация, — вступился за дочку Лучано, — не видишь, что Франческе и так плохо!

— А я и не думала никого обманывать, просто решила все не говорить. У тебя же язык не держится, сама знаешь.

Франческа вертела кончик платка, чтобы хоть чем-то занять руки. Нервное состояние не проходило, хотя она и надеялась, что после похода в полицию ей станет легче.

— Ну, давай, рассказывай! — как всегда безапелляционно заявила Грация.

— А что народ говорит, ты же, наверное, уже в курсе? — перебил ее Лучано.

— Ой! Ну, это! Вы даже не представляете! — захлебнулась в эмоциях Грация. Она больше любила говорить, чем слушать, поэтому быстро переключилась: — Шепчутся, что сторож замка организовал бандитскую группу и посылал этих ребят на убийства! А монашку заставлял по стене ходить, таким образом сигналы подавал! И что лучше всем по домам сидеть, особенно молодым, так как могут убить ни за что!

— Т-а-а-к, — протянул Лучано. — Глупость полнейшая! Опять сторожа замка приплели. Живет себе человек замкнуто, выходит только за продуктами, так надо его во всех смертных грехах обвинить!

— Но он страшный такой, на скалу похож! И до сих пор неизвестно, откуда он к нам пожаловал! — не согласилась Грация.

— Ну и что? Давай всех некрасивых людей подозревать. — Лучано встал, налил воды в стакан и посмотрел на девушек: — Вам налить?

— Нет, спасибо, — вразной ответили они.

Осушив стакан, Лучано повернулся к Грации и продолжил:

— «Бандитская группа, сигналы!» Ты сама-то хоть понимаешь, что это чушь собачья!

— Ну, не знаю... — поджала она губы и вдруг оживилась: — Но есть и другие слухи!

— Какие же? — поинтересовался Лучано.

— Говорят, что они все из-за Франчески передрались, а Енцио в драке убили! Только Монашка здесь тогда ни при чем получается. — Грация покосилась на застывшего Лучано и притихла.

— Передрались, да, только не убивали они его! — выдохнула Франческа.

— Так вот оно что! А ты сама все видела?! — воскликнула Грация.

— Нет, не видела. Когда Енцио меня на землю бросил, я закричала, а тут как раз ребята рядом проходили, ну и наподдали ему, а я убежала.

— На землю?! Вот сволочь! Думаю, правда, прибили они его! — уверенно заявила Грация.

— Говорят, что нет! — возразила Франческа.

— «Говорят»! — передразнила ее Грация. — Если ты сама не видела, откуда знаешь? Разве можно им верить, ребятки эти известные!

— Они же помогли мне, — тихо произнесла Франческа.

— Чего помогли-то? Им за счастье Енцио избить! Они же его терпеть не могли!

— Избить, но не убить, — не согласилась Франческа.

— Да что ты заладила! Енцио-то пропал! Вот где он, где? Скоро две недели будет, как его нет! Ясное дело, убили, а труп спрятали!

— Все, хватит! — остановил их Лучано. — Все равно Франческа ничего не видела и домой убежала, так что нечего тут придумывать, полиция во всем разберется.

Девушки притихли.

— Я прилягу, пожалуй, уж больно устал за эти дни, — сказал Лучано и направился к своей спальне.

— Пойдем на набережную прогуляемся, там бар новый открыли, посмотрим. — Грация потащила подругу с дивана.

— Не пойду я никуда, не хочется, — расстроено произнесла Франческа, — да и отцу надо ужин приготовить.

— Успеешь еще. Ты что теперь, так и будешь дома сидеть до посинения?

— Может, и буду! Тебе-то что?

— Как что? Мы же подруги или нет?! — обиделась Грация. — Ах, вот еще что забыла сказать, — спохватилась она, — а точнее, при отце твоём не стала распространяться. Говорят, что ты сама Енцио завлекала, от этого все и случилось.

— А кто такие слухи распускает?

— Отец Енцио, Карло, кому же еще такое в голову придет!

— Но как же, как же так?!.. — чуть не заплакала Франческа.

Вот чего она страшилась больше всего — слухов о том, что она сама «завела» известного своей горячностью Енцио. Те редкие случаи изнасилования на острове, которые доходили до полиции, рассматривались местными, как «не повезло мужикам, сама ноги раздвинула, а потом в полицию побежала», после чего оскорбленные женщины, как правило, были вынуждены менять место жительства и уезжать на материк.

А Франческа с таким нетерпением ждала этого праздника! И так хотела обратить на себя внимание Енцио!

Она знала, что ему нравятся совсем другие женщины — взрослые, опытные. Как-то она видела с ним одну такую, она лениво шла рядом, торжественно неся тяжелую грудь и сильно поводя затянутыми в узкую юбку крутыми бедрами.

Но именно Франческу выбрали на роль Монашки! И она стала героиней праздника!

А ведь если бы Енцио не вел себя так нагло, может, и случилось бы все у них. Недаром она пригласила его на танец и недаром согласно подалась вперед, почувствовав его твердые мышцы и прерывистое дыхание. А когда он предложил прогуляться, не отказалась, а с радостью вложила свою руку в его протянутую ладонь.

Но потом все пошло не так. Как только они свернули с набережной в лимонный сад, она все еще рассказывала ему о том, как было страшно там, наверху, когда она шла под музыку по стене, но он уже не слушал ее, резко схватил, повернул к себе и прижал сильно, губами ища ее губы. Она испугалась и быстро отстранилась, после чего они продолжали идти молча.

Вот когда ей надо было уйти! Бежать, бежать без оглядки! И тогда, может, ничего бы не случилось! И, возможно, Енцио не пропал бы!

— Да не переживай ты так! Не поверит ему никто. — Грация взяла ее за руку. — Ну что, пошли?

— Куда?

— Как куда, на набережную, в новый бар!

— Нет, я не пойду. А ты сходи, узнай там последние новости, потом мне расскажешь.

— Ну ладно. — Получив задание, Грация успокоилась. — Пока, до вечера! — сказала она, стоя в дверях.

ГЛАВА 11

Лола, Дана и Стефано, дежурившие возле участка полиции с другими журналистами, так и не дождались Франческу, а увидели ее, только когда Лучано захлопнул за ней дверь машины и просвистел мимо.

— Вот так, — огорченно сказала Лола, — а ведь мы интервью у нее брали. Ничего нам не рассказала. Был момент, когда я почувствовала, что что-то она скрывает, но так и не смогла вывести ее на чистую воду. Не простая девушка, ох, не простая!

Журналисты понуро стали разбредаться.

— Будем надеяться, что и остальные остались с носом, — заметила Дана.

— В любом случае с отцом Франчески им не справиться! Он к дочери никаких журналистов не подпустит! Так что можно не беспокоиться, — заключила Лола. — Дана, вся надежда на тебя и на твои связи в полиции. Мы должны первыми узнать, что там она рассказала!

— Есть! — Дана приложила ладонь к виску, как это делают военные, и даже щелкнула каблукми.

— А мне к техникам надо. — Стефано повернул к автобусу.

— Ну, вот и отлично, у всех есть задание, — улыбнулась Лола. — А я, пожалуй, по следу Енцио еще раз пройду, который собаки указали, может, что в голову и придет. Тем более что полиция окончательно подтвердила, что где-то в конце лимонного сада произошла драка, в которой участвовали несколько человек, и потом площадку перед кладбищем хочу осмотреть, где ищейки след Енцио потеряли, и откуда он, по-видимому, и исчез. Так что, если ничего экстраординарного не произойдет, вечером увидимся.

Она вышла на площадь, огляделась. Вот здесь танцевали Франческа и Енцио. Затем попыталась представить себя на месте девушки.

Франческа только что спустилась со стены замка, все глаза направлены на нее. Первый раз в жизни она стала героиней праздника!

Нельзя сказать, что эта девушка очень подвержена желанию находиться в центре внимания. Но, несмотря на то, что ей было совсем не интересно, покажут ли ее по телевизору, она с радостью согласилась на роль

Монашки. Значит, сделала это для кого-то. Но для кого? Для отца? Для кого-то, в кого была влюблена?

Дана говорила ей, что Франческе очень нравился Енцио, но Лола не придавала этому особого значения, приняв за очередные пересуды местных кумушек.

А что, если, именно здесь она и ошиблась? И надо отнестись к данному сообщению вполне серьезно и принять его за аксиому?

Объяснение Франчески, почему она выбрала именно Енцио, выглядели довольно бледно.

Вот она идет по дороге, соединяющей замок и остров, продолжала размышлять Лола, а расстояние не маленькое... Красивая девушка идет под музыку в развевающейся одежде и в лучах света прожекторов... Вот она вступает на площадь, идет в ресторан «Рыбак», подходит к столику, где, как сообщила Дана, и сидел Енцио...

Лола опять оглядела площадь, пытаясь сложить ускользающие мысли. Сцену окончательно разобрали, грязевые потоки очистили. Клетчатые скатерти на выставленных столиках баров и ресторанов весело подрагивали на весеннем ветру.

Группа неаполитанских журналистов пила кофе и громко переговаривалась:

— И зачем только ее на стену понесло?

— А сколько в воде пробыла, пока тоже не установили?

— И кто она такая, так никто и не знает!

Это они про обнаруженный труп женщины, догадалась Лола. Значит, она действительно не с острова.

Так, где этот ресторан?

Голубая вывеска «Рыбак» виднелась в самом конце, за крайней сувенирной лавкой — выходит, Франческа знала, где находился Енцио, и специально пересекла площадь и прошла мимо двух баров, чтобы пригласить именно его. И пусть кому-нибудь другому рассказывает, что она это сделала случайно! Скорее всего, все сплетни и разговоры имели под собой серьезные основания! Но что это дает для расследования?

Лола двинулась к набережной, посмотрела на замок.

Как там сторож поживает?

Сегодня крепость открыта для свободного посещения. Может, сходить, разведать еще раз...

Но одной в замок идти совсем не хотелось.

Она вернулась к своим размышлениям.

Вот Франческа и Енцио идут, держась за руки, вот здесь они свернули в переулок и подошли к лимонной роще...

Лола стала подниматься по склону. Клейкие листья деревьев до умопомрачения пахли свежестью, кое-где на ветках уже наливались белые бутоны. Шум волн, накатывающих на берег, еще доносился снизу со стороны моря, но замок сильно уменьшился в размерах и казался идеальной декорацией к средневековому фильму.

Она миновала церковь, прошла дальше, и вот оно, место предполагаемой драки. Но кроме желтой ленты, натянутой на стволах, и нескольких поломанных веточек ничто не говорило о происшествии.

Полиции виднее, предположила Лола, наверняка обнаружили что-нибудь еще, указывающее на борьбу.

Она потопталась у лимонного дерева в надежде, что какая-нибудь удачная идея озарит ее, как вдруг услышала громкие голоса, доносившиеся из-за церкви, и тут же направилась в ту сторону. С каждым шагом крики слышались все сильнее, но слов было не разобрать. Завернув за здание церкви, Лола увидела небольшую футбольную площадку, по которой носились мальчишки, а падре со свистком во рту исполнял роль арбитра.

— Неправда! Я его не толкал! Это он специально упал! — орал мальчишка в желто-канареечной майке, наскакивая на падре в подвязанной рясе.

— Ничего не специально! Вон, у меня на боку от твоего локтя даже синяк остался! — не отставал от него другой, вихрастый и чуть постарше.

Падре еще сдерживал напор «канареечного» мальчишки, но рядом уже завязалась потасовка. С криками: «Какое пенальти! Он сам упал!» — мальчишки дубасили друг друга, как показалось Лоле, уже без разбора, а падре пронзительно свистел, не зная, кого останавливать.

Ну, здесь все ясно! Лола повернула, было, в обратную сторону, как один из мальчишек, каким-то чудом разглядевший ее во время драки, вдруг остановился и воскликнул:

— Смотрите, Лола с пятого канала!

— Ой, и правда! — подхватил другой. — Интервью будете у нас брать? Про Монашку спрашивать?

Ребята перестали колошматить друг друга и подтянулись поближе.

— А вы что-то интересное видели? — спросила Лола.

— Я — нет, я спал уже, а мама моя видела, как Монашка упала. Мы здесь живем недалеко, — пояснил мальчик, указывая рукой за кладбище.

— Это у твоей мамы пленка для теплицы пропала? — догадалась Лола.

— Да, а откуда вы знаете? — Глаза его округлились.

— Профессия у меня такая, всех выпрашивать и все узнавать.

К ней подошел запыхавшийся падре, и Лола только теперь увидела, что ему не меньше семидесяти. Худоба и порывистость в движениях удачно скрывали его возраст.

— Добрый день! Я вас слушаю! — без особой радости произнес он и встал, отгораживая ребят от Лолы.

— Здравствуйте! Я случайно сюда забрела. Какое хорошее у вас футбольное поле! — На всякий случай Лола решила похвалить хоть что-то, чтобы снять настороженность.

— Да! Да! Как у профессионалов! — загалдели мальчишки. — Мы сами за ним следим и траву подсаживаем, где надо, а падре Грациано поливает!

— Молодцы! — сказала Лола и тут же добавила: — Ладно, мне пора, не буду вам мешать.

Лицо падре выразило облегчение.

Вот еще одно место, помеченное полицией. Желтая лента перегораживала даже дорожку, ведущую к кладбищу, так что войти туда можно было только сбоку.

Огороженный пяточок был небольшой, и, если в первом случае Лола заметила несколько поломанных веток, то здесь было все первозданно и нетронуто. Слово «испарился» как нельзя лучше подходило к данной ситуации.

Она огляделась — вон и дом, где живет та востроглазая женщина. Замок от дома находился далековато, но при желании что-то увидеть было можно.

А вон там проходит дорога. Если кто-то проезжал здесь той ночью, вряд ли через кусты мог заметить, что здесь происходило. А услышать? Лола прикинула расстояние — с дороги должны были услышать крики о помощи, если, конечно, не проезжали со скоростью сто километров в час.

Она внимательно осмотрела землю за лентой — ничего подозрительного, никаких записок, колец или других вещичек, которые обычно в детективах находит ушлый сыщик на месте преступления. А главное — никаких свежих идей! Затем повернула к кладбищу. Лола всегда недолюбливала такие места уныния и печали, но солнце светило ярко, только что распустившиеся листочки пахли весной, и она открыла чугунную калитку.

Кладбище было небольшое, аккуратное, с высокими кипарисами, с множеством живых цветов перед выцветшими фотографиями на мраморных

досках, вставленных в стены, и частными часовенками в центре. Основная, выложенная коричневой плиткой дорога вела от ворот к какому-то зданию неопределенного цвета, находившемуся в самом дальнем углу. Это не церковь — на католических кладбищах нет церквей, и не очередная часовня — для нее здание было слишком большим, может, крипта? (Строение на кладбищах, куда складывают останки из заброшенных могил).

Лола медленно двинулась по дорожке, как вдруг услышала странный скрежещущий звук — прямо ей под ноги покатилося железное ведро. Как бы по голове здесь опять не получить, — промелькнуло в мозгу, и она сделала шаг назад.

Из часовни вышел какой-то мужчина в рабочей одежде и, наткнувшись на Лолу, охнул:

— Ой, не заметил, когда вы вошли! А вы к кому? Что-то я вас здесь раньше не видел.

— Я просто так, прогуливаюсь. — Лола решила не представляться.

— Да, у нас много новых людей на остров приехало, в основном журналисты. Вы, наверное, одна из них?

— В общем, да, — уклончиво ответила она.

Несмотря на то, что человек говорил вполне осознанно, в лице его, сильно испещренном морщинами, читалось что-то ненормальное. Лоб постоянно поднимался, нарезая множество складок над бровями, необычные водянистые глаза тоже не стояли на месте и, упорно избегая встречаться взглядом с Лолой, двигались из стороны в сторону, изредка останавливаясь на ведре, которое нервно подергивалось у него в руках.

— А вы здесь работаете? — спросила она, оглянувшись на всякий случай.

— Да, я и за садовника, и уборщика, и за рабочего, все я, — сказал мужчина, переминаясь с ноги на ногу и дребезжа старым ведром

Почему в таких местах часто работают умственно отсталые люди? Может быть, потому, что они не боятся смерти или понимают ее по-своему? А может быть, им просто комфортно здесь, в царстве могил, — никто не задает лишних вопросов, дети не показывают на них пальцем... Нечего философствовать, одернула себя Лола и на всякий случай спросила:

— А когда у вас вход закрывается?

— Тут вообще ничего не закрывается. Кого здесь сторожить? Мертвецы не сбегут.

Интересное дело, подумала она, значит, сюда можно и ночью спокойно войти.

— Я ворота открываю по надобности, когда покойника привозят, а калитка все время открыта, — добавил садовник, кося глазами.

— А вы на другой день после праздника Монашки ничего здесь странного не ... — Лола не успела договорить, так как у нее зазвонил мобильник.

Это была Дана. Говорила она очень быстро:

— Трех ребят забрали в полицию по подозрению в убийстве Енцио! Стефано успел заснять только машины с «мигалками», так как информацию получили в последний момент!

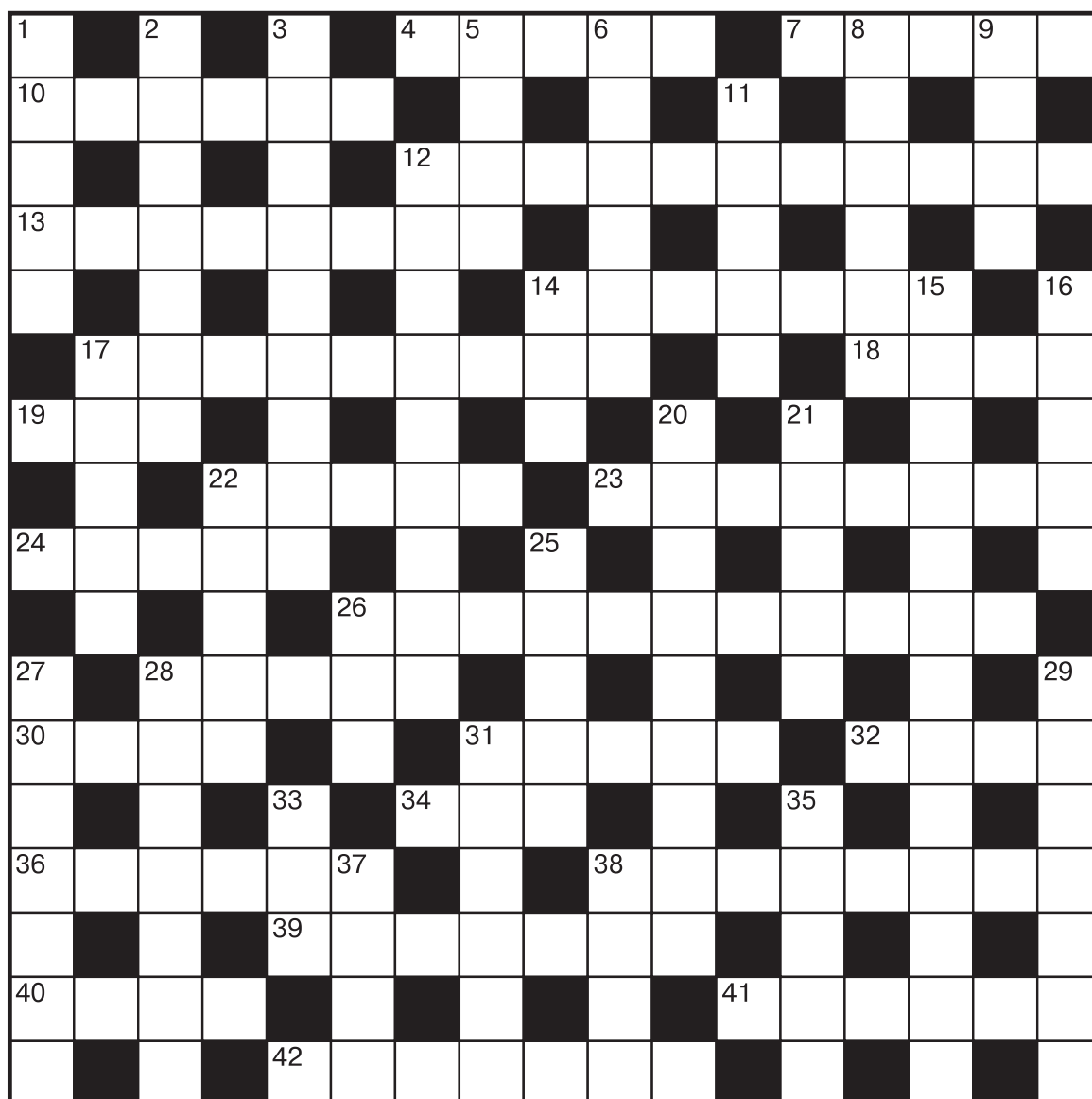
— Я так понимаю, это Франческа на них указала? — Лола бросилась к выходу, оставив изумленного садовника на дорожке и забыв попрощаться.

— Да! По показаниям Франчески, Енцио хотел ее изнасиловать, а ребята, услышав ее крики, кинулись в драку, но, по версии полиции, получается, что его забили насмерть, а труп спрятали! Быстро подъезжай к участку!

Лола бегом побежала вниз, к площади. Оставшийся за ее спиной замок грозно и загадочно смотрел ей вслед... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Особые приметы» для почтальона. **7.** Предприятие по переделке детей в отъявленных сорванцов. **10.** Кто изобрел «вечное перо»? **12.** «... людей видят свои ошибки, поэтому указывать на них не имеет смысла». **13.** Профессия Саши Савченко из фильма «Весна на Заречной улице». **14.** «Попасть в Книгу рекордов Гиннеса просто — надо ... раз плю-

нуть». **17.** «Народный Бумбараш» России. **18.** «Ты прощай, ... родимое, темна роща и пеньки». **19.** Что собой представляет траншея? **22.** За чем в вестернах «решающее слово»? **23.** «Итог встречи» прямо противоположных точек зрения. **24.** Решающая стадия в изготовлении керамики. **26.** «Город товаров». **28.** В каком детском журнале опубликовано первое есенинское стихотворение?

30. Камень, внушающий надежду.
31. Какой литературный жанр больше всего вдохновлял Ивана Крылова? **32.** «... стрелецкой казни» у Василия Сурикова. **34.** «Хранить возлюбленному верность мне помогает лишний ...» **36.** Одиночка для провинившегося арестанта. **38.** Жители острова Афродиты. **39.** Какой итальянский город дал имя целому государству в Южной Америке? **40.** Радикальное отсутствие света. **41.** «Кирпич» из «золотого запаса». **42.** Каким металлом особенно богаты мидии?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Что «не позволяет даже с самим собой говорить на равных»? **2.** Какой из наших сатириков стал первым мужем певицы Майи Кристалинской? **3.** Кого «платоническая любовь» «оставляет без работы»? **5.** Кто вернул послевоенному Парижу титул столицы мировой моды? **6.** Кто из российских президентов когда-то работал на стройке крановщиком? **8.** Сверкающий звездами полигон человеческого воображения. **9.** Какой музей гордится

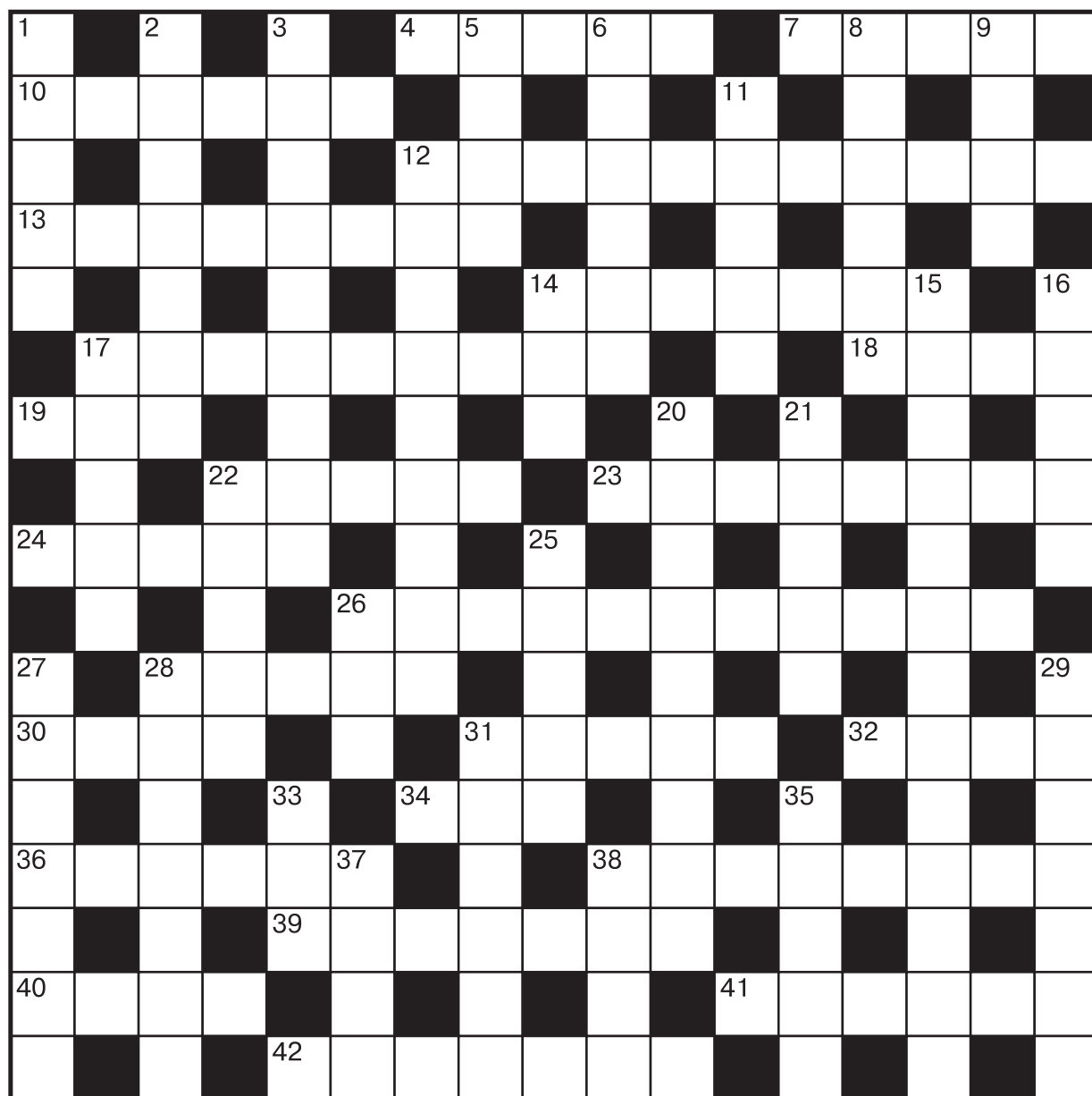
«Джокондой»? **11.** О каком ансамбле написано больше всего книг? **12.** Что настаивают на уксусе, дабы лечить варикозное расширение вен? **14.** «Сказка про олимпийских богов». **15.** Что самое тяжелое в ожидании «у моря погоды»? **16.** «На побывку едет молодой ..., грудь его в медалях, ленты в якорях». **17.** «Воскресший монстр» из ужастика. **20.** Какая историческая область связана с фильмом «Шербурские зонтики»? **21.** Итальянская богиня с культового полотна «Весна» Сандро Боттичелли. **22.** Ягода, из которой варят армянский национальный суп. **25.** Штат лучших стейков в США. **26.** Решающий момент футбольного матча. **27.** «Медвежий угол» с карты Коми. **28.** Художественное завязывание. **29.** Какой музыкальный инструмент может быть сильно затянувшимся делом? **31.** Светская, но не учтивость. **33.** Какой хищник упомянут в Библии чаще других? **35.** Что объединяет автомобиль с летучей мышью? **37.** Кто поет за Элвиса Пресли в «Годзилле»? **38.** Хранитель судового равновесия.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Шутка. **7.** Бард. **10.** Записка. **12.** Казачество. **13.** Почтальон. **15.** Перрон. **16.** Стинг. **18.** Арсенал. **19.** Гид. **24.** Мизантропия. **25.** Польша. **26.** Ладья. **27.** Народ. **30.** Риск. **34.** Рига. **35.** Клептомания. **37.** Ваза. **39.** Онассис. **41.** Бижутерия. **42.** Цапля. **43.** Гений. **44.** Синдбад. **45.** Тайна.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Радость. **2.** Лифтинг. **3.** Школа. **5.** Уран. **6.** Клад. **8.** Алтарь. **9.** Двойня. **11.** Пепел. **12.** Координатор. **14.** Девальвация. **15.** Пасть. **17.** Гиена. **20.** Пожар. **21.** Пирог. **22.** Спорт. **23.** Плеск. **28.** Ришар. **29.** Даная. **31.** Классик. **32.** Шприц. **33.** Никулин. **36.** «Интел». **37.** Верди. **38.** Зидан. **40.** Сажа. **41.** Блин.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Злющая баба, лицо у нее синее, морщинистое, зубами ляскает, морошку, клюкву да салат-траву боится» из поморских сказок. **7.** Паровое лукошко у китайских поваров. **10.** Единственный Папа Римский из голландцев. **12.** Парикмахер на старорусский лад. **13.** Какой сыр натолкнул Сальвадора Дали на идею картины «Постоянство памяти»?

14. Сленговый «скандал по пустякам». **17.** Футбол по эскимосским правилам. **18.** Язык норвежских цыган. **19.** Самый младший из династии, продержавшейся у микрофона «Умного ребенка» больше шестнадцати лет. **22.** Эстонская полька. **23.** Поздравительная открытка к Новому году у японцев. **24.** Охранник малютки Зевса. **26.** Жена Михаила Булгакова,

жившая в одной квартире с писателем и его новой женой уже после развода. **28.** Какой хореограф завещал развеять свой прах над песками Остенде? **30.** Индийская пшеничная лепешка. **31.** Сухой спирт в таблетках. **32.** Мишень из словаря Владимира Даля. **34.** Самый широкий водопад в мире. **36.** Терракотовый гроб. **38.** Актер, послуживший для создания портрета на нашем ордене Александра Невского. **39.** Кто из героев фильмов Вуди Аллена сходит прямо с экрана в зрительный зал? **40.** Гейзерная кофеварка. **41.** Парижский альманах, где опубликовали первое стихотворение Анны Ахматовой. **42.** Мята в «бенедиктине».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ученица гейши. **2.** Ликер из шотландского виски с медом. **3.** Как именно англичанин Льюис Кэрролл называл Верлиоку, Умзара, Борчардеса, Жаберволка, Убещура, Мордолака и Жабыка? **5.** Дунай античного звучания. **6.** Самый крупный роющий моллюск. **8.** «Всадник» из Большой Медведицы. **9.** Часовая шестеренка.

11. Стрела без наконечника для охоты на соболей. **12.** Машинка, чтобы закручивать края охотничьей гильзы. **14.** Временный запрет для пользователя. **15.** Какой скульптор сделал посмертную маску Сергея Есенина? **16.** Каменный талисман воинов и правителей. **17.** Древний город, чьи руины стали третьим из самых посещаемых мест археологических раскопок в Мексике. **20.** Кто в 1472 году выпустил первое печатное издание «Божественной комедии» Данте? **21.** Какой снэк так легко воспламеняется, что его можно употребить в качестве растопки для костра? **22.** Самая экзотическая из стран арабского Востока. **25.** Очень тонкая лапша из Японии. **26.** Скотный двор в казацком доме. **27.** Индийский мезальянс. **28.** Дубовая бочка у испанских виноделов. **29.** «Нашептывание шайтана» у мусульман. **31.** Какому мистеру Нил Армстронг пожелал удачи, сделав первый шаг по Луне? **33.** Портал в мусульманской архитектуре. **35.** «Искусственная шерсть». **37.** Капуста с кружевными листьями. **38.** Переключка солистов в джазе.

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Пицзю. **7.** Хорс. **10.** Ипатьев. **12.** Топинамбур. **13.** Сфероплан. **15.** Оранта. **16.** Отщеп. **18.** Хираути. **19.** Рее. **24.** Решетовская. **25.** Агартти. **26.** Адамс. **27.** Конас. **30.** Ипат. **34.** Пичи. **35.** Карагеоргий. **37.** Каво. **39.** Тресков. **41.** Бетменхен. **42.** Гарар. **43.** Капуя. **44.** Драйвер. **45.** Бакст.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Апофеты. **2.** Штюрмер. **3.** Лейпя. **5.** Итон. **6.** Зеин. **8.** Олбани. **9.** Сарган. **11.** Батри. **12.** Таривердиев. **14.** Фатермордер. **15.** Отбой. **17.** Пелтя. **20.** Иссоп. **21.** Габач. **22.** Галич. **23.** Казак. **28.** Никах. **29.** Симон. **31.** Таксеум. **32.** Магог. **33.** Видмарк. **36.** Арвак. **37.** Кнейп. **38.** Верея. **40.** Ваза. **41.** Барс.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 01 февраля 2017 года открыта **досрочная** подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2017 года по Каталогу ОАО Агентство «Роспечать» — «**ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ**» «**Спецвыпуск. Досрочная подписка**» в любом отделении почтовой связи.

На оформление подписки действуют цены 1-го полугодия 2017 года.

Каталог «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» «Спецвыпуск» Досрочная подписка»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов. Индекс 70820 — для остальных подписчиков
---	---	--

Подписка на текущие месяцы проводится по следующим индексам:
П2431, П2446 (льготный) — оформление возможно через online сервис:
<https://podpiska.pochta.ru>; **71518 (льготный), 70820, 99406, 88998 (адресный)**.

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

